ISSN 0130-8009

ПИОНЕР

2'90

ПИОНЕР

Выходит с 15 марта 1924 г.

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

Москва, 1990

Издательство «Правда»

2

ЧИТАЙ В ФЕВРАЛЕ

На обложке: рисунок К. Гераймовича

Даст он больше, чем просишь... С. 4

По подозрению в убийстве. С 48

С. 60

Равняйсь! Смирно! Равнение налево!.. Товарищ старший брат! Младший брат в твое распоряжение прибыл!

Вернее, наоборот: прибыл из армии старший брат, отслужив два года. Прибыл домой, в родные стены, бросил в прихожей вещмешок, скинул форму — честное слово, по гражданской одежде смертельно соскучился, даже по ночам снилась.

А младший брат натянул китель, пристроил на макушке фуражку: «Вот здорово-то! Я — воин... Солдат... Генерал игрушечной армии...»

Эх, зеленый ты, парень. Все у тебя впереди: и окончание школы, и призыв в армию, и солдатская нелегкая служба, и сны о доме по ночам, и долгожданные письма от родителей, и возвращение в родные стены, и вещмешок, брошенный в прихожей, и гражданская одежда... И мир, мир.

Не надо войн — пусть будет только мир. Пусть сражаются лишь игрушечные армии в мальчишеском воображении, а не люди наяву.

Пусть старшие братья приходят домой, а младшие — примеряют их не обагренные кровью, не припорошенные порохом мундиры.

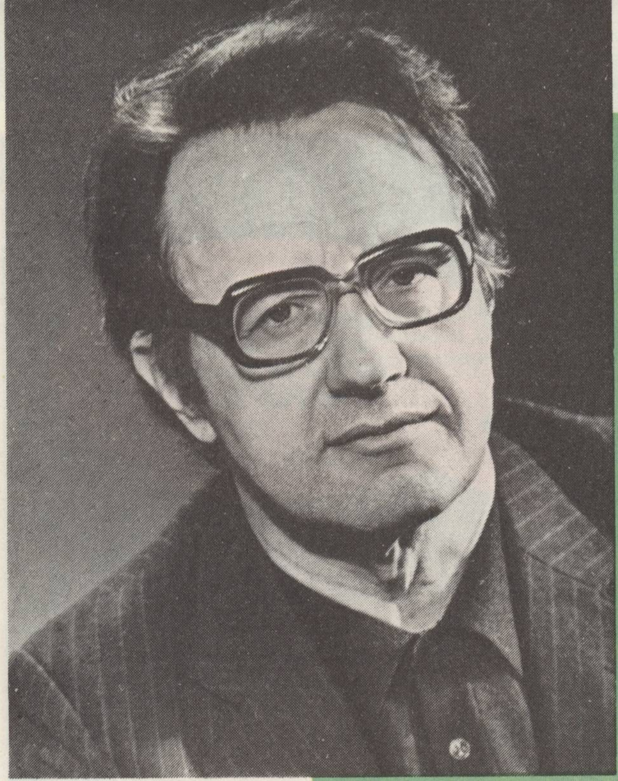
Бороться в мире за мир намного честнее и благородней, чем стрелять, крушить, дергать рычаги заведенных, бездушных, военных машин. И хладнокровно нащупывать в прицеле живого человека. Который — через прицел — кажется игрушечной фигуркой.

— Товарищ старший брат! Младший брат в твое распоряжение прибыл! Докладываю: дома — все спокойно, посуда — вымыта, вчера наш класс выиграл в футбол у параллельного, сегодня по географии получил пять!

Жизнь продолжается.

И. АНДРИАНОВА

— Дома — все спокойно,
посуда — вымыта,
сегодня по географии
получил пять!

Фотография Н. КОЧНЕВА

Спор об украденном детстве

«...Когда мой дед начинает разговоры про всякие истории прежних времен, мама на него машет руками и гонит меня на кухню. И мне слышно, как она кричит, чтоб не смел. Что рассказами про сталинские дела он крадет у меня детство...» Это из недавнего письма в редакцию. Есть и более «колючие»: не хотим слушать, не хотим знать! Не наше дело, вы жили так, а мы, новые, будем не так...

А как? Можно, конечно, завести какую-нибудь «Черную книгу обид» и до конца дней, ничего не делая, обижаться на минувшие исторические события и людей, проживших жизнь до тебя. А может быть, это неправильно... Пусть рассудит нас человек, от которого мы и услышали про «книгу обид». Человек, у которого детство было украдено. Он гнал фашистов из партизанских лесов Белоруссии.

Читал, может быть, его книги: «Партизаны», «Каратели», «Хатынская повесть» или написанные в соавторстве «Я из огненной деревни», «Блокадную книгу». А уж фильм по его сценарию «Иди и смотри» наверняка видел, и тут уж, по правде, прибавить нечего.

«Колючий» из самых «колючих», писатель Алесь Адамович не щадит тех, у кого в руках окажется его книга. Сам говорит: «Литература не врач, литература — боль».

Итак, с тобой говорит сегодня писатель АЛЕСЬ АДАМОВИЧ.

...А я вот, например, согласен с ребятами, которые говорят: «Вы страдали — а мы не хотим...» Я и сам не хочу, чтобы они страдали. Да и хочет ли этого хоть кто-нибудь?

Никогда не забуду, как мы снимали один из эпизодов фильма «Иди и смотри». О фильме часто говорят, что мы с режиссером Элемом Климовым сняли фильм слишком страшный. Но так уж вышло: это война. Такой я видел ее в свои четырнадцать — семнадцать и врать не могу...

Но вспомнить хочу о другом.

...Шла киносъемка. Артист, играющий эсэсовца, высоко поднял девочку, чтобы на глазах у матери и братика разбить, бросить ребенка, убить, а она, четырехлетняя Наташа из белорусской деревни Броды, звонко, радостно крикнула братику, который где-то там, внизу: «Андрей! Это я!» Сорвала режиссеру «дубль», но как же радостно рассмеялась вся киногруппа в ответ на отчаянное неверие ребенка в жестокость, в зверство, в войну.

В детстве заложена радость, непобедимость радости. И сколько же нужно горя, зла, чтобы капля по капле уходила радость из детства...

Что же мы, старшие, делаем, когда рассказываем о пережитом? Не проще ли уберечь от тяжких воспоминаний? Но злом я бы это не назвал. Это скорее «прививка правдой». Как прививка против страшной болезни — она ведь не для того, чтобы причинить боль. Она для того, чтобы устоять перед болезнью, уметь перебороть ее. Чтобы уметь дать отпор, когда посягают на радость и свет. Чтобы никто не смел навязать свою волю и заставить «жить навыворот». «Жизнь навыворот» выпадала многим из тех поколений, что прошли чередой до тебя. Не хочешь «навыворот»? Но надо очень хорошо знать, *чего* не хочешь, чтобы знать, чему противостоять.

...Не забуду никогда лица своей матери, когда через двадцать лет после войны вдруг принесли ей медаль «За отвагу» (а она у нее уже была.) Мать почему-то решила, что это никакая не ошибка,— это опять началась война! У нее было такое же лицо, как *тогда* — в тот день, когда она поняла, что нас, сыновей, не убережет дома, что и мы — и старший, и меньший, и вся семья — уйдем к партизанам.

Вот я вспоминаю войну. И прежде, чем смерть, чем ненависть, и все то дикое и страшное, о чем не забыть, встает передо мной лицо мамы.

...Когда-то пришла мне мысль о некоей «Книге обид». Но не тех, которые тебе, твоему народу, твоей стране причинили другие. Об этом хватает литературы, понаписано. А о тех обидах и бедах других, в которых ты и твоя страна повинны, тогда легче будет и чужие грехи прощать, искать то, что объединяет, а не разъединяет народы.

Может быть, прав Достоевский, устами своего героя говоря: «Все перед всеми виноваты»? Когда речь идет не только о межнациональных спорах, но и о спорах поколений, каждое новое поколение предъявляет счет прежнему — а ведь проще просто не повторять ошибки... Но, чтобы не повторять, надо помнить, какой ценой оплачена сегодняшняя жизнь. Не хочу видеть в детях полных незнаек. Это ведь только земноводные — если холодно, и они холодные, а в тепле теплые и они...

Но не хочу ни сынов наших, ни дочерей обижать. Хочу в них верить. И если кто-то ведет — если не пером, то в уме да в разговорах — счет обидам, лучше бы такой «книге» не бывать.

А вот другую книгу, в которой не будет счета страницам, давайте писать вместе! И первые страницы есть. Первые, начатые именно вами...

«Мемориал» начинался ребятами четырнадцати-пятнадцати лет, когда года два назад они стали всюду — на улицах, перекрестках, в театрах, на вокзалах — собирать подписи граждан под письмом о необходимости создания Памятника жертвам сталинизма. Мысль такая не сегодня родилась — еще была выдвинута Н. С. Хрущевым на XXII съезде партии. Только во времена застоя идею «похоронили», но вот нынешняя молодежь возродила ее.

Историко-просветительское общество «Мемориал» — всесоюзное. Те 50 тысяч подписей, которые собрали ребята,— это было начало. «Мемориал» объединил ученых, писателей, общественных деятелей, в общем, людей самых совестливых, достойных. Только без вас, ребята, не сможем мы сделать всю ту работу, которая нужна. Не только ведь нужен Памятник. Скорее — памятники. В Москве, в Минске, в Ленинграде, в Киеве... Может быть, повсюду, где томились и истязались жертвы сталинского беззакония. Главное — понять: что же происходило с нами, какие масштабы сталинизм приобрел, какие сейчас последствия сказываются на душах людей? Как это преодолеть?

Нет, нужны не просто памятники. Нужен целый комплекс,— назовем его Мемориал Совести, в котором будут представлены самые кровоточащие свидетельства страшного времени репрессий.

...Нас разобщили, лишили доверия друг к другу, а тем самым самоуважения. Нас едва не отдали на расправу фашизму, оккупантам, а потом третировали как предателей: «Находились на оккупированной территории...» Это мы-то с матерью «находились»? Пряча раненых, поджидая вражеские обозы, преследуя карателей? Наконец, это он, Сталин, противопоставил меня всему человечеству и очернил социализм до такой степени, что у миллионов людей за рубежом придумались страшные слова: «Лучше быть мертвым, чем красным»...

Правду о судьбе жертв сталинских репрессий должны знать не только наши сыновья и дочери Должны знать те, кто будет жить после них, и для них тоже не будет «украденным детством» горькая память. Горькая правда.

А сейчас — маленькая подсказка.

...«У этой правды есть адреса, номера телефонов, фамилии, имена. Она живет в ленинградских квартирах, часто со множеством дверных звонков — надо только нажать нужную кнопку, возле которой значится фамилия, записанная в вашем блокноте. Ожидавшая или не ожидавшая вашего посещения, вашего неожиданного интереса, она взглянет на вас женскими или не женскими, но обязательно немолодыми и обязательно взволнованно-оценивающими глазами («Кто?.. Почему?.. Зачем им это?»...). Проведет мимо соседей к себе и скажет почти обязательное: «Сколько лет прошло... Забывается все...» — так когда-то мы вместе с писателем Даниилом Граниным начали свою «Блокадную книгу». Уже написано было много о войне, и о блокаде тоже. И тогда мы решили действовать совсем по-другому. Пока живы еще те, кто пережил блокаду, уберег душу от распада, от страха, помнит, *почему* не сдался их город,— надо записать их доподлинные рассказы, напечатать их так, как они рассказаны, какими бы ни были страшными, жестокими даже по своей Правде.

Если раскроешь еще раз «Блокадную книгу» — поймешь нашу цель. Так же, без прикрас, без скидок на время и без пощады — вот так же надо записать рассказы тех, кто пережил не менее страшное, чем война,— застенки сталинских «следствий», стужу и издевательства сталинских лагерей.

Я знаю, что журнал «Пионер» уже обращался к своим читателям с той же просьбой, с какой обращаюсь сейчас я. Узнайте у своих родных и соседей, у их друзей — может быть, на твоей улице, в твоем поселке живут люди, которые встречали на этапах, в ссылках известнейших людей — писателей, артистов, военных. Впрочем, совсем не обязательно известных...

Через их судьбы мы поймем, что пережили и от чего мы должны уйти как можно дальше. Ищите таких людей! Все, о чем поведают они, надо записать. У них могут быть старые фотографии, газеты, письма, документы.

Вот наш адрес: Москва, Черняховская улица, 2. Общество «Мемориал».

Все, что пришлете вы, будет демонстрироваться в музеях, издаваться, станет Книгой о страшной правде тех лет.

Вслушайтесь в старые истории... Иначе ведь нового не понять, не создать. Не быть хозяином своей судьбы — и значит позволить красть, транжирить, унижать ДЕТСТВО...

Записал Вл. ВАСЮХИН.

Алан МИЛН

Неправильный дом

Я в доме живу, но это не дом.
Большие ступени, и сумрачный холл...
Но нету в нем сада,
Да, сада,
Да, сада,
Досада, конечно, и скука притом.

Я в доме живу, но это не дом.
Ворота, стена и раскидистый сад.
Но где же в нем вишни?
Да, вишни?
Да, вишни? —
Давнишний мой друг и веселье притом.

Я в доме живу, но это не дом.
Вижу, как с вишен летят лепестки.
Но нету в нем ласточек,
Ласточек,
Ласточек,
Ласковых криков — и счастья притом.

Я в доме живу — и это мой дом.
Ласточки с криком снуют под окном.
Но никто их не слышит,
Не видит,
Не любит,
Никому они не нужны притом.

Прыг

Кристофер Робин
Все прыгает, прыгает,
Прыгает, прыгает, прыг.
Будто кузнечик —
И что им там двигает?
Двигает, двигает, двиг!..
Он говорит, что когда остановится
Даже на миг,
Лопнет пружина,
Река остановится...
И потому он все прыгает, прыгает,
Прыгает,
Прыгает,
Прыг.

Хорошая девочка

Забавно, как часто они говорят: «Эмми!»
«Ты хорошо себя вела?»
«Ты хорошо себя вела?»
И снова твердят, повторяют все время:
«Ты хорошо себя вела?»
«Послушной девочкой была?»

Пойду ли к подружке, зайду ли к соседям,
С тетей ли к морю на праздник уедем,
Вернусь ли с прогулки, приду ли из школы,
Я слышу все тот же вопрос невеселый.
Они возвращаются к той же теме:
«Да?
Ты хорошо себя вела, Эмми?»

Так всегда на закате прекрасного дня:
«Ты хорошо себя вела?»
«Ты хорошо себя вела?»
В зоопарке была, дома ждали меня:
«Ты хорошо себя вела?»
«Послушной девочкой была?»

Что, они думают, я там делала?
Залезла в клетку к медведю белому?
Или таскала за хвост крокодила?
Была бы я счастлива, если б так было!
Папа и мама, точно не зная,
Надеются все же, что я плохая:
«Да?
Ты хорошо себя вела, Эмми?»

Джонатан Джо

Джонатан Джо,
Чей рот в форме О,
Катит подарков тачку.
Он тебе привезет:
Хочешь — парусный бот,
Хочешь — маленькую собачку.

Вверх подбросил он мяч,
Чтоб сумел ты поймать.
Даст он больше, чем просишь, и лучше:
И волчок — и серсо —
И часы — и все, все —
И сластей — и шкатулку — и ключик.

Джонатан Джо,
Чей рот в форме О,
К нам приходит на день рожденья,
Улыбнешься ему,
Все бери, потому
Что улыбка ему вместо денег.

Королевские рифмы

Король всей Боливии
Был многих пугливее,
Но и многих счастливее,
Ибо рифмы любил.
Если, скажем, посол,
Представляться пришел
Или «сколько на ваших?»
Придворный спросил,
А часы его стали;
Или холодно в зале —
И остыл его завтрак —
И ни пенни — в казне;
Или вдруг вроде рыбки
Он нырнул (по ошибке)
Во дворцовый колодец,
Где лягушки на дне;
Иль затмение или
О свечах позабыли,
От смущенья король
Начинал бормотать.
Что за странные рифмы?
(Может быть, логарифмы),
Сорок раз повторив, мы
Повторим их опять:
«Шесть на восемь —
Сорок восемь,
А четыре мы отбросим.
Плюс один,
В итоге — девять.
Две девятки надо сделать.
Пятью пять —
Двадцать пять;
Две девятки;
Семь в остатке.
Два отнять —
Было пять.
Время примечаю.
Это, надо понимать,
Приглашают к чаю».

Если, скажем, кухарка,
Чистя латы монарха,
Не надраит их ярко —
И так, мол, сойдешь;
Или вот — именины —
Все сидят у камина,
Скорчив постные мины,
А на улице — дождь;
Иль на празднике нации
В блеске иллюминации,
Принимая овации,
Вдруг он станет икать;
Или после поклона
Потерялась корона —
Надо ползать у трона
И корону искать;
Шепот слышится слева —
Там сидит королева,
Вся пылая от гнева,
Хоть не слушай ее;
О, тогда от смущения —
И — вообще — ощущения —
Начинает король
Бормотанье свое:

«Шесть на восемь —
Сорок восемь,
А четыре мы отбросим.
Плюс один,
В итоге — девять.
Две девятки надо сделать.
Пятью пять —
Двадцать пять;
Две девятки;
Семь в остатке.
Два отнять —
Было пять.
Время примечаю.
Это, надо понимать,
Приглашают к чаю».

Перевел с английского
Г. САПГИР

Домовой

В большой нашей ванной за шторой у двери
Он прячется в складках, похоже.
Он есть или нет, я не очень уверен
(И Нани, я думаю, тоже).

Я за — заглянул, но исчез он так скоро,
Что я только крикнул: «О боже!»
Он сам, как лоскутик — который за шторой.
(И Нани так думает тоже).

Рисунок К. ЯСИНСКОЙ

НАБОЛЕЛО

О прочности «потемкинских деревень»

В пионерском лагере «Союз» царила напряженная атмосфера. С самого утра всех ребят согнали в клуб и заставили репетировать песню «Солнечный круг». Потом дали команду строиться, и мы вылетели из зала на улицу, подгоняемые истошными криками физрука. Кто-то уже начал скандировать и размахивать флажками, и вот, когда мы уже совсем были готовы к встрече дорогих зарубежных гостей, вдруг раздался голос старшей пионервожатой: «Спасибо, ребята. Все расходимся. Только строиться надо быстрее». Оказалось, что это была репетиция.

Американцы к нам все-таки приехали. Они были разных возрастов и размеров. Мы подготовили специально для них концерт с танцами и песнями, хороводами и хлебом-солью.

После концерта начальство лагеря пригласило гостей в столовую. С удивлением обнаружили мы на столах и салфетки, и ножи, и солонки. Спасибо гостям, а то бы никогда не узнали, что все это в нашем лагере есть.

Вожатые по сто раз предупредили свои отряды: надо делать вид, что все, что стоит на столах, нас совершенно не волнует,— мы каждый день едим так. Но только мы увидели разнообразные сласти и пироги, как руки сами потянулись к блюдам. Я, видно, с таким вожделением смотрела на стол, что мой собеседник — американский мальчик — вытащил из сумки кулек конфет и протянул мне.

Зато, когда гости ушли, хозяева штурмом взяли столы, причем не только ребята, но и вожатые.

Да, живут и здравствуют еще «потемкинские деревни» у нас в стране.

Между прочим, поместить эту заметку в лагерную стенгазету нам не разрешили.

Настя Нипан,
г. Москва

ХОЧУ ПОНЯТЬ

Не можете — не проводите вовсе

«Ну зачем нужен этот праздник — «Прощание с красным галстуком», если ты уже принят в комсомол? Кому нужны эти заформализованные мероприятия?»

Олеся Гадалова,
г. Свердловск.

«Никому,— ответили нам в **Центральном Совете Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.**— Заформализованные мероприятия никому не нужны. Если вы не можете сделать этот праздник действительно интересным, ярким, запоминающимся, лучше не проводить его вовсе. Только не ждите, что ваша жизнь в комсомоле получится интересной, яркой, запоминающейся. Если человек уже к четырнадцати годам превратился в формалиста, вряд ли он какое дело сможет сделать здорово».

Старый мальчишеский закон

Наш класс ездил на экскурсию в Одессу. Там на привозе двое наших мальчиков купили порнографические открытки. В школе они пытались продать эти открытки, и за этим занятием их поймал директор. На педсовете немало досталось нашей классной руководительнице. А она начала винить весь класс: почему мы не донесли на своих одноклассников? А мы думаем, что доносить — это нехорошо. За это всему классу снизили оценки по поведению.

Игорь С.,
Черновицкая обл.

На это письмо мы попросили ответить **писателя Льва Эммануиловича РАЗГОНА,** человека сложной судьбы, которому выпала доля жить в то время, когда доносы процветали в нашей стране и многие люди по глупости, слабости или из корысти при помощи доносов лишали своих знакомых, соседей и сослуживцев свободы, а порой и жизни.

— Ответ на этот вопрос прост. Со злом надо бороться не доносами, а самому, своими руками. Есть старый мальчишеский закон: если видишь, что приятель зарвался, всыпь ему, а не ходи жаловаться взрослым. Так что, если вы не донесли на ваших «героев» от секс-бизнеса учительнице, а просто надавали им по шеям, вы были правы.

Владислав КРАПИВИН

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

ЗАСТАВА НА ЯКОРНОМ ПОЛЕ

ПОВЕСТЬ.

Окончание.

Начало в №№ 10—12 за 1989 год и в № 1 за 1990 год.

Мальчик по имени Матиуш едет в поезде по Большому Кольцу Полуострова. Мать дала мальчику прозвище Ежики — за колючий характер. Ее нет в живых, и отца тоже. Но Ежики может слышать ее голос: записанный на магнитофонную ленту, он объявляет станции. Неожиданно объявляется какое-то «Якорное поле». Такой подземной станции на Большом Кольце никогда не было. Ежики выходит из поезда и поднимается на поверхность. Он видит поле с лежащими на нем старинными якорями и крепостью, кронверком. Матиуш знакомится с двумя мальчишками и девочкой — Рэмом, Филиппом и Лис. Филипп дарит Ежики якорек. В главной диспетчерской Большого Кольца ничего не знают о таинственной станции. Все убеждают Ежики, что такой станции нет. За Матиушем приезжает Кантор — ректор Особого суперлицея, где учится мальчик. Якорек, подарок Филиппа, исчезает. Он появляется у Гусенка — так про себя назвал Ежики одного новенького ученика. Гусенок хочет вернуть находку хозяину, но Матиуш не берет якорька. За это Гусенок дарит Матиушу монетку, которая, как выясняется, тоже однажды принадлежала Ежики. Монетку отняли у него мальчишки — «садовые тролики», после испытаний вернув взамен монетки Яшку, Яшка — это кристалл, выращенный мадам Валентиной в старинном городе Реттерхальме. Он много знает и помнит, и с ним можно разговаривать при помощи персонального компьютера. Яшка советует Ежики вернуться на Якорное поле, что Матиуш и проделывает. А Яшка тем временем подключается к кабелю Всеобщего информатория — получить побольше новых знаний. На поле Ежики заходит в кронверк, где в одной из комнат наталкивается на телефон. Сняв трубку, Ежики слышит голос матери, который зовет его в комнату номер 333. В ней Ежики обнаруживает Кантора. Кантор и доктор Клан усыпляют Матиуша гипнозом, но Ежики пересиливает дремоту и слушает их разговор. Из разговора он понимает, что Кантор готовит какой-то глобальный переворот на Полуострове. Мальчика переводят в лицейскую больницу, где он узнает, что через три дня его заберет из лицея тетя Аса. Это постарался Яшка, отправив жалобу во Всемирный комитет по охране детства. А пока Ежики снимает Яшку с кабеля Всеобщего информатория, и Яшка просит Ежики, чтоб тот помог ему стать звездой, пообещав в то же время помочь разгадать тайну Якорного поля и Кантора. Ежики засыпает, положив под подушку Яшку.

Проснулся Ежики, когда за окном среди черных листьев еле наметилось серое утро. Ощущение, что он держит мамины пальцы, было таким настоящим, что несколько секунд Ежики не шевелился и не дышал. Но уже понимал, что это остаток сна. И уходил сон безжалостно и быстро...

А может, и Яшка приснился?

Нет, кристалл и монетка были под подушкой. Нервно и нетерпеливо Ежики сжал их в кулаке. И сразу Яшка зажужжал — торопливо и слегка обиженно:

— Ты же сам виноват. Прежде ты никогда не говорил про мамин Голос. И про Кольцо. Нужно было сразу...

— Я сейчас... Я скажу...

— Теперь не нужно. Знаю и так...— Яшкин голосок стал чище, тише и печальнее.— Только я не отвечу на твои вопросы.

— Почему?

— Не могу построить ответ... Я же ничего не знаю о Сопределье, о его законах. Об этом нигде ни слова. И в информатории... В нем — только про здешнее пространство...

— Яшка, я не понимаю!.. Ведь Якорное поле — оно же есть!

— Оно-то, видимо, есть,— невесело отозвался Яшка.— Я не знаю про другое...

— Про что?

— Есть ли там... твоя мама.

Ежики подавленно молчал. Потом сказал через силу:

— А голос... в телефоне...

— Могло показаться. Или приманка... Или вообще не было ничего... Или было.

— А тот разговор... Кантора и доктора... Что они выбрасывают людей куда-то...

— Если бы я сам слышал разговор... А тебе запомнилось перепутанно. А может, и приснилось.

— Да нет же!

Неужели и Яшка не поверит, не поймет?

Яшка ответил виновато:

— Я ведь не говорю, что не было... Я просто не знаю.

— А как узнать?!

— Это можешь только ты. Сам.

— Как?

— Иди опять. Пробивайся. Две попытки уже было, третий раз, может, повезет...

«Как в сказке»,— с ознобом подумал Ежики.

— Как в сказке,— серьезно отозвался Яшка.—

Поэтому смотри: третий раз не пробьешься — значит, все... Наверно, такой закон.

— Но второй раз была засада. А если и сейчас?..

— А ты плюй на все правила! На все мебиус-векторы, темпоральные кольца и меридианы. Рвись напропалую! — совершенно непонятно и сердито посоветовал Яшка.

— Знать бы, на что плевать! Я об этих векторах и так ничего не знаю! Я просто ехал, шел, бежал, вот и все...

— Значит, надо снова,— неуверенно сказал Яшка.— Ехать, идти, бежать. Только еще быстрее... прямей. Это же третий раз...

— Яш... А ты будешь со мной? Поможешь?

Неловко крутнулось в ладони. Словно крошечный Яшка-мальчик смущенно помотал косматой головой.

— Я не могу... Ты сначала должен отправить меня.

Вот так... Вот тебе и друг.

— Но ведь это же последний раз! А потом — лети!

— Ну да! — капризно откликнулся Яшка.— А если с тобой что-то случится? Кто отправит меня?

— Боишься...

— Боюсь... Вдруг тебя поймают, засадят в клинику, меня отберут, выбросят... Тогда что? Опять валяться в мусоре сто лет?.. Ежики... я ведь и так сделал для тебя, что умел...

А и в самом деле! Что еще требовать с Яшки?

— Тебе ведь не выбраться нынче днем на Поле,— опять зажужжал Яшка.— А для меня, для взлета, сегодня последний вечер. Завтра меридиан выйдет из совмещенных плоскостей, и это на полгода. Опять столько ждать... Я потому и рассчитал, я тороплюсь...

Возможно, Яшка хитрил. Просто хотел улететь скорее. Но Ежики уже не спорил. «Своя Дорога...— отдалось в нем.— Своя Дорога...»

— Ладно...

Днем все было, как полагается: врач, процедуры, возня с диагностическими датчиками. Завтрак и обед, безвкусные, как жеваная бумага. Доктор позволил включить экран, и Ежики включил, чтобы не вызвать подозрений. Чтобы никто не понял, что внутри у него нетерпение, как взведенная пружина. Он говорил, что чувствует себя вполне здоровым, только скучно ему. Врач советовал поскучать пару дней.

После обеда приходил Кантор. Сообщил, что послезавтра приедет тетя Аса.

— Но, Матиуш... у меня к вам просьба. Даже если вы станете жить с родственниками, учиться можно все равно в лицее. При ваших способностях это наилучший вариант, подумайте, а?

Чтобы он отвязался, Ежики обещал подумать. Но думал о другом. О послезавтрашнем дне. Когда вырвется наконец из лицея и снова — на Кольцо. На Поле! Третья попытка.

Нет, он не будет спешить, кидаться очертя голову в незнакомые коридоры. Он дождется или разыщет Рэма, Лис, Филиппа. Он расспросит их, «пограничников», досконально, подробно. Он терпеливо и обдуманно будет искать нужную Дорогу. Пока есть Дорога — есть надежда...

Но прежде всего надо было отправить Яшку.

Около одиннадцати вечера Ежики украдкой выглянул в прихожую. Дежурила сестра Лотта — пожилая и неприступная. Ладно...

С тех пор, как живут на свете мальчишки, существует нехитрый прием: в постель — чучело, а сам — на улицу. Ежики, очень стараясь не шуметь, содрал со столика пластиковое покрытие, свернул трубу, увязал ее скрученной в жгут салфеткой. Добавил к трубе махровый халат. Очень удачно, что среди оставленного врачом лечебного имущества оказалась плоская электрогрелка с терморегулятором. Ежики поставил его на «тридцать шесть и шесть» и сунул грелку тоже под простыню. Теперь инфракрасный шпион, если он есть, зафиксирует спокойно спящего мальчика с нормальной температурой.

Ежики выключил свет. Притих на минуту. Затем на цыпочках подошел к окну. Медицинский блок находился в новой пристройке. Окна — сплошные, овальные, выгнутые. Открывались они редко и с трудом — не следовало нарушать медицинский микроклимат с его кондиционированным и стерильным воздухом. Но Ежики еще днем расшатал и ослабил упоры. Теперь надавил, и прозрачный щит нехотя отодвинулся на шарнирах.

Воздух ночного сада вошел в палату. В нем не было сейчас привычной влажной духоты. Прохладный он был, хороший. Все-таки скоро осень. Словно радуясь долгожданной свежести, особенно бойко стрекотали ночные кузнечики.

Палата была на втором этаже. Ладно, не привыкать. Главное, сгруппироваться правильно... Легкая пижамная курточка вздулась, как парашют...

Ежики с полминуты посидел в траве на четвереньках, потер отбитые пятки, послушал: нет ли там, наверху, тревоги? И, пригибаясь, пошел в парковую глубину.

Впрочем, прятаться было не от кого, да и темнота стояла полная. Мощные стволы, кусты и пространство между ними — все черное. И трава. И небо... Хотя нет — небо черное, но не совсем. Потому что еще чернее листья дубов и платанов над головой. А сквозь них бьют колючими лучами звезды. Те, к которым так хочется Яшке.

Ежики взял в кулак монетку и кристалл.

— Ну, вот, Яшка, скоро...

Тот пожужжал щекочуще и неразборчиво. Потом спросил:

— Из окна, что ли, прыгал?

— Ага...

— А как обратно попадешь?

Ох, Ежики об этом и не подумал!

— А, пусть! Пойду мимо сестры.

— Крик будет...

— Пусть кричит. Все равно я здесь последние дни... Это ты постарался, Яш, спасибо.

— Ежики...

— Что?

— Ты не обижайся... что я улетаю...

Ежики теперь и не обижался. Было только грустно. И беспокойно за Яшку: как он там полетит в громадном пустом мраке?.. Но главный страх — вдруг ничего не выйдет?

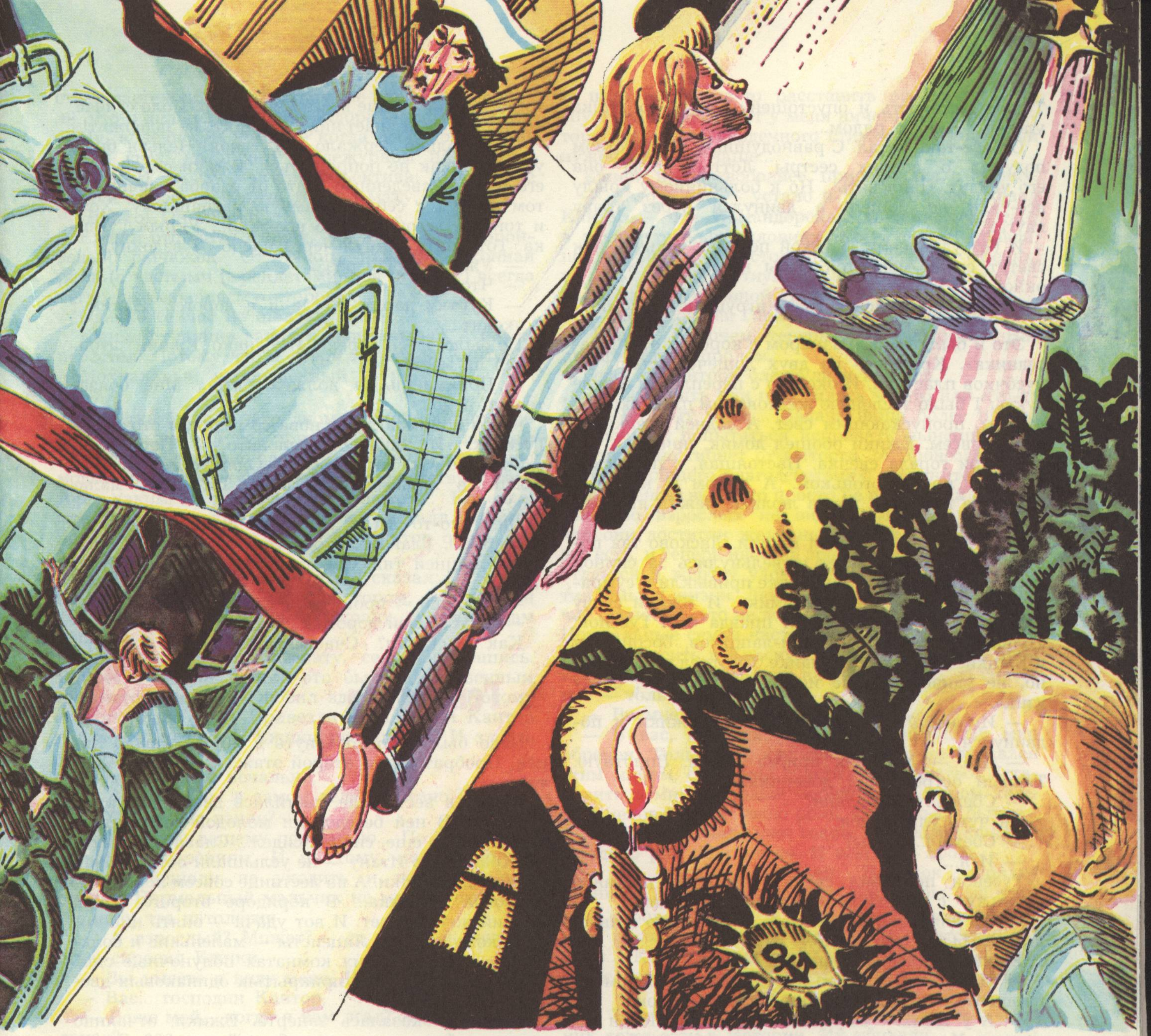
— Лишь бы получилось...

— Ты уж постарайся,— виновато попросил Яшка.

— Ладно... Яш, а когда ты столкнешься и вспыхнешь... ты ведь сделаешься совсем другой. И, наверно, все забудешь, что было на Земле.

— Я уж думал... Нет, не забуду. Ни за что...

Ежики вышел к мраморному мальчику со змеем (тот еле различимо выступал из темноты). Где-то неподалеку валялась метровая доска от разломанной скамейки. Ежики нашел ее на ощупь. На-

шел в траве и несколько кирпичей — из них были сделаны раньше опоры скамейки.

Минут десять он возился, подкладывая кирпичи под середину доски и под один конец: высчитывал угол, чтобы после удара Яшка взлетел точно по вертикали. В зенит...

— Ну все, Яш... Попробуем?

— Пробовать нельзя, надо сразу. Если я упаду, ты не найдешь меня в траве.

Да, это правильно. Надо изо всех сил... С замиранием в груди Ежики сказал:

— Тогда готовься. Давай не будем прощаться долго.

— Не будем... Я тебя не забуду, пускай хоть как вспыхну...

— Счастливой Дороги, Яшка.

На секунду он прижал кристалл к щеке. И положил на конец доски. На самый краешек. Подождал, чтобы от сердца отступила обморочная пустота. Сжал в кулаке монетку, вскрикнул и грянул пяткой сверху вниз по доске! По другому торчащему концу! И — то ли показалось, то ли в самом деле — мигнувшей чертой ушла вверх белая искра. Отражение звезд в кристалле! И Ежики догнал летящего Яшку глазами, подтолкнул его — взглядом, мыслью, желанием: скорее, скорее! Мчись!

Мало того, он сам помчался следом, выбросив перед собой магнитный луч. И гнал, гнал Яшку этим лучом в раскинувшийся черно-звездный мир. Воздух шумел, обтягивая на нем пижаму. А потом и воздуха не стало, просто звенящая пустота. Выплыл из-за горизонта громадный ноздреватый шар Луны и быстро остался внизу. Сдвигали свои контуры, перемещались созвездия... И наконец искрящийся граненый камешек ушел далеко вперед, затерялся в звездной пыли... И Ежики упал обратно в траву...

Нет, в самом деле упал. Будто и правда вернулся из Космоса. Посидел, трогая ушибленную о доску пятку. Он при ударе отбил ее гораздо сильнее, чем при прыжке из окна.

Надо было вставать. Идти. Но страдальчески не хотелось в палату. В эти белые стены, где в каждом углу чудится подозрительный зрачок ненавистного Кантора... Хотя и ненависти сейчас не было.

Только усталость и опустошение какое-то. Яшка улетел... Никого рядом...

Он все-таки встал. С равнодушным злорадством подумал о воплях сестры Лотты, когда она его увидит. Наплевать... Но к больничному крылу все-таки не пошел, а двинулся через траву наугад.

И без удивления, с тихой печалью увидел, как светит среди мохнатой тьмы крошечное желтое окно.

Словно притаился в траве игрушечный домик.

Это и был домик. Размером с коробку от «Собеседника». Крыша — из двух дощечек, стены из кусочков пластика. И окошко с переплетом в виде буквы Т было заслонено желтоватым пластиком — тонким, пропускающим свет. А задней стенки не было совсем. Ежики обошел домик, присел.

Внутри горела свечка. Настоящая, с потрескивающим ярким огоньком. А рядом в колючей скорлупе каштана, как в люльке, лежал якорек.

Тот самый...

«Гусенок...» — подумал Ежики. Ласково так подумал. И будто в ответ шевельнулись за спиной кусты. Глаза Ежики давно уже привыкли к сумраку, а тут еще и свет из домика. И Ежики сразу разглядел мальчика. Это и правда был Гусенок. Только без своих сандалий-лапотков, босой, как и Ежики. В трусиках и майке. Смотрел он спокойно, не удивился и не испугался. Видимо, сразу узнал.

— Играешь? — негромко сказал Ежики и подвинулся.

— Ага...— Мальчик присел рядом. Вплотную. Теплый, остроплечий, доверчивый.

— Сбежал из спальни?

Он чуть улыбнулся:

— Сбежал... И ты?

— И я...

Гусенок поправил свечку, поровнее поставил «люльку» с якорьком. Объяснил шепотом:

— Он для меня как живой. А у всякого живого должен быть дом, верно?

Ежики медленно кивнул.

— И хорошо, если кто-нибудь еще есть в доме,— прошептал Гусенок у щеки Ежики.— Верно?

— А у тебя...— вырвалось у Ежики. Но он замолчал. Хотел спросить: «А кто у тебя есть? Мама есть?» Но какое он имел право трогать чужую печаль?

— У меня сестренка... Она, правда, не кровная, у нее другие были мама и папа, но все равно мы родные... А ты? Тоже ищешь кого-то?

— Да...— выдохнул Ежики. И встал, шагнул назад. Гусенок смотрел на него снизу, через плечо. И вдруг спросил:

— А ты знаешь, почему якорь на пуговицах у моряков?

Это был простой вопрос, хотя и неожиданный. Но Ежики не стал отвечать. Попросил шепотом:

— Скажи.

— Потому что якорь — знак надежды. Раньше, когда моряки уплывали в дальние моря, от якорей зависело их спасение. Во время бури, когда суша недалеко. Чтоб не сорвало, не разбило о скалы... Надежда, что вернутся домой.

«Якорное поле,— вспомнил Ежики. И подумал: — Поле надежды». Какие-то якоря состарились, вросли в землю, их корабли отплавали свое. Но есть ведь и ростки...

«А чего я жду?.. Яшка советовал — сквозь правила и законы пространства, по прямой! Зачем тогда ждать? Лучше всего мчаться на Поле сейчас, когда об этом не знает никто! И никто не задержит!»

Одно только держало — Гусенок. Нельзя было уйти и никак не попрощаться. Ежики смотрел на его птичьи, сведенные будто от озноба плечи. Потом дернул с себя пижамную распашонку. Хоть и тонкая, легонькая, но все-таки... Укрыл Гусенка. Тот опять глянул через плечо. И вздохнул:

— Уже который раз...

— Что?

— Куртку дарят. Когда я в дороге... Накинут и уходят...

Не было здесь упрека. И, однако, Ежики затоптался на месте.

— Понимаешь, я должен идти... Мне обязательно надо...

— Да понимаю я,— снова со вздохом отозвался Гусенок. И добавил деловито: — Переоденься только. А то скажут: «Один едет, да еще голый, в пижамных штанах. Ты куда, мальчик?»

Он... что-то з н а л... Но не было времени на расспросы. Главное, что Гусенок не обиделся. Не будет лишней тяжести на душе. Хотя... не будет ли?

— Прощай,— прошептал Ежики.

— Счастливой дороги...

Как он сказал? «Счастливой Дороги»?

9. Генератор

Надо было проскользнуть в жилое крыло лицея. Пробраться на второй этаж, к себе в комнату...

Внизу, в вестибюле, светилась дверь дежурной комнаты. В ней беседовали молодой воспитатель Янц и кто-то еще, спиной сидел... Слава маленькому Хранителю Итану — не услышали осторожных шагов мальчишки. А на лестнице совсем хорошо — ковровая дорожка... В коридоре второго этажа мягкий ночной свет. И вот удача — опять никого! Да и кому ходить? Лицеисты — маленькие и большие — видят в своих комнатах полуночные сны. Тишина за шеренгой прикрытых одинаковых дверей...

Комната оказалась заперта. Ежики, отчаянно спеша, набрал на замке любимый код: 333. Замок не сработал. Наверно, Кантор запер его по-своему.

Так, да?.. В старинном лицейском доме и двери старинные — из прочного дерева с резьбой. Но замки хлипкие, просто для порядка. Мол, каждый лицеист — хозяин в своей комнате...

А если разбежаться и грянуть плечом?

О том, что получится опасный шум, Ежики от злости забыл. Разбежался и... влетел в комнату, едва коснувшись двери. Словно дверь сама поспешила распахнуться перед полным сердитой решимости мальчишкой. Автоматически включился дежурный светильник.

Ежики бросился к шкафу. Разворошил, раздергал на вешалке рубашки, куртки, спортивные фуфайки. Он чувствовал, что надо обязательно быть одетым так же, как в первый раз. Чтобы ребята, если встретятся, скорее узнали его. Чтобы само Поле узнало... К счастью, оказались на месте и шорты с продырявленной подкладкой кармана, и капитанка. Только майку искать было некогда, капитанку надел на голое тело. И прежних сандалий нет, остались на Поле. В ящике с обувью отыскал Ежики старые кроссовки. Тесноваты, да ладно... Сел на корточки, приклеивая липкие хля-

стики застежки. И тут натянутые нервы его уловили, что в дальнем конце коридора — мягкие шаги.

Ну, конечно! В комнате когда не положено зажегся свет, на пульте в дежурном помещении сигнал! И сразу — в три объектива: что там не спится лицеисту? Опять ты дал маху, Ежики...

Ничего! Он успеет...

Ежики отпрянул к окну. Локтем даванул бронзовый рычажок. От такого нажатия оконная рама (с частыми переплетами, под старину) всегда легко разъезжалась в стороны.

Однако сейчас не шелохнулась.

Ежики отчаянно давил и давил рычаг. А потом перестал. Потому что в двери появился Кантор.

Молчаливый, укоризненный.

Монетка была в нагрудном кармане капитанки. Ежики выхватил ее, прижал большим пальцем к ладони, а ладонью заслонил голову. Со стороны могло показаться, что мальчик приветствует ректора каким-то ритуальным салютом... Конечно, монетка маленькая, но все же металл частично отразит и рассеет луч, если Кантор опять посмеет...

Сорвавшимся голосом Ежики сказал:

— Не вздумайте... парализатором. Это нельзя с детьми. Я пожалуюсь в Охрану детства... вам попадет.

Кантор шагнул в комнату, сел понурившись. В кресло сел. А кресло это было единственным предметом, который любил здесь Ежики. Потому что оно было *его*. Привезли из дома... А Кантор сел в это кресло, и Ежики разозлился. И злость убавила страх.

Кантор сказал печально:

— Все-таки вы в самом деле серьезно больны.

— С чего вы взяли?

— Сужу по вашему поведению... По вашим нелепым подозрениям. И по тому, как часто вы лжете. Обещали не уходить и вот собрались опять... Нормальный мальчик не может лгать постоянно, это патология.

— А взрослый? Может? — со звонкой ненавистью спросил Ежики.

— Вы имеете в виду меня, Радомир?

— Вас... господин Кантор.

— Боже мой... когда я вам лгал? Хотя бы в мелочах?

— Вы врете все время! Но я не про мелочи, а про главное... Вы даже не Кантор!

— Еще новость,— отозвался он ровно, без удивления.— Кто же я в таком случае?

— Вы — Консул!

Кантор сидел, низко согнувшись, устало вжав голову и подняв лицо. Так, снизу вверх, он смотрел сквозь очки на Ежики.

— Ну... и что? Вы будто пригвоздить меня хотите, Радомир. Я — Консул. Это — звание в нашем обществе, в Командорской дружине. Чин такой старинный, традиция. Почему это должно мешать мне быть Кантором?

«А в самом деле?» — растерянно подумал Ежики. Но не сдался:

— Тогда почему вы это скрывали? Никто не скрывает свои звания!

Кантор шумно вздохнул, отвалился в глубину кресла, толстыми пальцами похлопал по пухлым подлокотникам.

— Да... Человек порою вынужден кое о чем умалчивать. Это не значит, однако, что он лжет... Хорошо, я буду сегодня откровенен с вами до конца. Судя по всему, вы имеете право на это... И надо же когда-то расставить все точки... Да опустите вы руку, нет у меня ничего. Ни парализатора, ни... даже сердечного стимулятора, который нужен мне все чаще...

Ежики встал свободнее, прислонился к косяку.

— Дело в том,— устало и доверительно сказал Кантор,— что Командорская дружина работает в очень трудных условиях. Кое-кто нас, правда, поддерживает, есть сторонники в высших сферах, но мало... мало, Матиуш. А главное, все равнодушны к нашей основной Идее.

— Ко Всеобщей Гармонии Мира? — не сдержался Ежики. Впрочем, теперь было все равно. Напролом так напролом.

Очки у Кантора блеснули и погасли.

— Вам опять или приснилось что-то, или кто-то наговорил эту чушь... Задача наша более проста и насущна: попытаться исправить нынешнее общество. Оно гибнет от сытости, от провозглашенного «всеобщего благоденствия»! Извините, но вы еще ребенок, вы этого просто не видите. Да и большинство взрослых не видит... Людям кажется, что они достигли желанных высот бытия, у них все есть, и теперь настала эра удовольствий... И все отдается в жертву удовольствиям: науки, открытия, смысл жизни. Любовь стала развлечением на час (извините, это не детский разговор, но это так). Нормальные семьи настолько редки, что скоро их будут заносить в Красную книгу... И во всем этом кроется пока незаметное начало гибели... И спасение — только в вас.

— Во мне?!

— В вас, в детях! Нынешний взрослый мир обречен. Только те, кто сейчас еще не отравлен этим миром, способны спасти человечество. Установить в мире твердый порядок, в котором каждый человек знает свою роль, свой смысл бытия...

— Так ведь было уже такое... твердый порядок. Сколько раз! Мы учили. И всегда — кровь.

— Вы путаете, Матиуш. Порядок порядку рознь. К власти приходили диктаторы, державшие народ в страхе. А когда придут люди разумные, осознавшие свою великую и ответственную роль... Когда они поймут, что их задача — спасение всей цивилизации, тогда и родится новый мир.

— Были ведь и такие,— сказал Ежики.— Про них тоже есть в Истории. Их убивали...

— Да! Да! Потому что это были честные, но слабые люди! А должны вырасти наконец те, кто сильнее людского недоверия и зла. Те, чьи силы, свойства и души не в пример масштабнее, чем у массы остальных людей. Те, кто будет неуязвим. Они станут владеть тайнами пространства и времени и, может быть, тайной бессмертия...

— Зачем мне бессмертие, если нету мамы...— шепотом сказал Ежики.

Кантор опять качнулся вперед. Сильно наклонившись и глядя в пол, проговорил глухо:

— Вот здесь я бессилен, малыш...

— Чтобы куда-то отправить маму, силы нашлись!! — Ежики словно с обрыва шагнул, ухнуло сердце. Но Кантор ответил по-прежнему ровно и устало:

— Я понимаю. Сквозь сон... или как там называет это доктор... Вы слышали наш разговор. Наш давний теоретический спор о кризисе современной семьи. Все перепуталось у вас в голове, фантазии с явью...

— И поэтому доктор куда-то исчез! Может... туда же?

— Доктор болен и лежит дома. Если хотите,

можем его навестить, он подтвердит мои слова... Поверьте, Матиуш, я не хитрю с вами. Зачем это мне? В конце концов через несколько дней вы вернетесь домой и скорее всего не захотите оставаться лицеистом...

— Не гожусь я во владыки мира,— горько и язвительно сказал Ежики. И подумал: «Если выскочить в дверь и промчаться по коридору? Не перехватят?»

— Мы и не воспитываем владык. У командоров другие цели и другие традиции... Вы ведь, насколько мне известно, до сих пор не знаете нашей теории...

— И знать не хочу...— вырвалось у Ежики.

— А напрасно... Еще в древности Первый Командор учил: людям нужны просветители, те, кто поведет их к добру и всеобщему знанию. На острове Сэйнеш у него была школа. Когда враги осадили город, они взяли в деревнях пятьдесят женщин-заложниц и поставили условие: или жители выдадут им Командора, или они утопят женщин в озере, а город сожгут греческим огнем вместе со всеми жителями, со школой, где было сто талантливейших учеников, от которых зависело будущее народа. И человек этот...— Кантор вскинул голову, заблестел очками.— ...Человек этот добровольно отдался царю Эгосу, и тот сжег его на холме, на виду у всего города. И ушел...

— Ну и что? — сказал Ежики.

— Как... «ну и что»?

— Он был хороший человек, он всех спас... А вы...

— А что — я?

— А вы все врете...— выдохнул Ежики. Потому что очень хотелось заплакать. Потому что в этот миг опять вспомнился черный телефон, голос в трубке (ну ведь было же это, было!). И как он рвался сквозь лунные полосы, сквозь темноту...

Кантор сдержался. Только сел прямо.

— Я обманул вас лишь в одном. И сделал это в ваших же интересах. Я сейчас, Матиуш, объясню вам все, и это будет чистая правда, и, может быть, вы поймете меня. И станете союзником.

У Ежики криво двинулся рот. Но Кантор сказал ровно и даже с ноткой печальной торжественности:

— Нет у вас чересчур высокого индекса воображения... Точнее говоря, он есть, но не в нем дело. Дело в том, что вы — г е н е р а т о р с и л о в о г о п о л я... Помните тот вечер, когда я пришел к вам?

— Ну... и что?

— Я случайно проходил мимо вашего дома. В толпе узнал, что происходит. В этот момент Служба охраны отключила от дома энергию... Да-да, свет остался, от аварийного источника, но источник этот слаб, создать силовое поле он не может. Два мотоциклиста рванулись к дому... и вылетели назад, как пробки! Это было замечательно, мальчик! Ты в своей справедливой ярости (я ничуть тебя за это не осуждаю), в своем нежелании расставаться с домом держал поле сам! Силой своей души! И еще какой-то неведомой силой! И тогда я понял — вот находка для лицея! Разве я был не прав?

— Как же вы сами-то прошли через мое поле? — Ежики спросил то, что давно его мучило и тревожило. А то, что он — *генератор*, его ничуть не взволновало.

— Я... многое умею, мальчик. Но гораздо больше будете уметь вы, когда разовьете свои способности. И мы с вами... и с другими, нам подобными... сможем наконец кое-что сделать на планете... Матиуш, это ли не цель жизни? Ну, согласитесь...

— Ладно! Если только вернете маму...

Кантор уронил руки между коленей. И голову опустил. И сидел так в молчании с минуту. Потом сказал в пол:

— Нет, вы в самом деле больны. Я думал, что моя откровенность будет для вас...

Ежики перебил:

— Нет у вас никакой откровенности! Вы опять соврали! Что оказались у дома случайно! — Эти вскрики он выбрасывал горячими толчками.— Вы еще раньше следили за мной, давно! Вы всех мальчишек, наверно, так вылавливаете! С помощью всяких «садовых троликов»! А потом испытания!.. Я слышал в бункере, как они боялись Консула!

— Еще новый бред!

— Да, я понял! Они ловят ребят по приказу Консула, а потом...

— Разве я виноват, что у какого-то предводителя хулиганской шайки такое имя?!

— Вы все тут одна шайка! — выпалил Ежики.

— Радомир, вы сейчас отправитесь в клинику. Пока вы еще лицеист, и я отвечаю за ваше здоровье.

— Не отправлюсь!

— Я буду вынужден настоять.

— Попробуйте! Я... я поставлю поле!..

— Не каждый раз это получается. К тому же вы видели, что я умею его преодолевать.

— Вы многое умеете...— всхлипнул Ежики.— Даже там, на заставе... ловушка такая... Почему вы не пустили меня к маме?

Кантор взялся за щеки.

— Боже, боже мой... Ну где, г д е я тебя к ней не пустил!

— Там, в кронверке!

— Но я же объяснил тебе, что не был в кронверке!

— Да?

— Да!

— Нет, не объясняли,— с ощущением горькой победы сказал Ежики.— Я раньше о нем не говорил. Только о Якорном поле. Откуда же вы знаете про кронверк?

— Я... ничего не знаю! Ты пытаешься поймать меня на слове!

— А я и поймал!

Лицо Кантора пошло красными пятнами. Перекосились очки. Ежики впервые видел ректора таким.

— Ты скверный мальчишка,— сказал Кантор со злым присвистом.— Жаль, что мы живем не в прежние времена. Я приказал бы сейчас подать розги... Или надавал бы тебе пощечин...

Поле не поле, но ярость полыхнула от Ежики, видимо, с ощутимой силой. Кантора вдавило в спинку кресла.

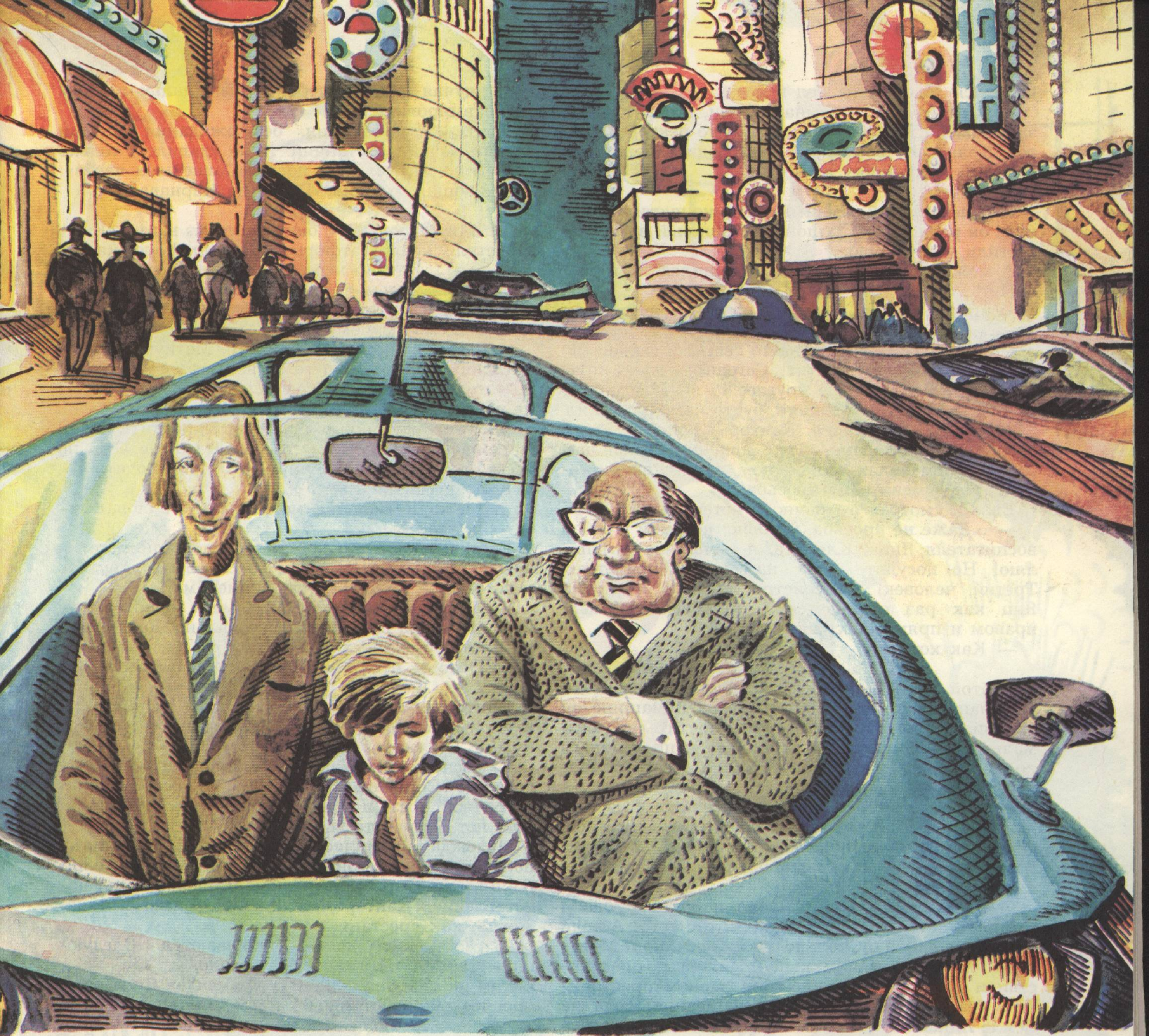
— Но-но...— сказал он.

Ежики, однако, был уже совсем другой. Сейчас перед ректором стоял изнуренный, поникший мальчишка.

— Господин Кантор, ну пожалуйста... Ну, делайте со мной что вздумаете... Хоть насовсем убейте. Только скажите, где моя мама...

10. Поле надежды

Кантор опять низко опустил голову, подхватил упавшие очки. Сквозь редкие волоски блестел зай-

чик лысины. Кантор произнес безнадежно и очень искренне:

— Ну как... как мне убедить тебя? Как доказать, что все это — лишь твоя фантазия?.. Конечно, я понимаю, тебе не хочется расставаться с надеждой... Но если надежда бессмысленна...

Ежики медленно скручивал в себе нахлынувшую слабость и покорность. Сказал сумрачно и с новой упрямой ноткой:

— Ничего не доказывайте. Просто не мешайте... Не вмешивайтесь больше, когда я буду... искать.

— Ты собираешься туда *опять*?!

— А вы как думали!

— Но...

— Вы что, хотите удержать меня? — спросил Ежики тихо и бесстрашно.— Тогда вам надо меня убить.

— Нет, ты помешался на этом. По-твоему, Командорская община только и думает, как убить двенадцатилетнего Радомира... Есть более безобидный способ разрешения спора.

Ежики вскинул глаза.

— Докажите в конце концов, что это Якорное поле существует! — Кантор плотно посадил очки и встал.— И на том закончим нашу дискуссию...

— Как я докажу!! Вы это сами знаете, а...

— Доказать проще простого. Мы вместе поедем по Кольцу и убедимся: есть такая станция или нет ее...

— И там увяжетесь за мной!

— Я клянусь: как только услышу «станция «Якорное поле», оставлю вас и не подойду к вам более никогда. Ни как ректор, ни как... человек, который к вам... в достаточной степени привязан.

Тень подозрения мелькнула у Ежики. Но... ведь если станция и застава есть — значит, они есть! И в самом деле, проще всего поехать и выяснить раз и навсегда!

Однако на что рассчитывает Кантор? Ведь он же знает, он там был... Или не был? Может, Ежики привиделась эта белая комната, где сидели Кантор, доктор и незнакомец? Может, он просто потерял сознание от страха и отчаяния, когда заблудился в кронверке?.. А потом сам не помнил, как

добрался до станции, сел в поезд...

Или так! Люди в комнате были, но другие, незнакомые, а Ежики показалось, что ректор и доктор Клан... И, возможно, эти люди отвели (или отнесли) мальчишку в вагон...

Но зачем?

И почему такой обман? Почему не пустили туда, куда он рвался всей душой? Фальшивый номер засветили над дверью...

А может быть, и телефон приснился? И голос?

Нет!..

«Ешики... Беги, малыш, беги, пока светит луна...»

Он не добежал... Но луна-то светит и сейчас. По крайней мере там светит! Сегодня — даже ярче вчерашнего: стала еще круглее...

— Едем,— сказал Ежики, будто камень уронил.

— Сейчас?..— начал Кантор. Обжегся мальчишкиным взглядом.— Ну... конечно, такой час, это не в правилах лицея, но... раз такая ситуация... Но у меня одна просьба!

Ежики смотрел сумрачно и нетерпеливо.

— ...Даже не просьба, условие: возьмем с собой воспитателя Янца. Клянусь, я ничего не замышляю! Но посудите сами: нам нужен свидетель. Третий человек! Беспристрастный. А господин Янц как раз отличается... гм... бесхитростным нравом и прямотой суждений.

— Как хотите...

С этой минуты в Ежики стало расти горькое понимание, что ничего не выйдет... В машине он скорчился между Кантором и почтительно-безмолвным, исполнительным Янцем. За прозрачным колпаком разворачивался, катился назад громадный город — разноцветная карусель огней, струящихся реклам, светящихся стеклянных стен, иллюминаций. Тысячи людей спешили веселиться, смотрели на площади кино, толпились в открытых кафе, шли куда-то карнавальной толпой... Праздничный, беззаботный вихрь.

И если в этом вихре плохо и одиноко одной какой-то затерянной песчинке, что с того? А если даже и не одной... Сколько таких песчинок? Мчится в машине сгорбленный тоскливым предчувствием Ежики. Летит где-то в черном пространстве без воздуха и тепла не нашедший себя на Земле Яшка... А может, и не летит. Может, ничего не вышло и он свалился назад, в травяную гущу лицейского парка... А в траве, у игрушечного домика, один на один со своей печалью съежился маленький Гусенок...

«Так и не узнал, как его зовут... Теперь, наверно, и не узнаю. Потому что не вернусь...»

Откуда это странное чувство, что он не вернется в лицей? Была бы надежда, что все-таки попадет на заставу,— тогда еще понятно. Однако надежды этой все меньше и меньше. А вместо нее ощущение, что увозят его в какой-то пасмурный, совсем безрадостный край.

...Сели в поезд у Южного вокзала. Как полагается, в хвостовой вагон. Но все было не так. И Ежики даже не удивился, когда следующую станцию объявил чужой, незнакомый голос.

— Голос другой...— сказал Ежики, глядя на черное стекло.

Кантор, кажется, пожал круглыми плечами. Тогда Ежики сказал злее:

— Это вы подстроили.

Кантор вздохнул: мол, стерплю и это.

— Я не занимаюсь проблемами Службы движения... Голос, возможно, решили сменить после того случая в диспетчерской. Специально, чтобы не травмировать вас...

Почти без волнения, без ожидания слушал Ежики названия станций. И не удивился, только совсем поник, услыхав после «Солнечных часов»: «Следующая станция «Площадь Карнавалов»...

Там, на «Площади», они вышли из вагона. Ежики встал у края платформы. Свет плафонов казался серым... Кантор нерешительно, виновато даже, переступил рядом своими мягкими башмаками.

— Ну... что? Поедем домой?

Ежики молча помотал головой.

— Ну... а что вы предлагаете, Матиуш?

Ежики молчал. Ничего он не предлагал. Ничего не хотел... Улететь бы, как Яшка, в черноту, чтобы не видеть, не слышать. Никого, ничего...

Воспитатель Янц молчал рядом почтительно и с готовностью делать то, что скажет ректор. Судя по всему, он не очень понимал, что происходит.

Кантор сказал опять:

— Матиуш, мальчик мой, я же не виноват...

— Виноваты.

Ежики бросил это просто так, последним толчком упрямства. Но следом за словом толкнулась и догадка — слабенько так, намеком...

— Да в чем же опять вы меня обвиняете? — Это у Кантора получилось театрально. Даже люди на платформе заоглядывались.

— Потому что я ехал с вами... Вот если бы один...

Кантор не стал обвинять его ни в глупости, ни в упрямстве, ни в нелепой вере в потусторонние чудеса. Он сказал кротко и утомленно:

— Господин Янц, вы с мальчиком вернетесь на станцию «Солнечные часы». Там Радомир сядет на встречный поезд и приедет сюда один. Я встречу... Или нет, встретите вы. А отвезу его туда я...

Надежда затеплилась в душе у Ежики. Но лишь на полминуты. Когда он услышал опять чужой голос, понял, что все зря. И на перроне «Солнечных часов», оставленный Кантором, сел в хвостовой вагон безнадежно, как арестант.

— Осторожно, двери закрываются. Следующая станция «Площадь Карнавалов»...

Там он покорно сошел, сразу увидел Янца с вопросительно-заботливым лицом. Длинного, доброго, ничего не понимающего человека. И от этой бестолковой, тупой доброты, от того, что сейчас надо ехать в лицей, от того, что на Кольце он никогда уже не услышит маминого голоса, и от того, что не будет в жизни Якорного поля, Ежики проткнула беспощадная, тоскливая боль... Раньше он только в книжках читал, что от горя может болеть сердце. Даже тогда, при страшном известии о маме, оно замирало, колотилось неровно, однако без боли. А теперь у него, у мальчишки, не ведавшего раньше ни одной серьезной хвори, в сердце словно вошла стальная спица.

Ежики согнулся, хватанул губами воздух, понял, что сейчас умрет, и не испугался. Даже наоборот. Только не надо, чтобы так больно. Он прижал к ребрам растопыренную ладонь. Стало легче. Сквозь материю нагрудного кармана в ладонь ласково ткнулось круглое пятнышко теплоты. В ладонь — и обратно в грудь... Возможно, это в ладони пульсировала жилка, но казалось, что монетка в кармане бьется — с колоском и профилем Хранителя-мальчишки. Живет под рукою. И посылает сердцу мягкие толчки спасительной теплоты. И колючая спица тает, и можно вздохнуть...

Спасибо, Хранитель Итан, спасибо, колосок... Спасибо, й х о л о...

А ведь там, на ребре монетки, написано: «На Дороге не останавливайся, шагай через Границу смело»... Он сам прочитал эти слова через шар. Прочитал т а м... Не могло же и это быть бредом! Есть оно, есть Якорное поле!

И Ежики как наяву увидел его: ночное, под круглой белой луной. Мохнатые седые одуванчики рассыпались по пригоркам, светятся в голубоватых лучах. Чернеют якоря. И яркой искрой горит отражение луны в оставленном на глыбе ракушечника шаре...

Там же, совсем недалеко,— комната с часами и телефоном. «Ешики... Беги, малыш...» Второй раз он не попался бы в ловушку!

И до всего этого рукой подать! Просто о н и закрыли путь. Спрятали от Ежики станцию! А она совсем рядом, за толщей камней, в конце короткого туннеля! Может быть, всего в сотне шагов!..

— Радомир, что с вами? Сейчас приедет господин Кантор и отправимся домой, потерпите... Радомир!

Ежики, не разгибаясь, прыгнул с платформы на полотно. Магнитная резина спружинила под кроссовками. Как пластик стадионной дорожки.

— Радоми-и-ир!!

Нет, сердце больше не болело. Оно стучало, как нетерпеливый мотор, а встречный воздух рвал волосы и капитанку. Скорей! Скорей! Наконец-то решена задача, открыт секрет пути! Радостная догадка — нет, не догадка, а знание, что вот-вот откроется слева уходящий к Якорному полю туннель,— несла Ежики со скоростью луча.

Еще секунда! Сейчас...

Мелькали желтые лампы, туннель плавно уходил вправо. И вот, скользя из-за поворота, возник и разгорелся на бетонной стене белый набегающий свет... Что это?!

Это был, конечно, поезд. Он возник в дальнем сужающемся полукружье — две фары, солнечный прожектор наверху, стеклянная выпуклость моторной кабины. Ежики показалось даже, что он видит синие, широко разнесенные оптические «глаза» автомашиниста. Скользя по подушке антиграва, стеклянная сигара летела на Ежики, толкая перед собой упругую толщу воздуха.

«Не успел!»

И не было по сторонам ни спасительной ниши, ни щели. Но Ежики подумал об этом лишь мельком. Ему не нужна была щель!

Он, не сбавляя скорости, рассекал воздух плечом. В нарастании свистящего шума и огней, в эти последние секунды к нему пришло ясное понимание: нет бокового туннеля. Есть один путь — прямой! Как у летящего в Космосе Яшки — с его надеждой на столкновение! Удариться — и стать звездой! Тогда пробьешься...

Свистело в ушах, свистело вокруг. Даже не свист, а тысячи голосов. Как на стадионе, когда впереди всех рвешься по дорожке к финишному поперечному лучу... Но среди этого рева — ясно и негромко: «Беги, малыш, беги, пока светит луна...»

Он выхватил из нагрудного кармана монетку, сжал в пульсирующей ладони. Главное — не сбавить скорость, тогда не страшно...

Слепящий свет охватил его со всех сторон, белый, нестерпимый... Но в последний миг свет сжалился, смягчился, из него соткалось желтое окно с переплетом в виде буквы Т. И мальчика Ежики приняла мягкая, милосердная тьма.

...Выйдя из вагона, Кантор стал свидетелем странной суеты, даже паники. Куда-то бежали люди в форме служащих Дорожной сети, неприлично всхлипывал и дергал руками Янц. Его поддерживали несколько пассажиров. Белое, чужое лицо было у Янца. Беспомощный мокрый рот...

— Но почему, почему! — выкрикивал Янц.— Почему не сработала автоматика?! Человек на пути! Так не бывает! Я... нет, он прыгнул, а я... Должен быть сигнал «стоп»!

Человек в малиновой пилотке дежурного подошел, сказал со сдержанным раздражением:

— Такого не может быть. Включились бы все сигналы, поезд бы не прошел.

— А он прошел, да...— Янц обмяк. И вдруг вытаращил глаза. Он и окружающие стояли в самом конце платформы, где Янц только что безуспешно пытался отыскать пульт с ручным аварийным сигналом. Теперь он увидел рядом круглый нос моторного вагона. Стеклянную оконечность громадной сигары, линзы объективов, черную подошву антиграва, неяркий при боковом свечении прожектор...

Янц хлопнул губами, посмотрел на Кантора, заулыбался просительно, облегченно, виновато.

— Значит... да, конечно. Он спрятался там в какой-то нише. Надо сказать, найти...

Кантор обратился к собравшимся мягко, но веско:

— Господа, с ним был мальчик и куда-то убежал. А... господину Янцу показалось, что он прыгнул на полотно. Такое... э... бывает иногда с господином Янцем... Пойдемте, голубчик, я отвезу вас домой!

Людям — что! Удивились и побежали по своим делам. Пожав плечами, отошел дежурный. Он-то уж точно знал: лазерные контроллеры остановят поезд наверняка, если кто-то на пути.

— Но ведь надо сказать. Найти... Если он в какой-нибудь нише! — опять вскрикнул Янц.

Кантор тихо приказал:

— Прекратите истерику, болван... И не дергайтесь, там нет никаких ниш.

— А... да! Но...

— Когда это случилось?

— Он вышел из вагона и... Но он же спасся, верно? Ведь на поезде... никаких следов, да?.. Ведь мне сперва показалось... поезд выходит, а на нем, впереди... Это... так страшно...

Кантор снял очки и стал вытирать их очень белым платком.

— Это в самом деле было бы страшно... Боюсь, однако, что случилось более страшное...

Янц дернулся и опять открыл рот. Кантор убрал очки в карман, прикрыл ладонями глаза.

— Боюсь, что он все-таки пробился.

— Я... не понимаю...

— И я не понимаю. Ведь он пошел по часовой... Как же он сумел?.. Хотя, конечно, масса встречного поезда...

— Господин ректор, он жив? Мне... нам не придется отвечать?

— Если жив — придется... Ведь он уведет многих, а главное — приведет т е х...

— Кого?

Кантор опустил руки. Выпрямился.

— Да нет, не мог он. Такая блокада... Видимо, легкая вспышка — и все. Будем надеяться, что он ничего не почувствовал... Господин Янц, завтра сообщите в Опекунскую комиссию, что мальчик самовольно покинул лицей и бесследно исчез...

— Да, но...

— Помолчите, Янц. Думаете, мне легко? Такой забавный был малыш. Способный. Я его... почти что любил...

* * *

Видимо, он все-таки пробился.

Будем думать, что так...

Потому что, когда тьма посерела и разошлась, он увидел перед собой зеленые размытые пятна. Они пахли горьковатой травой... Это и была трава: пятна отодвинулись, обрели форму круглых и продолговатых листьев. Над листьями — зонтики соцветий и колоски...

Он сел. В ушах все еще гудело, но гул этот угасал и скоро сменился тишиной. Не глухой, не звенящей, а обычной: с шелестом стеблей, с еле слышным чириканьем далекой пичуги. А еще цвиркал где-то рядом одинокий кузнечик, хотя погода была для кузнечиков не самая подходящая. Стоял прохладный, пасмурный, близкий к вечеру день. Впрочем, хотя и пахло дождиком, но трава была суха, а за рябью облаков угадывалось солнце. И было ясно, что скоро оно проглянет в щель чистого неба между облачным краем и горизонтом.

Мальчик сидел, обхватив колени. Туннель и слепящий свет — все это, казалось, было очень давно. А может, и в самом деле давно: ведь сейчас день, а не ночь... Удивления он не чувствовал. И почти не думал, как это все получилось. Возможно, в последний миг само собой сработало силовое поле и швырнуло мальчишку напролом через всякие грани, векторы и меридианы. А может, еще что-то... Это «что-то» все равно должно было случиться: кто же в двенадцать с половиной лет до конца поверит в собственную гибель!

Мысли скользили рассеянно, обрывками, не вызывая тревоги и напряжения. То, что он чувствовал, можно, пожалуй, передать словами: «Вот посижу немного, встану и пойду...» А еще нравилось, как стрекочет кузнечик...

Но вот кузнечик умолк. И мальчик встал (немного болело левое плечо, а так все в порядке). Посмотрел перед собой. Вокруг было поле. Нет, не Якорное — без пригорков, якорей и кронверка. Ровное. Со всякой травой, островками лопухов. Были и пушистые одуванчики, хотя не так много, как на Якорном поле. Вдали стояли белые и красные домики какого-то поселка с высокими антеннами и широкой решеткой радара. А гораздо ближе, в двух сотнях шагов, подымалась из травы узкая стеклянная будка. Вроде тех, что в Старом Городе, где музейные телефоны-автоматы...

И когда мальчик понял, что это такое, радость, страх и надежда разом хлынули на него. Он вдохнул воздух так, будто не дышал перед этим пять минут. И качнулся вперед, кинуться хотел к будке. Он знал, что теперь надо сделать: схватить в будке трубку, набрать цифры «ноль, ноль, один»... и услышать...

Тугие плети травы запутали ему ноги, остановили. Словно сдержали: «Не спеши, успокойся...» И он остановился. И правда, немного успокоился. И увидел, как из будки кто-то вышел. Кажется, паренек. Светловолосый, в синей безрукавке, в серых брюках... Посмотрел издалека в сторону мальчишки, опять ушел в будку. Побыл там с полминуты. Вышел снова, поднял из травы велосипед и, виляя, поехал навстречу мальчику. Видимо, в траве пряталась тропинка.

И мальчик пошел ему навстречу. Нерешительно, без спешки, но и без остановок...

Было между ними шагов пять, когда остановились оба. Паренек — с узким лицом и толстогубым большим ртом, очень похожий на Рэма, только чуть постарше — наклонил к плечу голову. Прошелся по мальчику светлыми глазами:

— Ты — Ежики?

Да! Он Ежики! Кто здесь это может знать?

— Да...

— Наконец-то... Садись давай, поехали...

— Куда? — сдавленно сказал Ежики.

— Хоть куда. На багажник, на раму, как хочешь...

— Куда... ехать?

— Домой, конечно...— усмехнулся паренек.

— А...— начал Ежики. И не смог спросить. Не посмел сказать самое простое и трепетное слово. Только глянул со страхом и умоляюще.

— Поехали,— без усмешки уже отозвался паренек.— Она ждет. Извелась вся...

Нет, не было оглушительного удара счастья, ликования сердца, ослепительной радости. Просто тепло стало, будто выкатилось пушистое солнце... В конце концов случилось то, чего он ждал. Все как надо...

Но оставался еще страх: вдруг ошибка? Приеду, а там... Нет, не может быть!

И все же опасение до конца не ушло. Маленькое, но скреблось оно под сердцем. Тогда, чтобы оттянуть миг, который мог стать и радостным, и страшным, чтобы продлить время счастливой надежды, Ежики попросил:

— Пойдем лучше пешком...

И они пошли, путаясь ногами в траве. А велосипед между ними ехал по тропинке, хозяин вел его за руль. Ежики тоже хотел взяться за руль... и охнул от испуга:

— Монетка... В руке была. А сейчас нет...— Он беспомощно оглянулся. Без сомнения, потеря эта грозила непоправимым несчастьем.

Но паренек сказал снисходительно:

— Конечно, нет ее. Отработала свое и ушла к другому...

— Значит... так и надо?

Паренек опять усмехнулся:

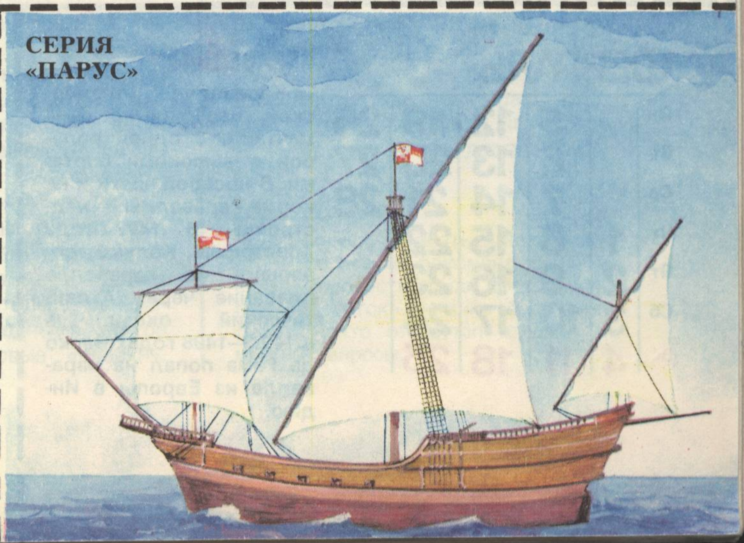
— Эх ты... Ежики.

С облегчением, с возвращенной радостью глянул Ежики сбоку на полузнакомое лицо.

— А ты... Рэм?

— Вот еще...— Паренек хмыкнул, надул губы.— Скажи лучше, что тебе вздумалось пудрить людям мозги? Там, на Якорном... Сказал бы сразу, как зовут, не было бы никаких хлопот. А то — «Юлеш»...

КАЛЕНДАРЬ-ЗАКЛАДКА

Ежики виновато повесил голову. Виновато, но с радостью: значит, все совпадает.

Паренек сказал примирительно:

— Я Рэмкин брат. А он, дурень, ногу вывихнул, сидит дома с припарками.

«А Лис? А Филипп?» — хотел спросить Ежики. Но, подумав о Филиппе, вспомнил и другого мальчишку. И резкое эхо одиночества отозвалось в нем холодком.

— Послушай... Как ты думаешь, нам можно будет взять к себе одного... ну, как братишку?

Это была еще и наивная хитрость, разведка — «нам». То есть ему и...

— А кто это? — Рэмкин брат, кажется, не удивился.

— Ну...— Ежики беспомощно замолчал. Не скажешь ведь «Гусенок».— Просто мальчик...— Он слабо улыбнулся.— Такой... в красных сандалиях...

— А! Да это Юкки! — Рэмкин брат глянул понимающе.— Но у него же сестренка...

— Ну... можно и с ней,— совсем смутился Ежики.

— Можно, конечно... Только он не пойдет, его многие звали, не хочет.

— Почему?

— Ну... так. Своя дорога...

«Своя Дорога?»

— Он ведь не навсегда в пограничниках,— насупленно сказал Рэмкин брат.— Найдет сестренку и отправится дальше...

Ежики хотел спросить: кто такие пограничники. Но Рэмкин брат остановился и придержал велосипед.

— Ну вот... смотри, кто идет.

Крайние дома поселка были уже близко, вдоль них шла мощеная дорожка, и там... по ней...

Он оттолкнул велосипед и побежал. Навстречу! Хотел закричать. Но мгновенно и безжалостно вспыхнули, накатили, облили горячим светом огни летящего поезда. И Ежики в тоске понял: все. что сейчас было,— лишь мгновенный сон, последнее видение перед ударом. Позади — туннель, впереди — ничто. И сжался в черный комок...

...Но не было удара. Вспышка сама оказалась мгновенным сном. Последним эхом прежних бед. Ежики открыл глаза.

Бежать он уже не мог. Просто стоял и ждал. Измученный и счастливый. Вытирал с мокрых щек прилипший пух летучих семян.

В траве опять затрещал негромкий кузнечик...

ФЕВРАЛЬ

Пн		5	12	19	26
Вт		6	13	20	27
Ср		7	14	21	28
Чт	1	8	15	22	
Пт	2	9	16	23	
Сб	3	10	17	24	
Вс	4	11	18	25	

КАРАВЕЛЛА

Каравелла — это морской парусник с 3—4 мачтами, с одной палубой и высокими бортами. В носовой части и на корме каравеллы — надстройки. В 1492 году Христофор Колумб совершил на каравелле плавание через Атлантический океан, а в 1497—1498 годах Васко да Гама попал на каравелле из Европы в Индию.

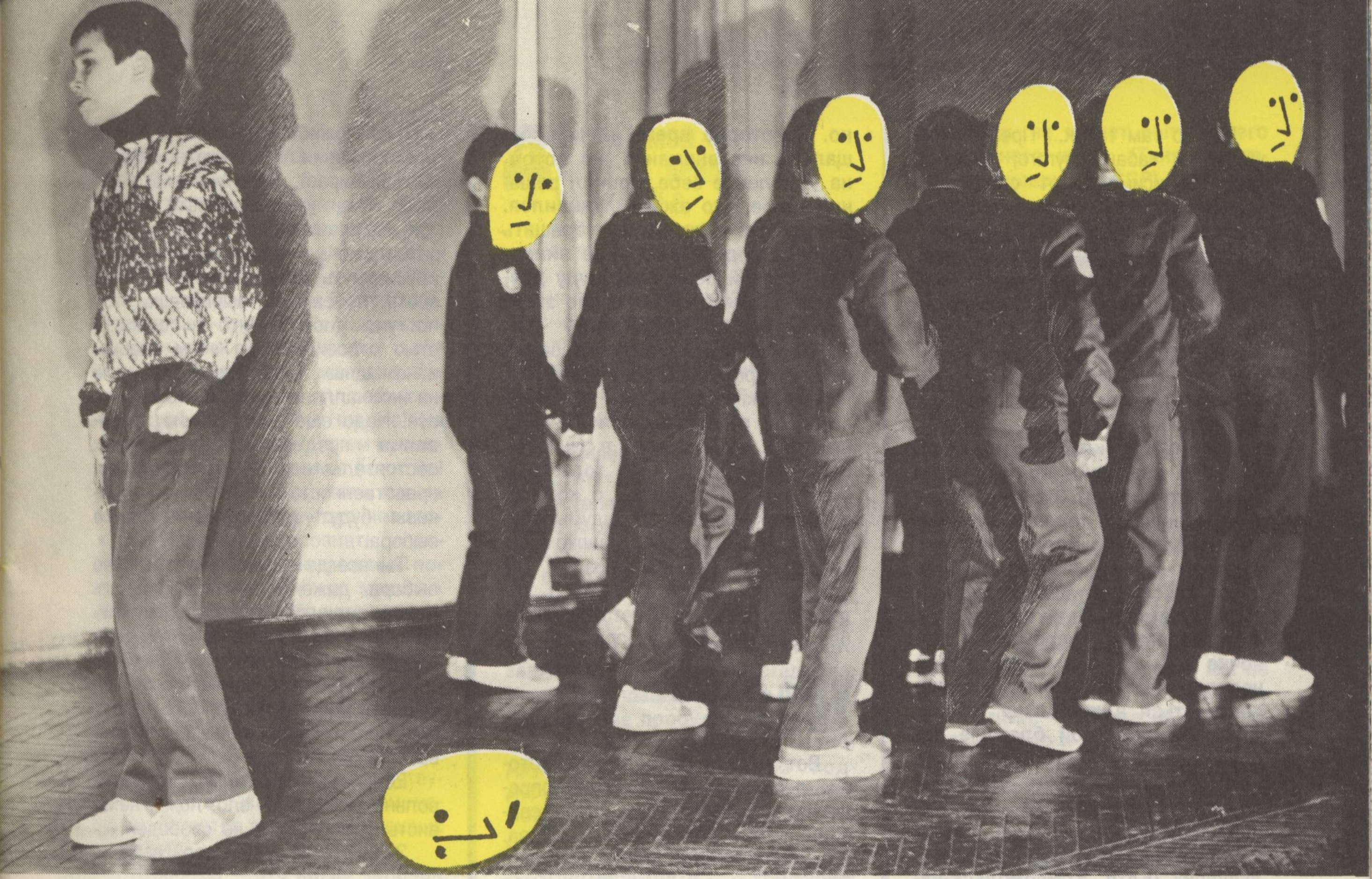
Дорогою свободной иди, куда влечет тебя свободный ум

Тем, кто ведет непрекращающуюся борьбу с родителями, учителями, бабушками и целым миром за свободу и независимость, рекомендую в своих требованиях ссылаться на Всеобщую Декларацию прав человека, принятую Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года, а конкретно — на статью 1, гласящую: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства».

...Дав этот важный совет, я могу со спокойной душой перейти к теоретическим разговорам о свободе. Действительно ли «человек может считать себя свободным тогда, когда в себе уверен» (Виолетта Еременко, Навои)? А может быть, «свобода — это когда человек не испытывает влияния от людей сильнее его» (Оля К., Первоуральск)? Или «свобода — это когда человек говорит правду тогда, когда эта правда не нужна» (Яна, Красноярск)? В какой-то степени все это — свобода. Хотя я считаю, что правда нужна всегда, но в то же время сомневаюсь, можно ли назвать свободой правдивое заявление о том, что именно твой сосед по парте разбил стекло. С одной стороны, такая правда не нужна твоему соседу, а с другой — она больше похожа не на свободу, а на донос. Уж лучше соседу самому честно и свободно признаться...

Но давайте все же начнем, уже по традиции, с чтения словарей. Надо заметить, что такое чтение — одно из самых полезных и увлекательных занятий, если, конечно, читать не так, как один из гоголевских героев.

Здесь все заголовки из Пушкина. Мне бы хотелось, чтобы с него слетел школьный глянец, и он предстал перед вами во всей своей вольнолюбивой мощи.

Фотография А. Крупникова.

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!

Излюбленный мой Даль объясняет «свободу» так: «...своя воля, простор, возможность действовать посвоему; отсутствие стеснения, неволи, рабства, подчинения чужой воле. Свобода — понятие относительное; оно может относиться до простора частного, ограниченного, к известному делу относящегося, или к известным степеням этого простора, и наконец к полному, необузданному произволу или самовольству».

Поначалу кажется, что далевская «свобода» похожа вот на такие мечты: «Больше всего мне хотелось бы свободно жить. Спать, где я хочу, ходить, куда хочу, делать, что хочу, и ни от кого не зависеть. Ходить в школу, когда захочется, а в крайнем случае, учиться самому, от этого, наверное, и то было бы больше пользы. Гулять, с кем я хочу, и чтобы никто не говорил мне ни слова» (Д. Д., Москва). Но это сходство лишь внешнее. Внешнее, потому что надо мечтать не только о внешней свободе, «отсутствии стеснения», но и о свободе внутренней. А кроме того, даже в мечтах нельзя забывать, что свобода — «понятие относительное».

Есть такое английское выражение: «Моя свобода кончается там, где начинается нос моего соседа». Человек может быть свободен, человек должен быть свободен, но своей свободой он не имеет права ущемлять, ограничивать свободу другого. Любое, самое малое ущемление чужой свободы превращает твою собственную в произвол, самовольство, а значит, в несвободу. (Помните, приблизительно то же происходит и с достоинством: унижая достоинство других, ты лишаешься своего.)

Минуточку, скажете вы, у вашего Даля вовсе не сказано, что «необузданный произвол» — это несвобода. Верно, но разве обязательно: если не сказано, значит, и не может быть?

И вот здесь чуть переменим тему: поговорим о двоичности, двойственности нашего мира. В нем так или иначе все сводится к двойке. Свет и тьма, мужчина и женщина, тело и душа, добро и зло... Продолжать можно до бесконечности, до двоичного кода в компьютерах. Нет ничего, что было бы единичным. А как же единственность человека? Да ведь единственность эту, неповторимость только тогда и можно ощутить, если сравнить себя, единственного, хотя бы еще с одним человеком, то есть создать пару, «двойку», «зеркало». Нет ничего, что могло бы существовать без пары. Но в то же время пары соединены не жестко, раз и навсегда. Их «сцепление» относительно; они могут превращаться одно в другое и образовывать новые «двойки».

Вот так и свобода в нашем двойственном мире существует в паре с ответственностью. Когда же отношения с ответственностью разрываются, она превращается в несвободу.

Оправданий такой несвободе не может быть никаких. Кстати, любимое оправдание безответственности, а значит, несвободы — это ссылка на окружающую действительность, нравы, среду. Не знаю, как вам, а мне нравится замечание Федора Михайловича Достоевского, касающееся «учения о среде». Размышляя об этом учении, распространенном в 70-е годы прошлого века и, словно «ретро»-мода, пропагандируемом сейчас, Достоевский писал, что, делая «...человека зависящим от каждой ошибки в устройстве общественном, учение о среде доводит человека до совершенной безличности, до совершенного освобождения его от всякого нравственного личного долга, от всякой самостоятельности, доводит до мерзейшего рабства, какое только можно вообразить. Ведь этак табаку человеку захочется, а денег нет — так убить другого, чтобы достать табаку»*.

---

* Рискую вызвать неудовольствие, но все же рекомендую разыскать и прочесть роман Достоевского «Подросток». Чтение будет нелегким, зато отыщутся ответы на многие вопросы.

Да что там табак... Прежде чем убить за табак другого, убивают себя. Зависимость от среды, от «света» не просто лишает человека свободы. Она уничтожает его неповторимость, единственность. Это происходит и со слабыми людьми, и с теми, кто считает себя сильным. И нужно быть действительно сильным, чтобы если не вырваться из «объятий» своего «света», то хотя бы ощутить желание не быть, как все.

«Со мной в классе считаются, и никто «лапшой» не называет: знает, что получит. Да и во дворе тоже отношение хорошее. Но иногда придешь из школы, и так все надоело — быть, как все. Грубить и все такое» (Наташа, Свердловская область). «Все говорят, что я акселератка, современная девочка и т. д., но я иногда собой недовольна. Конечно, хорошо понтоваться в компашке, но когда вижу, как мои блатные подружки смотрят свысока и даже бьют малышей, не могу удержаться — заступаюсь... как хорошо иногда забыть рок, надеть платье и возиться со всем надоевшей малышней» (Катя, Комсомольск-на-Амуре).

Нет, право же, ты становишься свободен только тогда, когда понимаешь: «Если тебя обижали до слез и много, это пустяки, надо устоять на собственных ногах» (Оля Львова, Москва) — и говоришь себе твердо: «Я все равно не стану никому подражать, постараюсь остаться такой, какая есть» (Оля, г. Березники Пермской области), пусть даже «очень трудно жить» (та же Оля).

Кстати, как только вы обретете независимость, истинную внутреннюю свободу, вам будет легче обрести и друга, любимого человека.

Вот письмо Сергея Шанкеева из Таганрога Ростовской области. Он человек взрослый, и, может быть, вам стоит учесть его опыт. (Всем взрослым, хотя еще и молодым людям, приславшим письма с паролем «Честь», моя особая благодарность. Мне бы хотелось, чтобы была сломана стена между взрослыми и подростками, чтобы как можно больше взрослых не поучали подростков, как им следует жить, а помогали разобраться в жизни.)

«Мне 19 лет. И за эту, в принципе, небольшую жизнь я многое понял. В 14 лет я, наверное, был таким, как большинство мальчишек: так же грубил девчонкам, так же ругался с ними и так же мне нравилась все время «полусонная» и стеснительная девчонка. Мои одноклассники, пацаны, когда это узнали, хохотали до упаду. Мне было до ужаса обидно. Некоторое время я не обращал на нее внимания, но потом, на удивление себе, принял решение такое, что аж сам удивился. Я подумал: «Что я буду обращать на своих одноклассников внимание? С этой девчонкой буду дружить я, а не они». И после этого у меня все пошло на лад».

Надо заметить, кстати, что самые рьяные борцы за свободу частенько, не выдержав пришедшей вместе со свободой ответственности, возвращаются к милой, легкой, в сущности, несвободе. Потому что тот самый «груз ответственности», о котором мы часто говорим, не задумываясь о смысле сказанного, слишком давит на «свободные» плечи. И так сладостно, сбросив этот груз, отдаться в плен без ответственности, без раздумий, без выбора.

ЧТО Ж ИЗБЕРЕТЕ ВЫ? — СВОБОДУ

Вот, вот то самое слово, которое, пожалуй, наиболее точно определяет «свободу». Именно так: свобода — это возможность выбора. И выбора прежде всего поступка. Одна лишь мысль (пусть даже самая благая) без поступка ничто.

«Мне 14 лет, и я думаю, что человеку в это время должна быть дана свобода. Свобода не только в раздумьях, но и в действиях. Ну, например, кто-то (мальчик или девочка) хочет выразить свою любовь в поступке, но я знаю наверняка, что у него (нее) ничего не получится. Он (она) подумает: «А вдруг кто-нибудь заметит это, а ведь человек должен понимать, что его отношения не должны зависеть от мнения остальных. То же и с достоинством. Кто-то из старшеклассников чертыхнулся; а кто помладше думает: «А я что, хуже?» — и... Вот так-то. Да и честного, прямолинейного человека в нашем классе, например, посчитали бы чудаком. Самый простой случай: сломали учителю указку, но ведь не признается тот, кто виноват. Его будоражат мысли: «А вдруг к директору поведут? Вдруг двойку поставят? Вдруг...». Такие вот дела» (Таня Г., Актюбинск).

Конечно, выбор можно сделать только, если есть **из чего выбирать**: ну, например, из геркулесовой каши или селедки с картошкой (каша и селедка, впрочем, к нравственной свободе не относятся, они скорее относятся к свободному выбору между здоровьем или болезнью. Ну да все равно, главное, чтобы стало ясно, что такое «объективная возможность выбора»). Когда у человека есть из чего выбирать, он и выбирает. Если умеет это делать. Надо ведь выбрать поступок — а значит, **знать,** из чего выбирать (помочь старику перейти улицу или махнуть на него рукой), и точно знать, **почему** ты выбираешь этот поступок (потому, что ты с жалостью относишься ко всем слабым и немощным, или потому, что тебе на них наплевать). Но и это еще не все. Надо еще знать, какие **требования** предъявляет в данных обстоятельствах к человеку нравственность, и понимать, каковы будут **последствия** твоего выбора.

Ты всегда должен иметь право выбора, даже если ты выбираешь между величайшим добром и величайшим злом. Только при этом тебе следует помнить вот что.

Если ты заставляешь себя совершать добрые поступки, а не выбираешь их добровольно, с любовью, ты не свободен.

Если ты сознательно и добровольно выбираешь зло, ложь, ненависть к людям, ты не свободен.

Знай это. И делай свой выбор.

ТЫ САМ СВОЙ ВЫСШИЙ СУД

Но что-то ведь должно помогать человеку в различении добра и зла? Нельзя же всю жизнь только и делать, что спрашивать у старших или сверяться с мудрыми книгами, правильно или неправильно выбран поступок? Советы с людьми и книгами — они тоже нужны. Но главное, человеку нужна совесть.

Жил в XIX веке, в Германии, философ Людвиг Фейербах. Больше всего он знаменит тем, что был материалистом: то есть доказывал первенство материи над духом. Но мне бы очень хотелось, чтобы вам он стал известен как человек, доказывающий, что счастье одного человека невозможно без счастья других. Когда Фейербах умер, на его могиле написали: «Твори добро из любви к человеку».

Так вот, голос совести, по Фейербаху, это «...эхо болезненного крика человека, ущербленного мной, и обвинительного приговора человека, который, обижая другого, обижает самого себя». Помните: в нашем мире человек, чтобы осознать свою единственность, должен посмотреться, как в зеркало, в другого человека. Но, вглядевшись в другого, он осознает не только свою неповторимость, а еще и неповторимость этого другого, значит, право каждого на равные честь и достоинство. Обижая других, человек обижает самого себя.

«Да у тебя совесть есть?» — «А что это такое?» Знакомая фраза? Даже очень. Самое забавное — то, что «остроумный» ребенок на самом деле не знает, что это такое. Если бы знал, не поступал бы бессовестно, а следовательно, не заслужил бы упрека. Примеров — о-го-го! Если бы каждый человек чувствовал в себе совесть, уже давно настало бы «светлое будущее». А сейчас — в метро! на улице! в школе! на работе! и еще! и еще! Зачем приводить примеры! И так все понятно! Совесть — это способность встать на место любого другого человека и моментально осознать, хорошо ли ему, и если не можешь помочь, так хотя бы не мешать» (Маша Крикунова, Москва).

Конечно, можно поступать «высокоморально», страшась возмездия за преступление. Можно совершать благие поступки, стыдясь перед людьми за возможные проступки. Но страх и стыд — не лучшие помощники, потому что, руководствуясь только страхом или стыдом, человек остается зависим от внешних влияний.

«Свобода — это когда человек сделал неправильно, не подумал, обидел человека. Его начинает мучить совесть. Но когда человек исправится, у него словно гора с плеч спадает. Тогда человек действительно свободен» (Лена, Димитровград).

Только человек, руководствующийся в поступках своей совестью и побуждаемый к этим поступкам любовью к людям,— подлинно свободен.

Совесть поможет человеку стать господином над случайностью. А в преодолении случайности — свобода.

Совесть поможет человеку устоять перед непониманием, порицанием, лестью. А в этой стойкости — свобода.

Совесть поможет преодолеть неопровержимые, казалось бы, доводы логического ума, если эта логика ведет к злу. А в нелогичности, ведущей к добру,— свобода.

Но что, что надо делать, чтобы пробудить голос совести?

Неустанно задавать себе три вопроса: «Чем я был?» — «Что я сделал?» — «Чем я стал?» — и предельно честно, с полным бесстрашием отвечать на каждый из них. Нет человека, который бы не совершал ошибок на пути между добром и злом. Но осознание своей ошибки и стремление не повторить ее уже отдаляют человека от зла и приближают к добру. И в этом вечном приближении к добру — суть и счастье нашей жизни.

ДА БРАТ МОЙ ОТ МЕНЯ НЕ ПРИМЕТ ОСУЖДЕНЬЯ

За разговорами о высоких материях мы несколько подзабыли, что начинали-то с поисков ответа на вопрос о застенчивости и наглости. Так как я уже достаточно злоупотребляла вашим вниманием, предоставляю возможность высказаться вам самим.

«Сейчас мне 17. Я поступила в институт. Застенчивость, конечно, осталась, но уже не та, что была. А все потому, что я нашла в школе хороших подруг, которые не матерились и не гонялись за разными вещами. Сначала я просто помогала им, если было трудно, а потом предложила вместе заниматься спортом на стадионе. Наши отношения крепли. В общем, во мне пробудилась уверенность в жизни, потому что мои друзья давали огромную поддержку мне» (Нина Дашкова, Новая Каховка Херсонской области).

«Противостоять унижению считаю нормальной способностью человека хоть в 18-м, хоть в 20-м веке» (Рита Гершунова, Алма-Ата).

«Я сильный человек и, если надо, смогу постоять за себя. Но не при помощи кулаков и матюков, как это делают многие мои друзья. Я ненавижу, когда оскорбляют человека, унижают его» (Наташа Константинова, Сочи).

«По-моему, характер современного человека должен быть «мушкетерским» или «гардемаринским». Это вовсе не значит, что нужно божественно фехтовать, говорить по-французски и петь серенады под окном своей дамы. Это значит прежде всего, чтобы человек был гуманным, неравнодушным к чужой боли. И на втором месте (для меня) стоят знания. Если сравнить образованность наших ровесников (тех, кто учился в школе, разумеется) из XIX века и наших ребят, то я уверена, что наши предки перевесят. ...А о чести, внутренней свободе... Я считаю, что если человек обладает первыми двумя качествами — гуманностью и знаниями,— то он уже честен и внутренне свободен. И еще — о застенчивости. Конечно, лучше быть смелой, чем застенчивой, но и лучше быть застенчивой, чем наглой. Смелость и наглость — это разные качества. И я категорически не согласна, что «наглость — второе счастье». Если человек — наглец, то у него, по-моему, не может быть своего внутреннего мира» (Таня Фролова, Чебоксары, ЧАССР).

«Я не могу сказать, что я застенчивая. Я гуляю по вечерам. В нашей компании все парни (да и не только парни) пьют, ругаются. Этим летом я и еще несколько девчонок поехали в ЛТО. Хотелось провести последнее школьное лето по-школьному. Там мы познакомились и подружились с мальчиками из другого города (из военно-спортивного клуба). Сравнивая их с нашими парнями, мы поражались, как наши могли нам нравиться. А они нам говорили, что мы удивительные девчонки. Сперва их поразило, что никто из нас не курит. Кроме того, в лагере мы не ругались. Мы сказали, что для девчонок это не удивительно, а вот таких парней мы не встречали. Они засмеялись и ответили, что дома они совсем не такие. Что и бутылка в их компании не редка. А вот теперь я думаю: понравились бы они мне, узнай я их дома? А если бы они меня дома узнали? Так, может, это нам лучше играть роль застенчивых? Ведь ни мальчишкам не нравятся «блатные» девчонки, ни девчонкам «блатные» мальчишки. Ведь так выходит» (Лена Н., Московская область).

Выходит так. Надеюсь, что с застенчивостью и наглостью мы общими усилиями разобрались. Я же, испытывая непреодолимое желание нравоучать, свойственное каждому взрослому человеку и не преодоленное мной, несмотря на все обещания, делаю из нашего разговора нравоучительные выводы.

Если ты хочешь, чтобы уважали твое достоинство,— уважай достоинство других.

Если ты хочешь высоко держать свою честь — не роняй чести других.

Если ты хочешь быть подлинно свободен — не посягай на свободу других, даже если форма этой свободы тебе очень не нравится.

Только свободный человек обладает честью и достоинством.

Только развитые честь и достоинство делают человека свободным.

И так до бесконечности. Просто заколдованный круг какой-то.

Елена СЕЛЕЗНЕВА

Если вы считаете мои суждения несправедливыми — пишите. Пароль прежний — «Честь».

И, кстати, что такое справедливость?

У нас в гостях журнал Змай

«Змай» это популярный литературно-художественный журнал, который издается для детей в Югославии.

Название его символично. Псевдонимом Змай подписывал свои произведения известный сербский поэт прошлого века, видный деятель национально-освободительного движения Йован Йованович. И напечататься в журнале с таким гордым названием почитают за честь лучшие прозаики и поэты Югославии.

Много лет журналом «Змай» руководит известная югославская поэтесса и писательница Мира Алечкович.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЮГОСЛАВИИ

САМЫЙ ВЫСОКИЙ ВОДОПАД

Он мчится с высоты 400 метров крутой горы Белашницы. Всего в Югославии более 200 водопадов. Но этот не только самый высокий, но и самый красивый. Здесь, неподалеку, в городе Яйце, в годы народной освободительной борьбы была провозглашена на заседании антифашистского веча народного освобождения Республика Югославия.

ИСТОЧНИКИ

В Югославии много теплых источников в Македонии и на Враньском курорте в Сербии. Температура родниковой воды в них достигает 96 градусов, и, чтобы убедиться в этом, туристы варят в ней яйца. Но один источник, у подножия Старой горы,— самый холодный в Европе. Ключевая вода в нем и летом, и зимой неизменно имеет 4 градуса ниже нуля.

ГИГАНТСКИЕ ВОЛНЫ

О высоте волн в Адриатическом море складывают легенды. Ученые гидрографического института военно-морского флота установили, что при южном ветре волны достигают в среднем 5 метров и они очень длинные — 50 метров. А между Анконой и Задра при очень сильном южном ветре волны поднимаются и до 10 метров. Северо-восточный ветер рождает самые коварные волны — они взмывают вверх на 6 метров, очень коротки и легко переворачивают маленькие суда.

ЗОЛОТОНОСНЫЕ РЕКИ

В реках Восточной Сербии, Боснии и во всех ручьях Македонии всегда находят немного золота. Но самые богатые золотом реки — Пек, Млава и Тимок. В Пеке нашли слиток в 300 граммов, а в Млаве — 200 граммов. Иногда приходится перемыть 10 тонн ила, чтобы собрать 5—10 граммов золота.

САМЫЙ ГЛУБОКИЙ КАНЬОН В ЕВРОПЕ

Река Тара тянется на 140 километров по Черногории, пересекает горы Дурмитор и Любишню, образуя самый глубокий каньон в Европе. Около местечка Джурджевича Таре построен мост на высоте 108 метров над рекой.

СТАРЕЙШАЯ КОНЕФЕРМА В ЕВРОПЕ

Она создана в 1580 году на склонах огромного дубового леса в Липицах. Эта ферма — «колыбель» известной породы лошадей липицанер, которые славятся своей снежно-белой окраской и удивительной способностью к дрессировке. Лошади породы липицанер снимались в 150 фильмах.

РЕКОРДЫ ДУНАЯ

Дунай, европейская река, течет и через Югославию. На Ду́нае находится самый большой речной остров. Это Крчединский остров длиною и шириною более восьми километров. Дунай образует крупнейшее в Европе Джердапское ущелье длиною 100 километров. У Джердапа отмечена и самая большая глубина Дуная — 72 метра!

САМЫЙ ДРЕВНИЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ЗАКОН

Он был принят в 1272 году в Дубровнике и запрещал людям пачкать улицы города и засорять море.

ОСТРОВ СОЛНЦА

Самый солнечный и самый теплый остров в Югославии — остров Хвар. 2745 часов в году остров Хвар озарен солнцем. За 60 лет на Хваре было всего 18 дней, когда температура опускалась ниже нуля. Может быть, поэтому в те дни, когда температура ниже нуля или идет снег, гостиницы на острове Хвар не берут плату с туристов.

ЛОВЛЯ РЫБЫ С ПОМОЩЬЮ ПТИЦ

Такая необычная ловля рыбы ведется только в Китае и в Югославии, на Дойренском озере. Рыбаки тренируют соек, и в сезон ловли рыбы они крыльями сгоняют рыбу в сети. Хотя Дойренское озеро в 8 раз меньше Охридского, здесь рыбы вылавливают в 10 раз больше!

СЕМИСОТЛЕТНЕЕ ДЕРЕВО

Около Дубровника, в Трстене, растет платан, которому, как утверждают ученые, не менее четырехсот, а может быть, и семисот лет. Его диаметр — 12 метров, а высота — около 50 метров.

Павле КИЧЕВАЦ

Фотография Д. ТАНАСЕВИЧА.

Маленький Паганини. Так называют в Югославии Стефана Миленковича, одиннадцатилетнего школьника из Белграда. Вот уже несколько лет покоряет он слушателей виртуозной игрой на скрипке. В его репертуаре — сложнейшие произведения Моцарта, Вивальди, других великих композиторов.

Мира АЛЕЧКОВИЧ

Сказочный лес

**Береза березе сказала:
«Подруга,
Когда заметает нас
Снежная вьюга,
Белеют стволы
У деревьев любых,
И мне
Потеряться легко
Среди них».
Дубрава дубраве сказала:
«Сестра,
Когда налетают
Большие ветра,
Дрожат мои корни,
Трещат мои ветви.
Хотят меня вырвать
Холодные ветры!»
И бор сказал бору
Дремучему:
«Брат,
Мы выросли
Много столетий назад.
Мы выше, чем рощи,
Мы шире дубрав,
Мы неба касаемся,
Кроны задрав.
Теснее прижмемся
Друг к другу стволами,
И зимние бури
Не справятся с нами!»**

Перевел с сербскохорватского В. КОЖЕМЯКИН.

Джорджина РАДОВОЕВИЧ

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ

Рацо всегда сообщал нам что-то такое, о чем раньше мы не слышали. За это мы его обожали и выполняли любое его желание. В конце концов он так зазнался, что перед тем, как удивить нас очередным своим открытием, заставлял нас довольно долго служить ему.

И вот как-то он привел нас на чердак и с самым таинственным видом показал обыкновенного паука.

— Что тут интересного? — выразила общее недовольство Евица.— Обыкновенный паук.

— Обыкновенный паук?! — возмутился Рацо.— Это обыкновенный паук? Сами вы обыкновенные недотепы. Зачем только я привел вас сюда, в царство Короля всех пауков? Вы посмотрите повнимательнее! Перед вами — паучиный король! Только слепцы не могли этого разглядеть!..

Мы смотрели во все глаза, но ничего такого, королевского, в пауке не видели. Все так думали, но никто не посмел высказать свою мысль вслух.

Когда Рацо принес из дома муку и уверял нас, что это чудо-пыль, которая укрепляет мышцы, мы не посмели возражать. Мы давились чудо-пылью, и у нас у всех после болели животы.

Мы беспрекословно прыгали в крапиву, когда Рацо объявил нам, что только так можно спастись от молнии во время грозы. Мы верили Рацо.

И теперь нам казалось, что вроде и правда этот паук не такой, как все остальные. Он больше и чернее, и ноги у него длинные, а это, безусловно, свидетельствует о благородном происхождении. Паутина представлялась нам уже серебристой и блестящей!..

Тут Рацо вынул из кармана пригоршню мух (где только он раздобыл их?) и разбросал по всей серебристой паутине. Паук зашевелился, задвигал ножками и принялся стремительно перетаскивать своих пленниц в центр паутины.

Мы наблюдали как зачарованные. Рацо был доволен.

— Теперь вы не сомневаетесь, что перед вами Король пауков? — торжествовал Рацо.— Я мог бы поделиться с вами еще одним своим открытием, хотите?..

— Хотим! — быстро согласились мы, сгорая от любопытства.

— Придется подождать,— гордо заявил Рацо.— Не все сразу.

И мы поняли, что нам еще долго придется таскаться за Рацо хвостом, выполняя все его прихоти, прежде чем он удовлетворит наше любопытство...

Таков наш Рацо. Но мы его обожаем, потому что никому из нас пока не удавалось открыть что-нибудь необыкновенное...

НЕРАЗЛУЧНЫЕ ДРУЗЬЯ

Они были любимцами нашей улицы и никогда не разлучались. Сидели за одной партой в школе, делали одинаковые ошибки в контрольных и даже болели одновременно одной и той же болезнью.

Когда наш двор научил их

драться, они вместе бегали к колодцу промывать разбитые коленки и ссадины на лице и на руках, а возвращаясь домой, заранее договаривались, как станут оправдываться перед родителями, чтобы их объяснения ничем не отличались друг от друга.

Но вот как-то утром соседи с удивлением отметили, что Серджан идет в школу один. «Может, Ненад болен?» — забеспокоились соседи. Но тут же увидели, что Ненад, совершенно здоровый, торопится в школу вслед за Серджаном. «Значит, что-то произошло!» — заключили наш двор и наша улица. И они не ошиблись.

Дядя подарил Ненаду настоящий футбольный мяч. Замечательный мяч, такого не было ни у кого на нашей улице.

— Теперь у нас самый лучший мяч! — Не скрывая радости, бросился обнимать друга Серджан.

— Как это «у нас»? — холодно переспросил Ненад, отстраняя Серджана.— Мяч подарили мне. Он мой!

Серджан остолбенел от неожиданности:

— Ты шутишь, дружище?!

Но Ненад не шутил. Он как-то сразу сделался важным и совсем чужим. Он почувствовал себя обладателем драгоценности, право на которую ни с кем не желал делить.

Теперь Ненад сам выбирал себе компанию, назначал время игры, и даже старшие ребята, которые раньше называли Ненада и Серджана «пацанятами», лебезили перед Ненадом. В свою новую компанию Ненад Серджана не приглашал, а Серджан и не набивался, гонял по улице свой старенький резиновый мяч в одиночестве.

И вдруг... Серджан услышал звон разбитого стекла и истош-

ный вопль, обернулся и увидел, как из магазина, витрина которого была разрушена, выскочил разъяренный мужчина, директор.

— Чей это мяч? — загремел он на всю улицу, держа в руках мяч Ненада.

— Наш,— пролепетал Ненад, показывая на свою новую компанию.

— Это его мяч,— сразу же отказались от Ненада новые приятели.

— Значит, ты запустил свой мерзкий мяч в мою витрину? — кинулся на Ненада директор магазина.

— Да, да, это он,— подтвердили взрослые ребята и исчезли.

Громогласный директор магазина схватил Ненада за руку и потащил к отцу.

— Этот мяч,— грозно сказал директор,— сделал огромную дырку в стекле витрины моего магазина! Кто мне заплатит?!

— Ты играл один? — спросил Ненада отец.— А где твой друг Серджан? Позови и его родителей...

— Серджан тут ни при чем,— низко опустил голову Ненад.— Я играл со старшими мальчиками, а они меня бросили и разбежались.

— Поделом тебе,— сказал грустно отец.— Ты предал старого друга, а новые «друзья» предали тебя.

Отец заплатил директору магазина за разбитое стекло, но не хотел разговаривать с сыном. Ненад сидел в комнате один. У него было время подумать о своем поступке и о своем истинном друге.

ЗАДУМЧИВЫЙ БОЖО

Нашего учителя географии мы прозвали Задумчивым Божо. Вечно он забывал в учительской или очки, или ручку, или карту. Никогда не мог вспомнить тему предыдущего урока и, казалось, не знал ни одного имени своих учеников. «Мальчик», «девочка» — и все...

На его уроках мы не церемонились. Не скрываясь, читали книги, подсказывали во весь голос и изощрялись во всевозможных шутках, всякий раз приходя в восторг от своей изобретательности. Задумчивый Божо никогда никого не наказывал, и мы были счастливы, что нам так повезло с учителем.

Однажды Никола Ковач был дежурным. Урока он не выучил. И когда сообщал учителю географии, кто отсутствует, назвал и свою фамилию.

— Ты с ума сошел? — зашипел Рашо, сосед Николы по парте.

— Это моя тактика! — гордо ответил Никола.— Станет вызывать к доске, а в журнале записано, что меня нет...

— Так, на чем мы остановились в прошлый раз? — спросил Задумчивый Божо, прохаживаясь по классу.

— Мы говорили об Италии,— закричали все дружно хором.

— Да, да,— согласился учитель географии.— Италия наш ближний сосед. Кто хочет рассказать об Италии?.. Вот ты, мальчик,— обратился Задумчивый Божо к Николе Ковачу,— не мог бы ты ответить урок?..

Ранка, сидевшая прямо перед Николой, быстро открыла учебник на нужном месте и отодвинулась в сторону. Николе все хорошо было видно, и он прочитал вслух рассказ об Италии.

Учитель стоял у окна, как будто что-то разглядывая, и ни разу не обернулся. Когда Ковач закончил чтение, учитель посмотрел на него внимательно, улыбнулся и похвалил:

— Молодец, мальчик, как твоя фамилия?

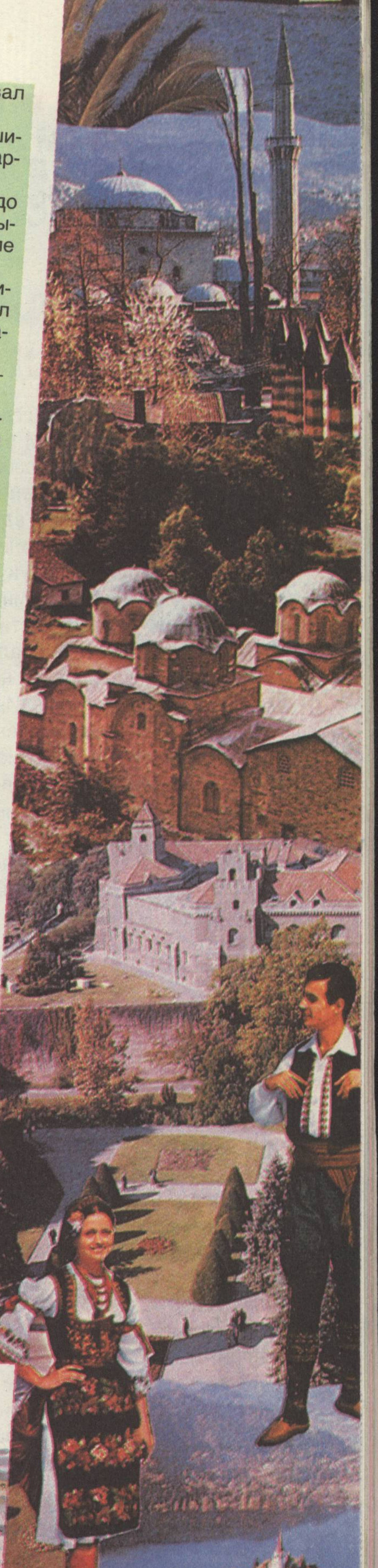
— Ковач! — захлебываясь от радости, заорал Никола.— Никола Ковач.

— Никола Ковач? — удивленно переспросил учитель, водя ручкой по списку учеников в журнале.— Но у меня отмечено, что он сегодня отсутствует на уроке. Если отсутствующему Ковачу я поставлю самую высокую оценку, то, пожалуй, мои коллеги станут называть меня Задумчивым Божо?!

Мы переглянулись. Вот так Задумчивый Божо! Какие же мы ослы!..

А наш учитель географии как ни в чем не бывало засунул журнал под мышку и с достоинством покинул класс.

Пересказала с сербскохорватского Л. СИМОНОВА

Рисунки детей из Югославии.

Леонид ЯХНИН

Дай мне глаза твои!

Созидающий ниспровергатель

В начале века он числился среди самых ярых разрушителей искусства. И вот именно его, Казимира Малевича, большевики назначают в 1918 году комиссаром по охране ценностей Кремля. Человек с репутацией ниспровергателя вдруг активно включается в живой процесс созидания. Он стоит на охране ценностей старой русской культуры. Он создает вместе с художником Добужинским Витебский художественно-практический институт, директором которого становится Марк Шагал. Он организует группу УНОВИС — «Утвердители нового искусства». Он открывает в Петрограде Институт художественной культуры, а при нем — первый в мире музей произведений авангардной живописи.

Революция — это обновление. Октябрьская революция совпала с обновлением искусства. Вот почему самые молодые и свежие силы, самые передовые художники с восторгом и энергией включились в работу новой власти, власти Советов. Молодость Республики окрашена молодостью искусства XX века.

Но кто же он, Казимир Малевич? И что за удивительная слава — ниспровергатель?

Загадка черного квадрата

Многовековая история живописи оставила нам немало великих имен. За каждым именем стоит какая-либо особо знаменитая картина — «Сикстинская мадонна» Рафаэля, «Джоконда» Леонардо да Винчи, «Герника» Пабло Пикассо.

Но есть картины, ставшие знаменитее своих творцов. Таков «Черный квадрат» Казимира Малевича. Это картина-манифест, картина, ставшая началом целого направления в искусстве XX века.

В 1915 году на выставке со странным названием «0,10» появился небольшой холст, на котором был написан аспидно-черный квадрат. Автор его, 37-летний художник, заявил: «Цвет и фактура — это живописная сущность, но эта сущность всегда убивалась сюжетом. Живописцы должны бросить сюжет и вещи, если хотят быть чистыми живописцами».

Так он обосновал свою теорию беспредметной живописи — супрематизм (от французского «supreme» — высший).

Матисс заменил иллюзорную живопись, построение перспективы, геометрическую имитацию пространства цветом и линией.

Кубисты разложили предмет на его составляющие. Глядя на кубистическую картину, вы как бы одновременно видите предмет с разных сторон; он развернут перед вами всеми своими плоскостями. Художник включил в пространство картины четвертое измерение — время. Зритель словно движется вокруг изображения. Это был своеобразный отклик на теорию относительности Энштейна.

Вот и остались — цвет, линия, плоскость. Теперь уже нужно было сделать один логический ход — объединить эти компоненты. И появился «Черный квадрат» — цвет, линия, плоскость. Так началась эпоха абстрактной живописи. Казимира Севериновича Малевича полагают ее провозвестником.

Скачет красная конница

За черным квадратом появился уже в 1918 году красный квадрат. И снова манифест: «Наш мир искусства стал новым, беспредметным, чистым. Исчезло все, осталась масса материала, из которого будет строиться новая форма».

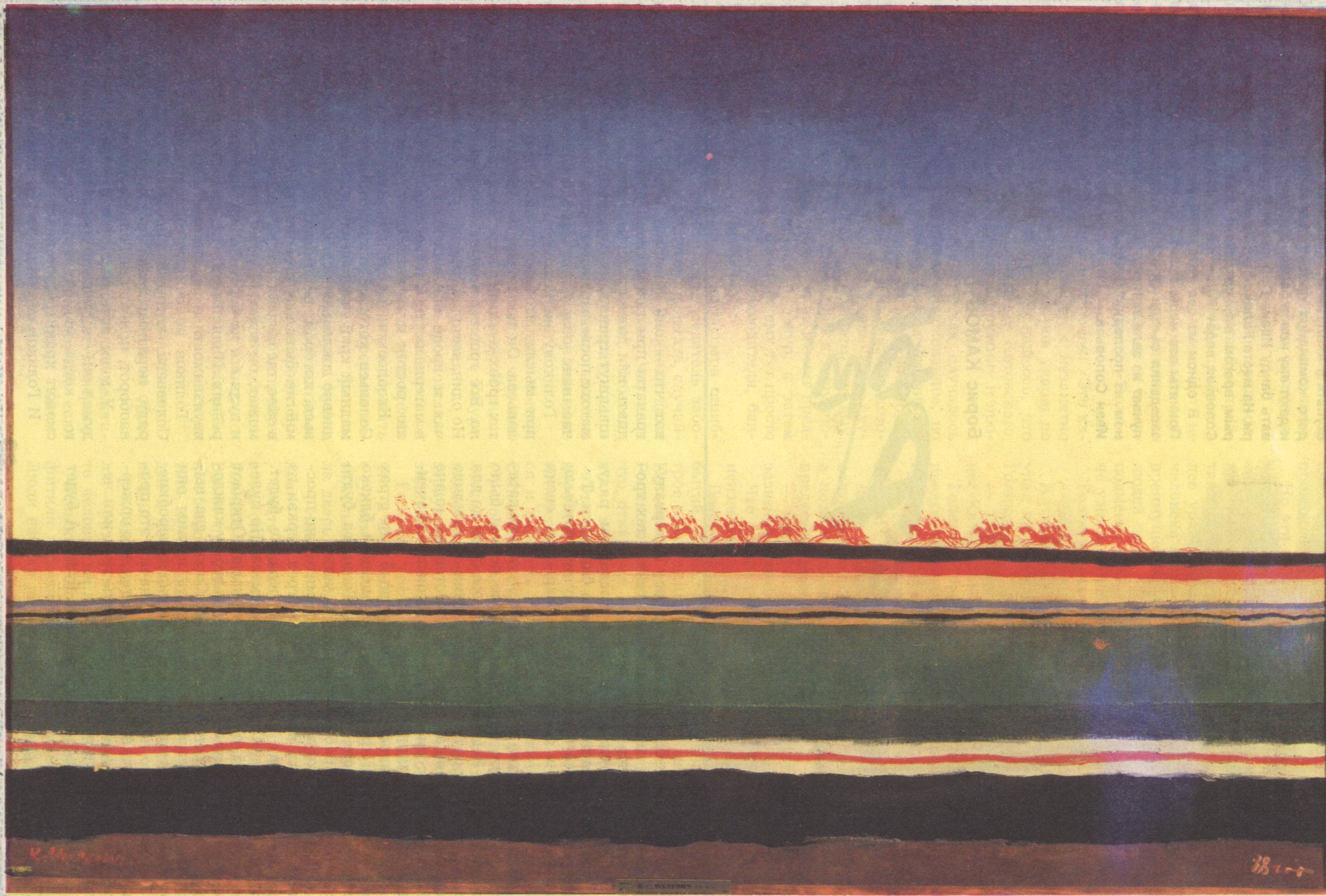
Но художник не остался в тисках логических построений. Он пытался применить свою теорию супрематизма в живописных полотнах. Так появились разложенные на цветные прямоугольники и овалы картины, а следом — сложные цветовые композиции. Но не всегда беспредметные.

Протяженная по горизонтали картина «СКАЧЕТ КРАСНАЯ КОННИЦА» уже своими пропорциями передает стремительность скачущих всадников, нескончаемую вереницу грозной конницы. Земля — чередование цветных полос, словно радуга под копытами коней. И красные пятна красных конников. Они почти мелькают перед глазами — полная иллюзия безостановочного крылатого движения — вперед, вперед, вперед. Туда, за обрез картины в реальный мир кровавого боя.

Художника нельзя затолкнуть в скорлупу его поисков, экспериментов, манифестов. Живое творчество не признает застывших форм и деклараций. И понять его нужно стараться во всей полноте его творчества. Тогда мы сможем увидеть мир глазами художника.

Недаром поэт Даниил Хармс писал о Малевиче:

Дай мне глаза твои!
Раствори окно на твоей башне!

К. Малевич. «СКАЧЕТ КРАСНАЯ КОННИЦА».

Аркадий Голиков приезжает с фронта в Москву, поступать в Академию Генерального штаба. Однако молодого командира просят повременить с поступлением и дают ему новое боевое задание — найти и ликвидировать банду Ивана Соловьева, бесчинствующую в Сибири. На месте Голиков понимает, с каким сильным и хитрым врагом ему предстоит сразиться — не однажды Соловьев ведет Голикова по ложному следу.

В одном из сел готовится уездный съезд Советов. Приняты все меры защиты от банды. Однако во время заседания съезда сидящий в президиуме Голиков получает из зала записку, в которой говорится, что в одном из последних рядов среди делегатов находится Иван Соловьев.

Борис КАМОВ

РЫВОК В НЕВЕДОМОЕ

ПОВЕСТЬ*

Продолжение. Начало в № 1.

Рисунки С. ТРОФИМОВА

Голиков почувствовал, как в груди у него рванулось сердце: он отлично видел сейчас тех троих, что заявились позже всех.

Они действительно сидели в последнем ряду, словно по забывчивости не сбросив башлыки. Теперь становилось понятным, почему они прибыли позже других и стараются не открывать своих лиц.

Голиков ощутил слабость от неминуемости катастрофы, которую скорей всего уже нельзя было предотвратить. Ведь Соловьев проник сюда не для того, чтобы послушать выступления и вежливо уйти. И наверняка успел все подготовить, иначе бы не явился с риском быть узнанным, схваченным и расстрелянным.

Но когда казалось бы неподвластный воле страх сменился почти физическим ощущением близко подкравшейся опасности, мысль Голикова будто сама по себе заработала быстро и четко.

«Что же он мог задумать? — стремительно просчитывал Голиков варианты.— Обстрел церкви из орудия? Нет, раз он здесь, обстрела не будет. Взрыв? Тоже нет. Стрельбу из пулемета? Но пулемет, даже ручной, они пронести не могли. Откроют огонь из револьверов? По два револьвера у каждого. По семь патронов в барабане. Сорок два выстрела — это немало. Но разрядить наганы они все-таки не успеют. Люди в зале сидят неробкие. «Император» это понимает тоже. Значит, это провальный вариант. А Соловьев не из тех, кто пожертвует своей жизнью, лишь бы убить трех или четырех сельсоветчиков.

Значит, стрельбы из наганов не будет. А будет вот что — они швырнут в зал по гранате. Три гранаты при таком скоплении народа — это двадцать или даже тридцать раненых и убитых. Они швырнут гранаты, сами бросятся на пол, а в суматохе после взрыва кинутся бежать. В этом случае шанс уйти у них гораздо больший».

Голикову на несколько мгновений стало легче при мысли, что он, похоже, разгадал план Соловьева. Он посмотрел на последний ряд. Кто из тех троих — «император тайги», понять было трудно. Все трое в башлыках, все трое в полушубках. Но один, который сидел с краю, был пошире в плечах и вроде бы выглядел посолидней. Он? Но в материалах о Соловьеве говорилось, что он невелик ростом и могучим сложением не отличается.

Казалось невероятным, что знаменитый Иван Соловьев, который уже третий год будоражит громадный край, Соловьев, о налетах которого ежедневно докладывают шифровками в Москву, Соловьев, которого не смогли ни поймать, ни одолеть многие бывалые командиры, преспокойно сидит в зале, где обсуждают, как с ним справиться. Быть может, он в самом деле «все видит, все слышит, и пуля его не берет»? — как говорили о нем в деревнях. Иначе откуда такая убежденность в своей неуязвимости и неуловимости?

Голиков не считал себя трусом, но дерзость Соловьева, который сидел сейчас в последнем ряду, поразила даже его. Но это не убавило, а, наоборот, прибавило Голикову решимости.

«У меня есть еще немного времени,— быстро думал он.— Соловьев бросит гранаты скорей всего... когда мы объявим перерыв, и он уже не сможет хранить свое инкогнито».

И Голиков положил листок перед собой, сделав

* Журнальный вариант.

вид, что слушает оратора. А сам тем временем вынул из кобуры свой маленький маузер, оттянул затвор и опустил пистолет в карман галифе. Стол с красной скатертью скрыл его приготовления.

«Сейчас я подымусь,— стремительно продумывал он последовательность своих действий,— пройду в конец зала, будто бы затем, чтобы прибавить огня в лампе возле последней скамьи... Нет, не годится. Я буду стоять в проходе. Соловьев окажется справа от меня и сразу же увидит, что я вынимаю пистолет. Я лучше подойду к комунибудь из предпоследнего ряда и спрошу: «Это вы Тимофеев? Это вам нездоровится?»

Здесь возникнет небольшой переполох: «Это какой же Тимофеев? Откуда?» Тогда я незаметно выну маузер и с трех-четырех метров ударю по троице на последней скамейке. Я надеюсь, что маузер не даст осечки, как наган у Котовского. Я ж недавно заменил возвратную пружину и проверил боек».

И Голиков почти успокоился, как случалось всякий раз, когда он принимал рискованное, но обдуманное решение. Сейчас Голикова устраивала простота и абсолютная надежность плана. Аркадий Петрович не нуждался в помощниках, а потому здесь должно быть наименьшее количество случайностей. План этот нравился еще тем, что ему, Голикову, предстояло навсегда, лицом к лицу, покончить с «императором тайги». И он на миг представил, как вернется сначала в Ужур, а затем в Москву, с ликвидацией Соловьева ему тут просто нечего будет делать. Потеряв предводителя, банды уже рассыплются сами собой.

«А если председатель из Черного озера ошибся?.. Или если форпостовский председатель заболел и послал вместо себя другого делегата, случайно похожего на Соловьева?— У Голикова даже остановилось сердце.— Или даже так: что если и записку прислал человек Соловьева?.. Что если в этом и состоял замысел «императора»: задержать по дороге форпостовскую делегацию, навлечь на нее подозрение, тем более что Голиков еще мало кого знает в лицо, и создать **инцидент?»**

Голиков похолодел при одной только мысли, какого он мог свалять дурака или — что еще хуже — как он мог подыграть Соловьеву. И снова представил, как бы он выглядел сначала в Ужуре, а потом в Москве, если бы это случилось.

«Ладно, ничего страшного пока не произошло,— подумал он с облегчением.— Если написавший записку обознался — это одно. А если те трое все же бандиты, то я теряю время. Нужно их задержать и опознать. Но время бежит. Ждать перерыва некогда. И если на скамейке Соловьев, то гранаты могут полететь в любую минуту. Значит, нужно подготовить группу под видом еще одной опоздавшей делегации, которая задержит этих троих. Будем учиться у Соловьева на ходу. Но это потребует минимум четверти часа. А чтобы бандиты обождали швырять гранаты, их надо чем-то заинтриговать. Чем?!. Я предложу обсудить обращение к Соловьеву и его людям: кто выйдет из леса и сдаст винтовку — полное прощение...»

Трое в башлыках продолжали неподвижно сидеть возле стены. Похоже, они старались не обращать на себя внимания.

«А где же настоящие форпостовские делегаты? — подумал Голиков.— Убиты?! Нет. Наверное, уведены в лес заложниками — на случай, если Соловьев и эти двое попадут к нам в плен. «Император» — человек предусмотрительный».

И еще мелькнуло: «Как же Соловьев про себя смеялся над нами, когда сюда, на съезд, его сопровождала наша охрана».

Но эти мысли мешали Голикову, и он их оборвал. Пора было действовать. Первое — надо посвятить в план Каташкина. Человек он решительный, но смелость в нем сочетается с нервозностью. На такой должности хорошо бы иметь человека с более уравновешенным характером. Но где такого человека возьмешь? А у Каташкина имелись свои преимущества: он родился в этих местах, сотни людей знал в лицо. Странно, что он не заметил подмены. Правда, в полумраке и башлыках можно не узнать и родного дядю.

Голиков наклонился к Каташкину:

— Прочтите записку. У меня есть мысли.

Каташкин рассеянно кивнул, но тут взгляд его упал на развернутую записку, которую отдал ему Голиков.

— Товарищи! — громко и взволнованно произнес Каташкин.

Голиков обмер от сверкнувшей догадки, что председатель уездного исполкома сейчас сделает, но не успел остановить.

— Товарищи, в помещении находится Иван Соловьев!

Даже у Голикова от этих слов, произнесенных вслух, мурашки побежали по спине. Но и озноб в позвоночнике не заглушил злости на глупость председателя уездного исполкома.

— Гражданин Соловьев,— голос Каташкина зазвенел под сводами церкви,— я предлагаю вам...

Что собирался предложить Каташкин, осталось неизвестным.

Восстанавливая потом последовательность событий, Голиков помнил, что обратил внимание: трое в башлыках не вскочили с мест, будто слова Каташкина относились не к ним. И это смутило Голикова: «Ошибка?!» И он возблагодарил судьбу, что отказался от своего первоначального плана, когда могли пострадать невинные люди.

Эти впечатления и мысли вместились в первые короткие доли секунды, потому что в следующие мгновения, прежде чем делегаты успели оглядеться и вскочить с мест, чтобы увидеть и схватить Соловьева, раздалось несколько револьверных выстрелов. Зазвенели стекла и погасли керосиновые лампы. Последней звякнула и потухла яркая двенадцатилинейная с расписным фарфоровым резервуаром для керосина, что стояла на столе президиума. И стало абсолютно темно.

Голиков успел крикнуть: «Ложись!», ожидая, что в зал полетят гранаты. В кромешной тьме с гулким грохотом опрокинулись на каменный пол тяжелые скамейки. Кто-то охнул от боли, хлопнула дверь, послышалась возня.

— Никого не выпускать! — снова крикнул Голиков.

Опять началась стрельба, он отскочил в нишу возле стола и выхватил маузер. Что делать дальше, Голиков попросту не знал. Выстрелы оборвались. Возня продолжалась. Стоило чиркнуть спичкой, как бандиты могли снова открыть стрельбу. Кроме того, кругом был разлит керосин. Но держать людей в напряжении, в полной темноте тоже было нельзя.

— Товарищ Голиков, мы этих бандюков схватили,— раздался во мраке напряженный голос, будто человек держал на себе большую тяжесть.

Вспыхнул огонек спички, колебнулось пламя фитиля керосиновой лампы с разбитым стеклом. Люди начали подыматься с каменных плит.

— Всем делегатам оставаться на местах,— распорядился Голиков.— Арестованных ведите к выходу.

С пола возле покрытого скатертью стола поднялся Каташкин. В руке он держал наган. Аркадий Петрович хотел ему крикнуть: «Какого черта!..» — но это уже не имело смысла.

Из дальнего конца зала к председательскому столу вели двоих в откинутых башлыках. Это были молодые парни. Одному, длиннолицему, было 22—23 года. Другой, молодой хакас с реденькой бородкой, был еще моложе.

— Где третий?! — встревоженно спросил Голиков.— Где Соловьев?

— Там потайная дверца есть,— ответил человек лет пятидесяти, который крепко держал руки длиннолицего, завернутые за спину.— Он через эту дверцу ушел. Там наши мужики за ним побегли.

— Как через потайную дверь? — не поверил Голиков.

Готовя помещение к проведению съезда, Аркадий Петрович приказал забить эту дверь за бывшим иконостасом досками. И вот она оказалась открытой. И Соловьев знал, что доски будут оторваны. Кто их отодрал? Кто из людей, помогавших готовить помещение бывшей церкви, работает на Соловьева?

...Каташкин, который не решался смотреть Голикову в глаза, объявил перерыв. Трое председателей, которые кинулись следом за Соловьевым через потайную дверь, его просто не нашли. Он не убежал, не умчался верхом: он куда-то юркнул. Голиков приказал осмотреть и обыскать все близлежащие дома и сараи, овчарни и конюшни. «Император тайги» словно растаял.

Голиков отправился к себе в кабинет и распорядился привести к нему арестованных.

Длиннолицый был родом из Саратова, окончил юнкерское училище, имел чин поручика. Еще в училище увлекался стрельбой, брал призы на состязаниях. Считалось, что к стрельбе у него особый дар. А молодой хакас, он плохо говорил по-русски, был сыном охотника. Они оба служили в охране Колчака, потом у полковника Олиферова.

Когда же они попали в «горно-партизанский отряд», и Соловьев узнал, что эти двое свободно владеют любым огнестрельным оружием, он велел их поселить под охраной на заброшенной усадьбе лесника. Стрелков до отвала кормили, ежедневно давали водку. В подполе дома, где они поселились, был устроен тир, там они ежедневно упражнялись в стрельбе.

Неделю назад им начали ставить всего лишь по стакану самогона в обед и на ужин. Зато вместо двадцати револьверных патронов для стрельбы по мишеням им выдавали уже по сорок штук в день.

— Два дня назад к нам в берлогу припожаловал сам Соловьев,— с кривоватой улыбкой на вытянутом лице рассказывал поручик.— Привез бутылку «Смирновской» и после ужина сказал, что есть настоящая работа: нужно будет проникнуть на важное собрание и по его сигналу погасить выстрелами лампы. «Но чтобы ни одного человека не задеть!»

«Как мы проникнем на собрание,— сказал Соловьев,— моя забота. Вы гасите выстрелами лампы и бегите обратно к двери, через которую мы войдем. Там будут стоять верные нам люди. Они сначала нас пропустят, а потом выпустят и задержат остальных».

О второй двери стрелки ничего не знали. Они кинулись к выходу, отвлекли на себя внимание. Тем временем Соловьев юркнул в потайной ход. Успешность плана обеспечивалась прежде всего тем, что Соловьев хладнокровно обрек на заклание этих молодых парней.

О банде пленные сообщить ничего не могли. Соловьев не случайно поселил их отдельно.

Парней увели. Голиков стал ходить по кабинету. Еще час назад он, Голиков, сидел под одной крышей с Соловьевым. Если бы Каташкин не допустил нелепости, был шанс поймать «императора тайги». Теперь Голиков понимал, что шанс этот был невелик. Соловьев предусмотрел многое. И если бы заподозрил, что замысел его раскрыт, начал бы стрельбу по залу.

Но кто помог Соловьеву произвести замену делегации?.. Кто открыл нынче ночью забитый досками потайной ход?..

* * *

...Если Соловьев желал произвести сильное впечатление, то он достиг своего. Отчаянная смелость «императора тайги», который явился на съезд, где обсуждались меры по борьбе с его бандами, и не менее ловкий его уход взбудоражили умы. Было замечено и то, что во время перестрелки не пострадал ни один делегат. Если бы Соловьев бросил в зал десяток гранат, эффект был бы гораздо меньший.

А пока что съезд был сорван. Писать о нем в газетах не имело смысла. Судьба настоящих форпостовских делегатов осталась невыясненной — они пропали. Начальник группы сопровождения, который привез Соловьева и двух стрелков, дал показания: поскольку они уже опаздывали, сани с делегатами ждали их у самого въезда в станицу. Был допрошен и Каташкин. Он признался, что поступил нелепо от сильного волнения.

Делегаты, не приняв никакого решения, разъехались по домам. Все до единого добрались благополучно. Об этом позаботился не только Голиков, но и Соловьев.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Новоселье

Голиков перевел свой штаб в деревню Форпост. Помощник Аркадия Петровича по разведке Павел Никитин снял квартиру напротив штаба в доме Аграфены Кожуховской. Это была сильная подвижная женщина с крупным некрасивым лицом. Жизнь Аграфены текла уныло и одиноко, поэтому квартиранту она обрадовалась и обещала Никитину, что будет Голикова кормить и стирать ему белье.

Аркадий Петрович перенес из штаба свой чемодан. Хозяйка провела его в комнату, самую просторную в доме. В комнате было три окна — два по фронтону, одно сбоку. Здесь стояли лавки, стол и две табуретки. Справа от стола была прорезана дверь в среднюю комнату. На эту же сторону выходила половина русской печки с лежанкой. Топилась печь из кухни-прихожей. А вдоль левой стены громоздились самодельный шкаф и широченная кровать с горой подушек.

Голиков сразу обратил внимание, что кровать хорошо просматривается из окон.

— Вы не будете возражать, если я поменяю

кровать и шкаф местами? — спросил он хозяйку.

— Как вам будет удобно.

К обеду весь Форпост уже знал, что Голиков снял квартиру у Кожуховской и переставил мебель, потому что боится выстрелов из окна. Аркадия Петровича такая осведомленность устраивала, потому что спать он собирался не на кровати, а на печке, где толстая кирпичная кладка могла надежно прикрыть его от любых пуль.

Однажды ночью в Форпост прискакал гонец. Он сообщил, что на рудник «Богомдарованный» налетела банда. Она забрала все золото, двенадцать килограммов триста восемнадцать граммов, и продукты на складе. Продуктов было мало. А бандиты, видать, изголодались и начали шарить по квартирам рабочих. Забрали все до крупинки и увезли. Даже детям в поселке не из чего будет сварить кашу.

На рудник был послан отряд Козлова в 20 штыков. Вскоре с «Богомдарованного» поступил подробный рапорт: «Поскольку нечем кормить рабочих и их семьи и добыча золота может остановиться, руднику выделили 253 пуда хлеба, который находится на Яловой. Получены сведения, что банда готовится отбить обоз. В налете собирается участвовать сам Соловьев. Прошу усилить мой отряд. Козлов».

Голиков показал донесение Никитину.

— Восемьдесят мешков муки! — Пашка присвистнул.— Если Соловьев их перехватит, он сможет спокойно сидеть в тайге целую весну. Конечно, отдавать хлеб нельзя.

— А где я возьму людей сопровождать этот хлеб? — сердито спросил Голиков.— Двадцать человек я уже послал охранять рудник. Не меньше тридцати придется послать охранять обоз.

— Попроси — Ужур подбросит.

— Тебе не кажется, что мы становимся ночными сторожами? Нам не хватает только колотушки, чтобы бить по доске и кричать: «Соловей, не подходи! Мы здесь!»

Аркадий Петрович ходил по комнате, садился, снова вставал, но в голове не появлялось ни одной дельной мысли. Раза два забегал Никитин, но все по другим делам.

Голиков почувствовал, что утомился и его клонит в сон, но он решил: пока что-либо дельное не придумает, не ляжет. Он надел шинель и папаху и вышел на улицу.

Кивнув часовому, Аркадий Петрович повернул направо, отошел от штаба шагов на двадцать и услышал шепот: «Голик... Голик...»

Аркадий Петрович вздрогнул. Справа от него зиял дырой полусгнивший забор давно брошенной усадьбы. Из дыры выглядывала голова в мохнатой шапке. Шапка была велика, налезала на глаза, и разглядеть лицо было невозможно.

— Голик, давай сюда! — снова позвала мохнатая шапка.

Шепот скрадывал интонации, но голос показался Аркадию Петровичу детским и знакомым.

— Гаврюшка, ты, что ли?! — засмеялся обрадованный Голиков.

— Я давно тебя жду,— ответил мальчик.

Он схватил Голикова за руку и потянул за собой в дыру. Аркадий Петрович с трудом в нее пролез. Когда же он распрямился, Гаврюшка ткнулся ему лицом в живот и заплакал.

— Ты чего? — удивился Голиков.— Снова побил отец?

— Астанайка...— с трудом произнес Гаврюшка и снова заплакал.

— Что Астанайка? Что он сделал?!

— Астанайка... прислал людей... они забрали... мамку.

— За что?!

— Который забирал, сказал отцу: «Послужишь нам — отдадим». Посадили мамку на сани и повезли.

— Чего они хотели?! Как отец должен им послужить?!

— Не знаю. Мамка кричала: «Отпустите меня!» И еще кричала: «Митька, спаси меня!». И отец бежал рядом и держался за сани, и они его ударили ружьем.

Голиков прижал Гаврюшку к себе. Под истершейся шубейкой вздрагивали худые лопатки и плечи мальчика. Голиков чувствовал себя виноватым в том, что люди Астанаева увезли в лес мать Гаврюшки.

А главное заключалось в том, что он, начальник боевого района, имея теперь в своем распоряжении почти полтораста человек и несколько пулеметов, обладая на территории своего района всей полнотой власти, был бессилен помочь ребенку.

Внезапно Голиков вздрогнул, будто его кольнули: «Старуха!» Он вспомнил Ново-Покровское, согнутую колесом старуху, у которой бандиты отобрали золотые монеты, и ее предостережение: «Гаврюшка, худо будет!»

«Это месть их семье за то, что Гаврюшка показал мне, куда поскакал Родионов,— подумал Голиков. И тут же успокоил себя: — Нет, в прошлый раз Соловьеву было нужно, чтобы я бросился в погоню за Родионовым. Только зачем же им теперь понадобился Гаврюшкин отец?»

— Как ты сюда попал? — спросил Голиков.

— Отец поехал искать Астаная,— ответил Гаврюшка.— Только Астанай может отпустить мамку. А мне велел ждать его у бабки. У нас тут живет бабка. Она даже ночью плачет.

— Отец знает, где можно найти Астаная?

— Голик,— испугался Гаврюшка,— молчи. А то Астанай убьет мамку.

— Я ничего никому не скажу.

«Как стыдно,— подумал Голиков.— Мало того, что я ничем не способен помочь ребенку, я еще пытаюсь через него что-то выведать».

— Голик, я зачем тебя жду,— сказал Гаврюшка.— Соловей пилит деревья.

— Пусть пилит,— рассеянно ответил Аркадий Петрович,— тайга большая.

— Голик, ты не понимаешь. Ты едешь по дороге, а дерево падает тебе на голову.

— Завал? Он готовит завал? В каком месте?

— Сопку с человечьим лицом знаешь? Я пойду. Ладно? — Гаврюшка юркнул в сторону и исчез.

Сопка стояла у дороги, километрах в пятнадцати от рудника, если ехать из Яловой. Значит, Соловьев уже знал, что на «Богомдарованный» должны везти хлеб. Астанаев со своей агентурой трудились не впустую...

И тут у Аркадия Петровича возникло первое подозрение.

Когда в Ново-Покровском Гаврюшка показал дорогу, потом выяснилось, что это было на руку Соловьеву. Что если и теперь Соловьеву нужно, чтобы он, Голиков, узнал о завале?

Аркадий Петрович вернулся в штаб и разбудил Никитина.

— Ну чего тебе не спится? — недовольно спросил Павел, с трудом разлепляя глаза.— Мне через час уже вставать.

— Боюсь, Цыганок, нынче тебе спать уже не придется,— ответил Голиков и поведал о давнем

своем знакомстве с Гаврюшкой и сегодняшней встрече с ним.

Павел сел на койке и сказал:

— Думаю, мальчишка подослан.— И стал крутить барабан нагана, который вынул из-под подушки.— Ты погляди, у «императора» все номера похожи один на другой. В Ново-Покровском нарочно обидели увечную старуху, чтобы ты ее пожалел и кинулся за Родионовым. Теперь для тебя разыгрывают новое представление: увозят мать знакомого тебе мальчишки, велят отцу сказать, что будто бы он идет искать Астаная, а Гаврюшке будто бы ненароком дают подглядеть, что готовится завал.

— Ты полагаешь, они меня считают дураком?

— А за что им тебя считать шибко умным? Если бы Соловьев не подбросил тебе письмо, ты бы и сейчас думал, что чуть-чуть не поймал Родионова. Вот они и решили все повторить. Знаешь, я был акробатом в цирке. Самый бешеный успех имеют номера у чувствительных простаков.

— А если мы с тобой просто напуганные простаки?.. В Ново-Покровском Гаврюшка помог Соловьеву тем, что захотел помочь мне. Но и без Гаврюшки я бы кинулся в погоню за Родионовым. А если считать, что Гаврюшка уже тогда был подослан, то нужно было подстроить и сцену на дороге, когда Гаврюшкин отец гнался за ним, а я не позволил его бить. Предположим, ты прав,— продолжал Голиков.— Гаврюшка помог Соловьеву в Ново-Покровском, и его же послали сообщить, что готовится завал. Теперь мы знаем о завале. Как нам следует поступить?

— Задержать обоз, чтобы Соловьев не перехватил хлеб.

— Ты полагаешь, Соловьеву нужен хлеб?

— Еще бы.

— Тогда зачем ставить нас в известность, что готовится завал? Если мы повезем хлеб из Яловой, а Соловьеву известен маршрут, то завал имеет смысл. А если мы знаем, что готовится засада, то либо задержим обоз, либо отправим по другой дороге. И задача Соловьева — отобрать хлеб — сильно усложнится. А ждать Соловьев не может. В ближайшие дни раскиснет дорога. Сообщение между поселками будет прервано. И Соловьеву с его людьми придется сосать в лесу лапу... Да оставь ты в покое револьвер!

Никитин бросил наган, который шлепнулся на смятое одеяло.

— В том, что ты говоришь, есть здравый смысл. Но если у Соловьева в тайге мозги отсырели и он думает по-другому? А мы ему с тобой подыграем?

— Сначала мы с тобой все проверим.

— Когда проверять — люди на руднике сидят без куска хлеба?! — не выдержал Никитин.

— А если поспешим — подарим Соловьеву в придачу к золоту еще и двести пятьдесят пудов муки.

У Павла снова начали слипаться от усталости глаза.

— Если даже мальчишка не подослан, хлеб везти по этой дороге нельзя.

— Можно. Я даже скажу — нужно.

Никитин нервно провел рукой по лбу, пытаясь прогнать сонливость.

— Или я чего-то не понимаю. Или ты. Вот идет обоз. Перед мордой первой лошади на дорогу падает лиственница. Так? Обоз поворачивает назад. А путь уже отрезан другой рухнувшей лиственницей. Так? И что дальше? Кушайте, разбойнички, рабоче-крестьянский хлеб, только нас отпустите с миром?

— Цыганок, я не собираюсь отдавать хлеб.

— Но если ты повезешь его мимо сопки с человечьим лицом, считай, ты его уже отдал.

— Представь, что ты входишь в темную комнату, а я притаился в углу, чтобы огреть тебя ножкой стула. Если ты этого не подозреваешь, то дела твои плохи. Но если ты уже знаешь, что я там притаился, а я не знаю, что ты знаешь, то еще неизвестно, чья возьмет.

— Это слишком мудрено для меня. Если ты позволишь, я вздремну часок, а потом отправлю людей в разведку.

— Спи, Цыганок, в разведку я пойду сам.

Из разведсводки 6 Сибсводотряда:

«...Комбат Голиков выступил с 20 штыками в район Яловая, что верстах в 20 северо-восточнее улуса Итеменево... напал на след бандитов и выступил для розыска в тайгу... где ведет усиленную разведку. Голиков потребовал для усиления его отряда 30 штыков при двух пулеметах...»

Сомнения

Голиков возвратился из разведки смертельно усталый, но повеселевший. Он сам увидел две надпиленные лиственницы близ дороги напротив той сопки. Самих бандитов поблизости не оказалось. «Император тайги», видимо, убрал «горных партизан», чтобы не привлекать внимания к будущей засаде. И, надо полагать, ждал, когда повезут хлеб.

План операции, который складывался у Голикова, начинал обрастать подробностями и «привязками к местности». Аркадий Петрович похвалил себя за то, что отправился в разведку сам. Он теперь совершенно точно знал, где Соловьев готовит ему ловушку.

Голиков принялся за подготовку операции, но его раздражал Никитин. Беспрекословно выполняя любые распоряжения, Павел не упускал случая намекнуть, что не верит в успех затеи.

Переспорить друг друга они не могли. Кто из них прав, мог показать только бой. И Голиков мирился с возникшей ситуацией, поскольку больше никого из подчиненных он в свой замысел не посвящал, а в Ужур коротко сообщил, что просит направить еще один отряд для охраны хлебного обоза, не уточняя, как он намерен использовать подкрепление. Аркадий Петрович подозревал: Ужур его так же не поймет, как не понимает Пашка.

На рудник «Богомдарованный» Аркадий Петрович отправил связного. Тот передал Козлову записку: пятеро красноармейцев остаются для охраны рудника. Сам же Козлов с остальными бойцами едет с обозом в Яловую, получает муку и ждет дальнейших указаний.

Никитин ночью отправился с двумя пулеметчиками в сторону той же Яловой. На этом предварительные приготовления были закончены.

Козлов с бойцами, которые на короткий срок превращались в обозников; отряд в 30 сабель, присланный в подкрепление из Ужура; Никитин с двумя пулеметчиками и Соловьев со своими подручными — все теперь ждали распоряжений Голикова, чтобы приступить к действиям сообразно своим обязанностям и намерениям. А на руднике шахтеры и их семьи, голодая, который день ждали хлеба.

Сам же Аркадий Петрович Голиков сидел в ка-

бинете, еще и еще раз мысленно перепроверяя, все ли он учел. И когда убедился: да, из того, что можно было учесть, он учел все,— он опять спросил себя: «А что если там, где я видел подпиленные деревья, засада ложная, а настоящая ждет в другом месте?»

Голиков понимал: обоз в этом случае окажется без достаточного прикрытия, отряд Козлова понесет большие потери, мука попадет к Соловьеву, рудник снова останется без хлеба. Что в случае такого провала ждет его, Аркадия Голикова, думать не хотелось.

Пока не было отдано последнее распоряжение, можно было все переиграть, то есть попросить Ужур прислать еще 60—70 бойцов. В этом случае почти полная гарантия, что Соловьев не осмелится напасть на обоз, а если осмелится, то получит решительный отпор.

Однако в глубине души Голиков понимал: шумный бой, где Соловьев даже потеряет двадцать или тридцать человек, ни на шаг не приблизит окончательного разгрома соловьевщины. «Император тайги» силен не тем, что у него пятьсот сабель. Если запросить, Красноярск без проволочек пришлет полк. Несколько месяцев назад Ужур запросил, и Красноярск прислал. А Соловьев затаился в тайге. И грандиозная экспедиция обернулась в его пользу, что сразу ухудшило обстановку в районе.

«Пока люди не убедятся, что Соловьев уязвим, а значит, и смертен, как все,— думал Голиков,— любые усилия будут затрачены впустую. Поэтому я не имею права попасть впросак. Иначе я тоже стану... пособником Соловьева».

Аркадий Петрович взглянул на часы. Это была серебряная луковица фирмы «Павел Буре. Поставщик Двора Его Величества». Для принятия окончательного решения в распоряжении Голикова оставалось десять минут.

«Я еще могу отменить операцию,— сказал он себе.— Тогда у меня появится возможность разработать другой план. Только неизвестно, будет ли он лучше. Ведь мне все равно придется везти хлеб на рудник. И никто за меня этого не сделает.

Отмена операции станет лишь отсрочкой, проявлением моей неуверенности, которая будет всеми замечена, потому что операция на самом деле началась,— ведь отряд Козлова уже в Яловой...

А если план оставить прежним, но подменить мешки? — неожиданно подумал он.— Тогда в случае моей неудачи не весь хлеб попадет к Соловьеву... Нет, не годится. Подменить двадцать или сорок мешков муки отрубями или чем-то еще уже невозможно. Слишком много глаз приковано сейчас к отряду Козлова. Попытка заменить мешки откроет Соловьеву, что мне известно о его приготовлениях. И он придумает что-нибудь другое, чего я не буду знать. А я все равно должен буду везти хлеб».

Аркадий Петрович взглянул на часы: в его распоряжении оставалось четыре минуты.

«Хорошо,— продолжал рассуждать он,— план операции остается в силе. Есть только несколько обстоятельств, которые продолжают вызывать тревогу. Первое. Может ли по дороге на рудник существовать еще одна засада?.. Да, может, но у меня нет сведений, что она готовится. И я поэтому исхожу из того, что засада одна.

А если засад этих все-таки две и засада возле сопки ложная? — продолжал он пытать сам себя. От этих мысленно произнесенных слов испуганно забухало сердце.— Если бы засада возле сопки была ложная, Соловьев попытался бы привлечь к ней мое внимание.— И мозг услужливо преподнес ему мысль, которой он больше всего боялся: «А если для этого к тебе и был подослан Гаврюшка?»

Голиков десятки раз спрашивал себя: имеет ли он право целиком полагаться на ребенка, когда речь идет о жизни людей и судьбе хлебного обоза.

«У меня нет оснований думать, что Гаврюшка был ко мне подослан в Ново-Покровском и теперь»,— слабо защищался Аркадий Петрович. И как всегда в опасной ситуаций, он вдруг услышал внутри себя голос другого, более старшего и хладнокровного человека:

«Если Гаврюшка подослан и все, что ты задумал, входит в замысел Соловьева, то последствия твоей ошибки могут быть самыми катастрофическими. Ведь Астанаев часто прибегает к услугам детей»,— сказал голос.

«Но чтобы так разыграть меня, Астанаеву с Соловьевым нужно было многое учесть»,— защищался Голиков.

«Да,— согласился голос.— Но ты забываешь, что у Соловьева есть штаб, в котором сидят профессиональные разведчики. Они работали еще на Колчака. И если бы у Гаврюшки не было бабки (а она есть), то была бы предложена другая версия его появления в селе».

Голиков чувствовал себя загнанным в угол. Он закончил два военных учебных заведения, где основательно изучалось разведывательное дело. Кроме того, он воевал уже четвертый год и представлял, на какие изощренные хитрости пускаются разведчики, чтобы выведать секреты противника или ввести его в обман.

Что на самом деле означало появление Гаврюшки возле штаба, было самым слабым местом в цепи его рассуждений и логических построений. И сейчас, когда риск задуманной операции обнажился со всей своей беспощадностью, Голиков признался себе, что последнее время только и думал об этом: подослан Гаврюшка или нет. От этого зависел не только исход операции (где мог погибнуть и он, Голиков). Грозило рухнуть его представление о человеческих ценностях.

В своем понимании людей Голиков шел прежде всего от самого себя, от былых детских ощущений, которые давали ему возможность разгадывать нравственный склад человека. И если в оценке Гаврюшки он ошибся, то это означало, что он становится беспомощным в мире человеческих отношений, как делается беспомощной охотничья собака, у которой пропал нюх.

Голиков понимал, что Гаврюшка мог быть ему признателен за то, что он, посторонний человек, заступился за него там, на дороге. Однако он понимал, что Гаврюшка, если бы ему пригрозили, мог быть вынужден пойти на обман. То была жестокая логика войны, где человеческая жизнь порой ничего не стоила.

Если согласиться с доводом, что Гаврюшка подослан, то операция была обречена на провал. И Голикову следовало, пока была возможность, ее отменить.

И он уже с раздражением вспоминал первую встречу с Гаврюшкой на дороге. Мальчик — он был в одной клетчатой рубашонке и залатанных штанах — поднялся со снега. Был изрядный мороз, но Гаврюшка не чувствовал холода и черными, блестящими, широко открытыми глазами смотрел снизу вверх на Голикова, который сидел в седле. Глаза эти лучились изумлением, радостью,

что за него заступился целый отряд. И Гаврюшка понравился Голикову именно этим своим лучезарным взглядом, в котором уже не было ни обиды, ни злости, ни слез.

И еще больше сердясь на себя за непростительную доверчивость, Голиков вспомнил и то, как три дня назад Гаврюшка позвал его, высунувшись из дыры забора. И он, начальник второго боевого района по борьбе с бандитизмом, полез в эту дыру, а там, он отчетливо понял это теперь, его могли бесшумно подхватить на длинные и тонкие ножи, которыми перерезают горло баранам. И если его там, за этим забором, в полусотне шагов от штаба, не закололи, то лишь потому, что Соловьеву было важнее заманить его вместе с отрядом в западню на дороге.

Думать об этом было больно. Что-то в складе мальчишки было Голикову дорого и близко. Но сейчас прежде всего нужно было отменить операцию, то есть задержать обоз в Яловой и отозвать Пашку, который небось уже намаялся в своем вороньем гнезде.

Рука машинально потянулась к колокольчику на столе. Голиков коснулся пальцами позолоченной дужки. И замер. Он вдруг отчетливо вспомнил лицо Гаврюшки там, за домом, когда мальчик сообщил ему про завал. Глаза Гаврюшки ввалились, под ними лежали глубокие тени, веки были переполнены слезами, в зрачках замерла боль, а детский лоб прорезали глубокие морщины. Перед Голиковым стоял старый мальчик. Так изменить ребенка могло только горе.

«Нет, он пришел сам».

Чья возьмет?

20 апреля после обеда пятнадцать пустых подвод прибыли в Яловую. Пока взвесили муку, наступил вечер. Ехать на рудник ночью Голиков Козлову запретил.

На самом деле ночевка в Яловой была Голиковым запланирована, и на рассвете в поселок прискакал связной. Он устно передал Козлову распоряжение начальника боевого района. Козлов удивился, больше того, усомнился: или связной перепутал, или здесь что-то не так. Посыльный обиделся. Это был парень из разведвзвода, который привык, что его сведениям доверяют, и в подтверждение протянул клочок бумаги, на котором было всего четыре слова: «Сказанному верить. Арк. Голиков».

Клочок Козлов на всякий случай спрятал в карман.

Связной поскакал обратно — доложить, что распоряжение передано и в точности понято. Мешки с мукой погрузили на подводы. У каждого бойца-возчика на коленях или под рукой лежала винтовка. Козлов, чтобы держать в поле зрения весь обоз, ехал верхом. Бойцы, в том числе и Козлов, естественно, не предполагали, что участвуют сразу в трех операциях: по доставке хлеба, в операции Соловьева по перехвату обоза и операции Голикова по защите хлебного каравана.

Козлов был совершенно сбит с толку. Распоряжение, которое доставил связной, состояло из одной лишь команды, которую должен был отдать Козлов, если налетит Соловьев. Команда была странная. Она плохо вязалась с характером Голикова, который слыл человеком решительным и храбрым. Но клочок бумаги, спрятанный в партбилете, не оставлял сомнений в подлинности приказа.

Дальнейшие события развивались по хитроумному плану, разработанному Иваном Николаевичем Соловьевым и его штабом. Обоз медленно тащился по раскисающей от солнца дороге. Полозья саней то скребли по камням и грунту, то окунались в лужу, то весело скользили по крепкой, отполированной, промерзшей колее.

Красноармейцы догадывались, что вместо возчиков их посадили не случайно и в коротких разговорах между собой недоумевали: почему их не послали вместе с возчиками, которых тоже следовало бы вооружить. И тогда бандиты не рискнули бы приблизиться.

...А Голиков позаботился прежде всего о том, чтобы в решающую минуту возле подвод было бы меньше суеты.

Обоз тянулся по местам самым разбойным. Слева темнели сопки — то совершенно голые, только припорошенные снегом (от них веяло одиночеством и неизбывной тоской), а то начиналась гряда, покрытая темным, будто сгоревшим лесом. По слухам, не в одной лишь тайге, но и на этих сопках Соловьев имел базы.

Попытки обследовать сопки ничего не дали. Бандиты наловчились в прямом смысле слова заметать следы, особенно от лыж. Огонь в своих жилищах они разводили только ночью, чтобы их не выдал дым. Зато с высоты открывался самый широкий обзор, который позволял держать под наблюдением большие пространства. А разные способы связи, в том числе и голубиная почта, давали возможность бандитам быстро сообщать Астанаеву и Соловьеву о всех серьезных перемещениях чоновских войск или о движении больших обозов.

Теперь, когда подводы с мешками медленно ползли вдоль холмов, слухи и легенды о Соловьеве невольно приходили на память Козлову и красноармейцам. Козлов жалел и досадовал, что Голиков неизвестно для чего приказал ночевать в Яловой вместо того, чтобы попытаться ночью проскользнуть к руднику.

Козлов не знал, что весь путь от Яловой до рудника находится под неусыпным контролем Соловьева, что в этом случае бандитов устроила бы и ночная засада, а Голикову, для осуществления его плана, требовалось светлое время суток.

Справа от дороги темнела тайга — хмурая и молчаливая, хозяином которой оставался Соловьев. И подтверждения этому долго ждать не пришлось.

С левой стороны начали проступать очертания сопки с человеческим лицом, которая издавна пользовалась дурной славой. Лет семьдесят назад на этой дороге погиб старик старатель, который всю жизнь бедствовал со своей семьей и считался неудачником. И вдруг именно ему выпал «фарт»: он нашел увесистый самородок, который, словно заявочный столб, обозначил начало золотоносного участка. Но старателя здесь, на дороге, убили два мерзавца.

Это место было скверным еще и потому, что сопка и тайга подходили здесь особенно близко, создавая узкую горловину, которую легко было перегородить. Вот почему, завидя громадное человеческое лицо, которое ветры и дожди высекли из холма, бойцы задергали вожжами, зачмокали, засвистели кнутами.

Внезапно в лесу что-то хрустнуло, сбоку от дороги вздрогнула высоченная лиственница. Задевая могучими лапами соседние деревья, она стала мед-

ленно, с нарастающим шумом и треском валиться к дороге, перегораживая путь.

Испуганно заржав, остановились и попятились лошади передних подвод. В ответ раздалось бодрое ржание из леса...

На короткое время все заглушил грохот падения громадного дерева. Но едва он стих, как на дорогу, теперь уже в хвосте обоза, рухнула вторая лиственница.

Обоз попал в засаду в том месте, которое пользовалось самой дурной славой. По замыслу Соловьева, это должно было усилить испуг и растерянность подводчиков, которые, схватив карабины и винтовки, соскочили с саней.

Бойцы лежали на снегу, приготовясь к бою, но лес молчал. И когда прошло две или три минуты, Козлов решил, что это не засада, а, видимо, сработал «большой капкан», то есть были задеты натянутые веревки, отчего и рухнули подпиленные деревья, а самих бандитов поблизости нет.

Козлов крикнул: «Доставайте топоры и пилы! Быстро!» Он полагал: через четверть часа первая лиственница будет распилена, в ней удастся сделать проход, и обоз вырвется.

Зазвенели пилы, затюкали деловито и торопливо топоры. И вскоре проход уже был готов.

Вожжи первой подводы, в которую был впряжен красавец битюг, подхватил красноармеец лет тридцати в подогнанном полушубке, борода на его широком лице была подстрижена лопаточкой. Сани тронулись. Битюг пересек линию недавнего завала. Ему оставалось сделать два-три шага, чтобы за этой чертой оказались и сани, в которые он был впряжен. А за первой подводой уже двинулись другие.

Ахнул выстрел, и красавец битюг рухнул. Пуля в медной оболочке, пущенная из американского винчестера, попала в ухо. Стрелял мастер, охотник, которому велено было все рассчитать. И он рассчитал. Битюг упал, закрыв своей могучей тушей проход. После чего бандиты дали поверх голов возчиков дружный залп.

Бандиты затаились в зарослях. Понимая, что обозу уже никуда не деться, Соловьев позволил себе безобидную, как он полагал, забаву, и вместе со своей ватагой беззвучно смеялся, глядя на ловкие, быстрые, но бесполезные усилия красноармейцев, оказавшихся в ловушке.

Раздосадованные и обозленные подводчики, бросив вожжи, опять схватились за винтовки и открыли ответную стрельбу. Из зарослей снова ударил залп, и пули снова прошли высоко над обозом, не задевая ни бойцов, ни коней. Соловьев давал тем самым понять, что великодушно позволяет красноармейцам уйти невредимыми, оставив мешки. Операция была задумана «императором» как триумфальная. Захват обоза он не хотел омрачать ненужными жертвами.

Поскольку на руднике он погорячился, казнив рабочих (и позднее, остыв, пожалел об этом), то сейчас он хотел подводчиков просто отогнать.

Однако возчики разбойным великодушием не умилились. Им было стыдно отдавать хлеб тому же Соловьеву, который обрек на голод весь рудничный поселок с малолетними детьми. А кроме того, в подводчиках появилась злость, что Соловьев потешается над ними.

«Император» не ожидал отпора, сопротивление было бессмысленно, и, обозлясь, он крикнул: «Лупите по лошадям!»

Одна лошадь была тут же убита, две ранены, несколько заметались в испуге. И все это случилось за каких-нибудь полторы минуты начавшегося боя, пока всех не удивил командир отряда Козлов.

Увидев, что отряд ввязался в ожесточенный бой, Козлов крикнул:

— Отставить стрельбу! В сопки! Всем отступать в сопки! — И, повторяя это, пронесся под огнем вдоль всех возов.

Такое распоряжение удивило бойцов, которые знали Козлова как человека хладнокровного и надежного. Конечно, когда кругом стрельба, и хладнокровный человек может сдвинуться. Между прочим, сам Козлов менее суток назад объяснял, что хлеб ни в коем случае не должен попасть в руки бандитов.

Несколько человек, которые были послабее духом, вскочили и побежали в сторону сопки с человечьим лицом, другие замешкались, а кое-кто упрямо решил: «Не побегу!»

И тогда к этим упрямцам подлетел тот же Козлов. Возвышаясь в седле над возами, потрясая наганом, он закричал:

— В сопки! Или убью!

И рукой, в которой у него был зажат револьвер, схватился за простреленное плечо.

Храбрые подводчики уже ничего не понимали в происходящем. Они только видели, что Козлов продолжает сидеть под огнем в седле, значит, не трусит. Заметили, что бандитская пуля пробила ему плечо, а он все равно ждет, пока бойцы уйдут в сопки. И красноармейцы нехотя поднялись с земли, оторвались от возов и, отстреливаясь, стыдливо побежали в сторону от дороги, боясь взглянуть один другому в глаза.

Упорнее всех оказался подводчик с бородкой, у которого убили красавца коня. Стоя в полный рост, даже не собираясь прятаться за мешки, он, не целясь, выпускал по лесу обойму за обоймой. Казалось, человек просто помешался. И тогда Козлов крикнул ему:

— Михайлов, беги! Или пристрелю.

Но Михайлов преспокойно вынул из кармана новенькую обойму и принялся неторопливо заталкивать ее ладонью в магазин.

Тогда Козлов, совсем близко подъехав к Михайлову, пальнул из нагана возле его уха. Михайлов повернул голову, ненавидящим взглядом ожег командира, переложив карабин в левую руку, провел правой по крупу убитого коня и прогулочным шагом направился в сторону сопки.

А Козлов, еще раз окинув обоз и убедясь, что возле подвод не осталось ни одного человека, остановился, оторвал запачканную кровью руку с наганом от простреленного плеча, вытянул ее в направлении леса, пальнул несколько раз, пока не опустел барабан, и тоже не спеша двинулся в сторону от дороги.

Козлов выполнил странное распоряжение Голикова — обоз с восемьюдесятью мешками муки был брошен.

Бандиты не стали стрелять красноармейцам в спину. Выждав, пока бойцы убрались подальше от дороги, бандиты высыпали из леса. Они сразу кинулись к возам.

Следом из зарослей вышло человек десять. На плечах троих блеснули погоны. Но в этой небольшой и сплоченной группе выделялся один, лет сорока, в серой каракулевой папахе и свежем полушубке. Он остановился возле мертвого битюга и начал что-то говорить, показывая на толстый распиленный ствол дерева. Сопровождающие почтительно слушали. Это был Иван Соловьев.

«Император тайги» часто устраивал засады, но он впервые одержал такую внушительную победу. Захват 250 пудов муки, которые охранял целый отряд, уже нельзя было назвать «бандитским налетом». Это была отлично выполненная боевая операция, где главная роль принадлежала четко налаженной разведке. Победа была тем внушительней, что во главе отряда красных стоял Козлов, человек бывалый и смелый. Для Соловьева было важно и то, что Козлов сразу оценил ситуацию и понял бессмысленность сопротивления.

Желая еще раз показать широту своей натуры, Соловьев запретил преследование красноармейцев.

Полагая дело законченным, Соловьев, чтобы его отовсюду было видно, забрался на первый возок.

— Орлы мои! — Соловьев обращался к своим «белым партизанам», которые рассыпались вдоль обоза и уже без стеснения обшаривали сани. Но по замыслу Соловьева, его речь прежде всего предназначалась тем, кто бежал в сопки.

— Орлы мои! — повторил он.— Благодарю вас всех за храбрость и отличную выучку! Свободная Хакасия вас всех не забудет!

И здесь, совершенно некстати, татакнул пулемет.

— Кто там безобразит? — повернулся Соловьев к свите, совершенно уверенный, что гашетку по небрежности нажал кто-то из его людей, потому что обозники были вооружены винтовками.

Но пулемет, будто пристреливаясь, татакнул снова. Пули пронеслись над возами. Не успел Соловьев соскочить с саней, как раздалась длинная очередь. Несколько бандитов кинулись на мокрый снег. И тут пулемет забил безостановочно, словно зайдясь от ненависти, и к нему присоединился второй.

Это стреляли с печально известной сопки засланные туда пулеметчики под командой Павла Никитина. Свои гнезда они соорудили на деревьях, шагами измерили расстояние до края дороги и других ориентиров. И теперь, после двух суток полубессонницы и утомительного безделья, вкладывали в гашетки пулеметов всю свою ненависть к Соловьеву и его свите.

— По бандитам беспощадный огонь! — крикнул теперь уже и Козлов. Он не успел перевязать плечо и продолжал зажимать рану рукой. Сквозь пальцы по сукну шинели текла кровь.

Подводчики вслед за командиром поняли, что их отступление было хитростью, чтобы выманить бандитов из леса, и открыли яростную пальбу.

— Назад, это обман! — закричал худой офицер из числа приближенных «императора».

Пожалуй, это был первый случай, когда кара на этом злодейском месте настигла самих злодеев.

Никитин сидел на толстенной ветке старого кедра, не отрывая глаз от окуляров артиллерийского бинокля, и корректировал стрельбу.

— По мешкам, Георгий, бьешь, по мешкам! — крикнул он одному из пулеметчиков.— А ты, Петюня, Соловьева мне достань, Соловьева! Он в новом полушубке!

Соловьев, пригнувшись, бежал впереди свиты к лесу. И пулеметчик Кошельков, который сидел на соседней от Никитина лиственнице, привязанный веревкой к двум толстенным сукам, чуть опустил похожий на самоварную трубу ствол ручного пулемета и полоснул очередью по убегавшей группе. Двое, отстав, сели на снег (на одном блеснуло золото погон). Петр отыскал глазами белый новый полушубок, поймал Соловьева в прорезь прицела и нажал спуск. Но полушубок нечаянно заслонила высокая костистая фигура в черном пальто. Фигура ткнулась с разбегу лицом в снег, а Соловьев нырнул в просвет между деревьями.

Через минуту возле подвод осталось десятка полтора убитых соловьевцев, и двое пытались ползком добраться до зарослей.

Козлов, которому в этой кутерьме успели забинтовать плечо, снова взгромоздился на коня. Рядом с ним, будто с неба, появился Никитин.

— Козлов, ребята, а ну, вперед! Ура! — закричал Никитин и, вытащив длинноствольный «смит-вессон», кинулся в сторону обоза.

— Вперед! — подхватил Козлов, обращаясь к своим подводчикам.

Обрадованные красноармейцы, которые только что своими глазами видели, как бежал Соловьев, кинулись к дороге, пересекли ее и углубились в лес.

Бандиты отстреливались беспорядочно. Полные смятения и страха, они стремились поскорее рассредоточиться. Для них, как для зверей, тайга стала родным домом, где можно было спрятаться, отсидеться, раствориться. И главным в эти минуты было уйти от преследования.

Но люди Козлова, у которых все внутри дрожало от только что пережитого унижения, на этот раз не собирались отпустить бандитов. Подводчики бежали следом, паля из винтовок. И хотя их было мало (раза в три меньше, чем «белых партизан»), соловьевцы спиной ощущали устрашающую ярость красноармейцев.

И все-таки банда уходила. Козлову с его бойцами было ее не задержать. Люди Соловьева разбегались, растекались по лесу, просачивались между толстыми стволами. Когда по ним стреляли, они прятались за деревьями и снова бежали, ползли дальше, то проваливаясь в глубокий снег, то попадая на твердый наст.

Неожиданно в глубине леса ровно, заливисто застрочил пулемет. К нему присоединились еще два. Бандиты приободрились, кинулись все на землю и поползли навстречу пулеметам. А люди Козлова остановились. Придержал коня и сам Козлов, мучительно пытаясь понять, что же происходит теперь. И вывод был один: на этот раз уже Соловьев заманил их в такую ловушку, какую ему устроили на дороге. Или «император» приготовил пулеметы на случай, если понадобится отступать, а красные начнут преследование.

И Козлов, проклиная весь нынешний день, уже было собрался отдать приказ к новому отступлению, когда пулеметы так же внезапно смолкли. В лесу на короткое время сделалось тихо, будто здесь не было ни одного живого человека. И раздался громкий мальчишеский голос:

— Гражданин Соловьев! Граждане «белые партизаны»! Вы окружены! Предлагаю вам сдаться! На раздумье — одна минута!

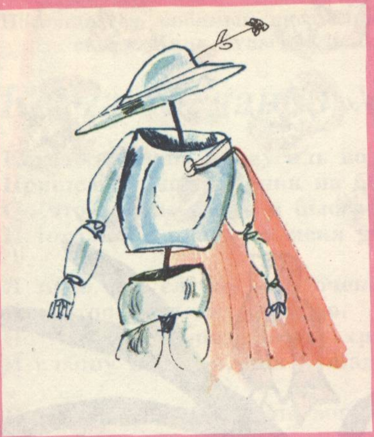
Это был голос Голикова.

Начальник боевого района с полусотней бойцов и тремя пулеметами зашел в тыл банде, когда она готовилась к захвату обоза. И сейчас капкан для Соловьева захлопнулся.

Обоз пришел на рудник вечером. Его встречали все жители поселка. Здесь уже знали, что на дороге случился бой...

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ИЗ РУССКОЙ СТАРИНЫ

Ежегодно, и дома, и в школе, уже несколько веков детям всех стран и народов говорят: «Учитесь, будьте добрыми». Это вечный, постоянный припев, который звучит в ушах с тех пор, как развился у нас разум.

«Учитесь» — вам говорят, потому что все познания, которые вы удерживаете теперь в памяти, составляют канву, по которой вы должны будете проводить нити новых познаний, а если канва эта слаба и редка, то и нити познания будут держаться плохо.

Вам говорят «учитесь» еще потому, что эта ваша первая наука, значение которой вами еще не постигается, доставляет вам первые впечатления в ваших чтениях, первые добрые влечения мысли, первые победы воли, которые подготавливают из детей примерных рабочих, полезных служащих, отцов-воспитателей, мудрых мыслителей, примерных и полезных граждан.

Мы говорим вам также «будьте добрыми», потому что умственное развитие, не связанное с добротою души, не что иное, как прекрасный плащ, накинутый на эгоизм и гордость; это вещь мертвая, как блестящие доспехи в музеях, которым недостает тела и души рыцаря.

Поднялась заря XX столетия. Это ваш век, дети. Идите к нему навстречу, как войско, празднующее победу и непоколебимое.

ЭДМОНДО ДЕ-АМИЧИС,
итальянский писатель, педагог

«Речь, произнесенная ученикам и ученицам начальной школы в Турине по случаю раздачи наград». (Приложение к журналу «Задушевное слово», 1884 г.)

Рисунок Д. ГОНЧАРОВОЙ

НЕ СМЕШНО

Семь советов учителю, как справиться с непослушными учениками

Мы, ученики энской школы, признаемся в плохом своем поведении и малом усердии в учении и хотим подсказать вам, учителя, как нас наказывать.

Не укоряйте нас, что мы ленимся и мало работаем, скажите нам: «Кретинозавры» — и замахнитесь метровой линейкой.

Когда вам нужно попугать кого-то лично, пригрозите шалуну: «Ах, ты мерзкий мальчишка! Повешу, как Буратино, вниз головой!»

Если вы не можете справиться с классом, станьте спиной к доске, поднимите одну ногу и закатите глаза, имитируя глубокий обморок. Но изредка окидывайте класс острым взором, чтобы увидеть, какое вы производите впечатление.

Если класс шумит, возьмите дневник самого физически сильного ученика и запишите ему замечание за безобразия всех. На перемене он сам расправится с нарушителями дисциплины.

Если мы зазевались и не встретили вас тишиной в начале урока, вместо слов: «Здравствуйте, садитесь»,— скомандуйте нам: «Сесть — встать, сесть — встать!» и так продолжайте пол-урока, а потом задайте нам тройное задание на дом. Неплохо заставить нас приседать рядом с партой, пока мы один за другим не начнем падать на пол.

Не надо ругать нас за то, что мы трогаем приборы у вас на столе, бейте нас сразу и говорите при этом: «Лучше я сяду в тюрьму за то, что избила тебя, чем за то, что ты сожжешь себе глаза реактивами!»

Оскорбляйте без стеснения наших родителей, если они не приходят в школу на собрания. Можно даже позволить себе неприличные намеки в их адрес.

А впрочем, зачем вам наши советы? Ведь вы наказываете нас именно так. Все эти случаи взяты из реальной жизни.

Света Князева,
г. Москва.

Учителя, как известно, бывают разные. Есть, конечно, и такие, кто советами Светы Князевой никогда не воспользуется. Но, к сожалению, до тех пор, пока не будет в законе предусмотрено наказание к тем, кто злоупотребляет своим служебным положением, заметки, подобно Светиной, будут актуальны.*

Вопрос взрослым — юристам, законодателям: как быть?

*** Примечание «ПАФ». В Уголовном кодексе РСФСР есть статья 171, по которой можно привлечь к уголовной ответственности должностное лицо за различные нарушения. Но дело в том, что учитель не «должностное» лицо. Вот директор школы — да, а учитель — нет.**

Фотография А. КРУПНИКОВА

Литвинова Лена, 8 лет.
«ФИЛИН С ПТИЧКОЙ».

Колосков Сергей, 10 лет.
«ХИЩНЫЙ ЗВЕРЬ».

Жене РОМАШОВОЙ 14 лет, она живет в городе Краснодаре, учится в школе № 58.

Посвящается любимым писателям Гавриилу Троепольскому, Киру Булычеву и Владиславу Крапивину.

Когда-то давно...

Когда-то давно, наяву иль во сне,
Пришел ко мне всадник на белом коне.
Он что-то мне четко и быстро сказал
И тотчас же прочь от меня ускакал.

Я знаю, тот случай был очень давно
И повториться ему не дано,
Но всадника образ память хранит,
И слышу порой я, как лошадь храпит.

И спать мне один лишь вопрос не дает:
Ну кто же тот всадник, куда он зовет?
Я знаю, что нужно его мне найти,
Да только не знаю, куда мне идти.

Марина ПОЛУШКИНА — восьмиклассница 1163-й школы г. Москвы.

* * *

Девчонка лепила из снега зверей,
И снег оживал и послушен был ей.
На белой полянке зверушки сидят,
Поодаль мальчишки стоят и глядят.
Для глупой забавы слепили снежки,
И те полетели, метки, жестоки.
Не в девочке видели цель, нет, не в ней —
Они убивали тех снежных зверей.
Девчонка стояла в сторонке, смотрела.
Мальчишек прогнать все равно б не сумела.
А каждый снежок, попадавший в зверей,—
Как в сердце ножом и даже больней!

Девчонка ушла, ничего не сказав,
И лишь на ресницах дрожала слеза.

Юля ТУМАНОВА, 12 лет. Она живет в городе Высоковске Московской области.

Путешествие на велосипедах

Пройдет зима, придет весна,
Поднимут голову цветы.
Поедет вновь твоя «Десна»
И мой «Орленок». Я и ты.

Поедем мы с тобой к лугам,
Где пробиваются ростки,
Побродим мы по берегам
Уже проснувшейся реки.

Инна РЕДЧИЦ живет в Белоруссии, в деревне Словечно Гомельской области, учится в 7-м классе «А» сельской щколы.

Стихи о метели

Почему метель — метель?
Почему?
Почему метель метет
Всю зиму?

Пусть стучится в окно —
Не беда!
Не пущу ее в дом
Никогда!

Пусть гуляет в полях
Да в лесах,
Пусть гуляет метель
В небесах!

Людмила БЕЛОВА — восьмиклассница из Москвы, прислала «Кораблику» свое стихотворение вместе с таким вот письмом:

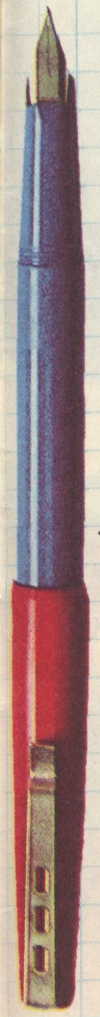
«Наверно, за все свое существование «Кораблик» никогда не брал на свой борт стихи о любви, про любимого человека?

В прошлом году в нашу школу пришла новая «англичанка». Как и всех новеньких, ее сначала «доводили», но потом поняли, что это бесполезно, и смирились. Я и моя подруга начали приглядываться к ней и в конце первой четверти не могли представить школу нашу без нее. После уроков мы бросали дома портфели и бежали ее встречать к школе, чтобы проводить до остановки, а потом слушать от родителей, что мы совсем перестали учиться и «бегаем» за какой-то «фифой», которая старше нас всего-то на десять лет! Мы без нее не могли прожить и дня, да и она к нам проявляла все больше и больше доверия. Так,через некоторое время она дала нам свой адрес и телефон... В середине учебного года она уходит из школы! Уходит самый дорогой нам человек, к которому мы так привязались... И, может, вы поймете наше и мое состояние, прочитав эти стихи:

Тревожное, крутое — давит мне на душу.
Я знаю отчего, но не могу сказать.
Наверно, оттого мне тяжко так и смутно,
Что не могу с зимы тебе я написать.

Я знаю: потому, что ты давно забыла,
Как той весной тебя ходили провожать
И как молниеносно, завидя свой автобус,
От нас ты поскорее стремилась убежать.

А мы все повторяли вскользь брошенные фразы,
Хранили в самом сердце, боясь их потерять.
Про нас все говорили: «У этих сдвиг по фазе»,
А мы... бежали вихрем тебя опять встречать!

Таня КРЕМЕНЬ — москвичка, ей 10 лет. Учится в третьем классе школы № 3 Севастопольского района.

Как воробьи дразнили Куську

Мой котенок Куська вышел из подъезда. Небо было чистое. Солнышко было яркое. Дождя не предвиделось. Куська собирался шмыгнуть в кусты, чтоб погрызть травы, но увидел воробьев. Воробьи его тоже увидели и мигом взлетели на дерево. На всякий случай. Куська бросился к дереву. Но ему достались только насмешки: «Чирик-чирик, чивик-чивик». От злости и бессилия Куська замяукал. Вдруг один из воробьев слетел с ветки и прошмыгнул перед носом Куськи. Другой проделал ту же операцию. А бедный Куська только мяукал и махал лапками. Наконец воробьи улетели. Куська проводил их сердитым взглядом и удалился в кусты. Он был очень обижен на воробьев. Хоть бы один поймался!

СОВЕТЫ ЗЕЛЕНОЙ ПРА

Проверка на выносливость

С приходом зимы начинается проверка на выносливость всего живого на нашей планете. Хоть Природа и придумала стужу, но она же и постаралась защитить от нее земных обитателей. Всех, как смогла, устроила. Многих даже спать положила. Впадают в спячку божьи коровки и мухи, бабочки и змеи, ежи и сурки, засыпают медведи. Да разве всех перечислишь!

Дыхание у многих заснувших животных замедляется. Еж, например, обычно вдыхает воздух 40—50 раз в минуту, в спячке — всего 8—6 раз, а иногда и вообще один. Перестают дышать жуки да пауки. Тельце спящих почти такое же холодное, как воздух или земля, где они устроились. Чтобы не отлежать лапку или бок, каждый принимает самую удобную позу; особым образом начинает сокращаться мускулатура. Шмелиха ложится на спину, наклоняет вперед голову и поджимает лапки. Еж свертывается в клубок. Летучие мыши повисают вниз головой. Кажется, совсем окоченели и лапкой до самой весны не пошевелят. Как бы не так! Многие млекопитающие могут двигаться, если, конечно, это необходимо, так и не просыпаясь.

Во многих деревенских домах летучие мыши зимуют под крышами, на чердаках. Если вы, ребята, обнаружите их там, не пытайтесь будить животных. Они улетят и вряд ли где устроятся зимой. Значит, погибнут.

Так, во сне и проходит самое суровое время года. Но даже сон у зверей неодинаков — кто просто спит, например, медведь, а кто впадает в анабиоз (насекомые). Это такое состояние, когда животное не только глубоко засыпает, но и приостанавливаются многие очень важные для жизни процессы в его организме. Что и говорить, здорово Природа придумала. Она же сделала абсолютными чемпионами по выносливости, можно даже сказать, по сверхвыживаемости, крошечных (меньше 1 миллиметра) тихоходок. Хоть у них и 8 ног, но больше 1—2 миллиметров им в минуту не «пробежать», да и незачем. Живут во мхе, пьют его сок. Уж чего только не делали с ними ученые! Первым делом крошек высушивали — они тут же впадали в анабиоз. В глубоком сне им не страшен огромный перепад температур. Это единственные животные, в которых теплится жизнь при минус 190 и при жаре почти в 150. Не замечают они и ужасные для всех яды — синильную кислоту и сулему. Стоит только на малышек полить водой, как они тут же оживают. А сохранить жизнь при таких немыслимых передрягах им помогают крошечные накапливающие тельца, состоящие из жировых шариков.

Хорошо тем, кто спит. Приспособления в мозгу и других органах, накопленный жирок помогают переносить стужу. Не так сладко приходится тем, кто предпочитает бодрствовать даже зимой. Голод, холод, да что там говорить — уж очень много капризов погоды приходится им переносить. Но и они приспособились.

Каждый вид по-своему борется с холодом. Мышам очень часто приходится трястись от мороза

и для того, чтобы согреться. С помощью дрожи на полную мощность начинает работать отопительная система организма. Она ускоряет движение веществ, которые участвуют в реакциях, выделяющих тепло.

Спасаясь от холода, в начале зимы начинает линять крот. Вообще-то он линяет почти постоянно. У него на каждый сезон своя одежда. Весеннюю, летнюю и осеннюю шубки не очень-то отличишь, а вот зимнюю сразу можно узнать. Волосы на шкурке длинные, тонкие, и число их намного больше, чем в другие сезоны. В такой шубе крот от холода не дрожит. Трудится себе потихонечку, почти как летом. Почти, да не совсем. Землекоп прокладывает свои тоннели не только под землей, но и под снегом. Чего ради полез он в сугроб? Животному нужны ходы над совсем промерзшей почвой — не под силу ему копать смерзшуюся землю. Роет со всем старанием, даже вертикальные вентиляционные шахты устраивает, чтобы углекислый газ под снегом не скапливался. Так что, если увидите дырочку в сугробе, не удивляйтесь — это кроты или мыши проветривают свои подснежные квартиры.

А сколько таких ходов в пригородных лесах, лесопарках! Постарайтесь, если это возможно, ездить по уже проложенной лыжне и зря не прокладывать новую.

Не надо пытаться разрывать сугроб, чтобы посмотреть, как устроены их лабиринты. Никому не хочется остаться зимой без крыши. Не лишайте «удобств» кротов и мышей!

Живущие на суше изо всех сил стараются сберечь тепло. А рыбам да и другой водной живности вроде бы и беречь-то нечего. Сами холодные, и кровь у них холодная. Но все-таки хоть мало тепла, а получается оно от трения тела о воду, при работе мышц и даже при переваривании пищи. Вот бы его сохранить! Тогда уж точно ни одна рыбешка не замерзла бы даже в Северном Ледовитом океане или в Атлантике. Там зимой температура воды обычно минус 1,9 градуса, а опыты ученых показали, что кровь рыб замерзает при минус двух. Согласитесь, прямо плавание между жизнью и смертью.

Кто плавает, рискуя собой, а кто в лед вмерзает. Карасю и щуке даллоя приходится пережидать морозы именно так. Зимой на Чукотке, где живет даллоя, и рыбу-то ловить не надо. Достаточно вырубить кусок льда, куда вмерзла щука, принести домой и положить в таз — она оживет прямо на глазах.

Как ни разнообразны приспособления животных к стуже, а все-таки цель у них одна. Сохранить жизнь, чтобы передать ее следующим поколениям.

Ваша Прапрапра... бабушка.

ЗЕЛЕНАЯ КНИГА

С граблями по грибы

ходят в лес некоторые барнаульцы. А после видишь изуродованные грибницы, перепаханные поляны. Я ежедневно по нескольку часов гуляю по лесу, и, честное слово, сердце кровью обливается, когда натыкаюсь на ничем не прикрытое варварство. Только-только подходит пора груздей, а грибная подстилка уже свернута... Порой из-за одного гриба жадный человек истребляет всю грибницу. Сколько раз в сорванной грабелями подстилке приходилось находить шляпки с копеечную монету, не дали им вырасти.

В наших лесах не только груздь стал редкостью, но и рыжик, исчезают боровики. А это все из-за непотребного отношения людей... В последнее время все заговорили об экологии, в газете печатаются письма в защиту природы. Я бы сказал, что без нашего общего участия природу не спасем. Столько кругом варварства, ну хотя бы по отношению к тому, что дает нам лес. После жадных ягодников и грибников остается одно разорение... Когда наконец у нас будет поставлено на должную высоту экологическое просвещение населения?

И. КУЛЕШОВ.

(Заметку прислала Наташа Ощепкова из города Белокуриха, Алтайского края. К сожалению, Наташа не указала, из какой газеты сделала вырезку. НЕ ЗАБЫВАЙТЕ УКАЗЫВАТЬ НАЗВАНИЕ ЖУРНАЛОВ И ГАЗЕТ!)

Анилиновые речки

Проведен рейд по малым рекам Орджоникидзевского и Мотовилихинского районов. Сотрудники природоохранных служб определяли влияние сбросов промышленных предприятий на загрязнение речек Большая Мотовилиха и Язовая,

Рисунки И. ПАНКОВА

которые впору назвать «анилиновыми» речками.

Содержание анилина в Язовой в день проверки превышало предельно допустимые концентрации в 50 раз, а нитробензола в пять раз. Еще значительнее концентрации вредных веществ отмечены в речке Большая Мотовилиха. Эти речки погублены из-за постоянного выпуска в них неочищенных промышленно-бытовых стоков из городского коллектора через районную насосную станцию № 1.

(Вырезку из пермской газеты «Звезда» прислала Ирина Суслова.)

Ребята! «Зеленая книга» ждет новых ваших сообщений, вырезок из газет, журналов! Присылайте!

Фотография И. ДРЕВАЛЕВА

КОЛОКОЛЬЧИК

Зачем зоопарки?

Здравствуй, дорогая «Зеленая карета»!

Я очень люблю животных, но в то же время никогда не хожу в зоопарк. Я ненавижу того, кто придумал тюрьму для зверюшек!!! Зачем зоопарки? Чтобы дети смотрели на несчастных животных и на следующий день уже об этом забывали? А если бы людей засадили в клетки и все бы бессмысленно смотрели на них и потешались? Я против зоопарков!!! Я не хочу видеть, как грязные и замученные звери страдают за решеткой! Хороших зоопарков (да есть ли они?) очень мало. И хотя там кормят животных хорошо, а в клетках — чисто, все равно — для них жизнь несвободная и пустая!

Напечатайте мое письмо в журнале. Я хочу знать: есть ли у меня единомышленники?

Таня Машинская, 11 лет, г. Новосибирск.

ОТ «ЗЕЛЕНОЙ КАРЕТЫ»

Ребята! Разделяете ли вы точку зрения Тани? Как вы относитесь к зоопаркам? Стоит ли содержать зверей в неволе? В каком состоянии зоопарк в вашем городе? Что вы делаете для того, чтобы он стал лучше? ЖДЕМ ВАШИХ ОТКЛИКОВ!

ВСЕМ, КТО ПИШЕТ В «ЗЕЛЕНУЮ КАРЕТУ»! НЕ ЗАБЫВАЙТЕ НА КОНВЕРТЕ ПИСАТЬ: «ЗЕЛЕНАЯ КАРЕТА».

«ЗАГАДКИ НА МОНЕТАХ»

Викторина, составленная по материалам коллекции М. С. Галицына

И впрямь, читатели, вы видите не совсем привычные для нашей повседневной жизни монеты! Во-первых, они из разных стран. Во-вторых, на них изображены птицы, рыбы и звери. В-третьих, многие из них сейчас можно найти только в коллекциях, а не в кошельках.

Ну, что ж... Коллекционер Михаил Сергеевич Галицын предлагает вам ответить на вопросы новой викторины «Зеленой кареты»:

1. **Монеты каких стран вы видите?**
2. **Какие звери, рыбы и птицы изображены на них? Назовите.**
3. **Как вы думаете, почему именно эти звери, рыбы и птицы попали на монеты? Почему они заслужили такую честь?**
4. **Напишите десять рассказов (стихотворений, сказок, басен — кому какой жанр больше всего нравится) о «героях» представленных монет.**

Лучшие произведения напечатаем. Первым пяти победителям отправим призы и грамоты. Викторина продлится до 30 апреля этого года. Спешите!

На конверте напишите: «Загадки на монетах».

ЗЕЛ СВЯЗИ

О викторинах, вере в победу и подгоревших котлетах

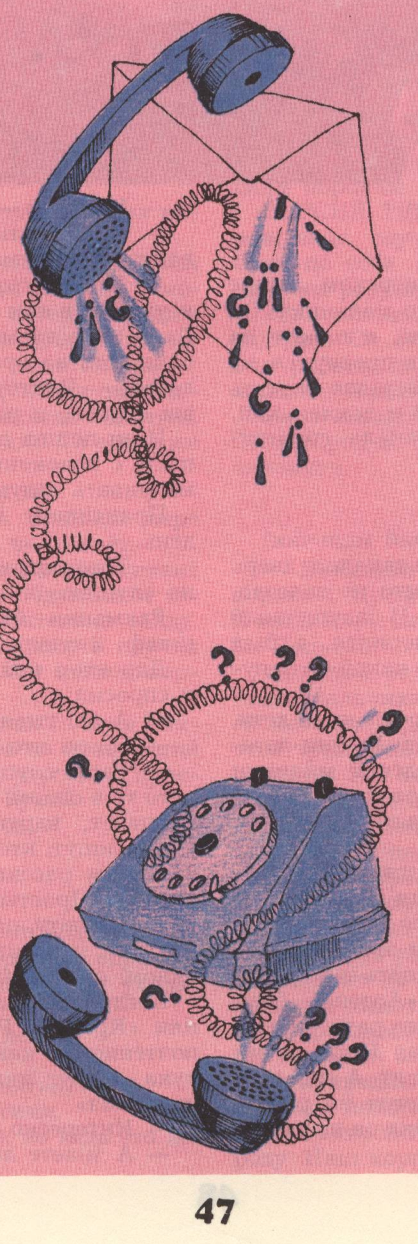
«Здравствуйте, уважаемый товарищ редактор! ***Пишут Вам друзья Алексея Веретенникова.*** ***Мы сначала не поняли, почему Алексей ходит хмурый, как туча. Потом он нам все рассказал. Но прежде... По физике у нас была контрольная, и он решал ее весь урок, хотя обычно Алексей тратит на нее минут двадцать — тридцать. На алгебре у доски запутался при счете, а на химии сделал неправильно опыт. Дома у него подгорели котлеты. В общем, все в этот день у Алексея было из рук вон плохо. Он рассказал, что, несмотря на опоздание, альбом его рассмотрен, но поскольку он не смог найти исчерпывающий ответ на один-единственный вопрос, то он не попал в число победителей. А ведь он побывал во всех библиотеках города. Нам стало жалко Алексея, и мы подумали: «Что это за редакция, отвергающая многодневный труд человека?» Нам альбом Алексея очень понравился. Мы уверены, что и Вам он пришелся по душе. Не понимаем, что в нем можно сделать лучше, он и так — во!»***

«Здравствуй, редакция журнала «Пионер»! ***Мечтой моей жизни была международная смена в «Артеке». Теперь представьте мое разочарование, когда я получила номер журнала с итогами викторины. Мама и папа говорили мне: «Не трать зря время, не выиграешь». И вот меня нет в списках победителей. Обидно? Еще бы! Исчезла мечта. Нет больше веры в победу. Это не трагедия, но... Никогда больше не буду участвовать в подобных викторинах.***

Тина Романцева,
г. Калининград».

Редкая викторина не приносит нам хотя бы два-три таких письма. Пишут сами участники, пишут их мамы. Иногда звонят. Больше звонят родители. Им все кажется: вот узнают в редакции, что их дочь — многолетняя круглая отличница или что сын — бессменный звеньевой и председатель, и членам жюри сразу станет ясно, кому присудить победу.

Что ж, желание увидеть знакомую, да еще к тому же собственную, фамилию в списке победителей совершенно нормально. Но ведь любая викторина — это состязание. И, направляя ответы в редакцию, вы не только вступаете в единоборство с нелегкими, как вам кажется, вопросами. Вы невольно становитесь соперниками сотен, а иногда и тысяч других любопытных и любознательных, которые тоже мечтают оказаться не последними. И чтобы победить, надо приложить немало сил. Сначала найти правильные ответы. Потом с выдумкой, интересно их оформить. Значит, викторина — это еще и серьезный труд. Правда, не все из вас помнят об этом. И тогда в почте появляются вот такие письма: «Пионер»! Пишу тебе впервые. И сразу же хочу ответить на вопросы-задания... Мы с подругами ходим к ветеранам... Один памятник установлен в Берлине, другой — не знаю где... В эстафете принимали участие ребята из многих стран... Ну, а остальное не знаю... Прошу вас: вышлите мне, пожалуйста, 2 путевки в ГДР: туристическую, если есть, и в пионерлагерь, и 1 путевку в «Артек». Мне помогала моя подруга. Значит, пришлите и ей 3 путевки. Оксана Р., Оренбургская область». Это из почты викторины «Нам этот мир завещано беречь». Наверное, Оксана тоже будет огорчена, когда не найдет себя среди победителей. Но, чтобы рассчитывать на успех, надо хотя бы ответы на все вопросы отыскать.

Сейчас жюри знакомится с работами участников международной викторины, посвященной 45-летию Победы над гитлеровской Германией. Очень разные это работы: есть обыкновенные, есть получше, есть хорошие и очень хорошие, есть замечательные и даже просто великолепные. А есть ли плохие работы? Вероятно, почти нет. Потому что, если в работу вложены труд и старание, если поиск материалов помог вам узнать что-то новое, разве можно такую работу назвать плохой, если она и не очень удачно оформлена? Вместе с вами мы радуемся вашим открытиям.

«В библиотеку ходила чуть ли не каждый день, всех соседей обегала, но все-таки ответила на вопросы. Спасибо! Побольше бы таких викторин! Ведь интересно-то как! Мозгами надо пошевелить»,— написала нам Татьяна Синица из Винницы. Мы согласны с Таней: для того, чтобы можно было «пошевелить мозгами», и придумываются все конкурсы и викторины. И самая главная награда их участникам — не путевки, а новые знания.

А о результатах викторины «Нам этот мир завещано беречь», как и обещали, мы сообщим в майском номере журнала «Пионер».

Н. ТАРАСЕНКО,
редактор отдела
международной жизни.

Рисунок К. ЯСИНСКОЙ

Эдуард УСПЕНСКИЙ

КРАСНАЯ РУКА, ЧЕРНАЯ ПРОСТЫНЯ, ЗЕЛЕНЫЕ ПАЛЬЦЫ

(СТРАШНАЯ ПОВЕСТЬ ДЛЯ БЕССТРАШНЫХ ШКОЛЬНИКОВ)

Рисунки А. ОСТРОМЕНЦКОГО.

ЧП в пионерском лагере

Однажды в конце июля в пионерском лагере под Голицыном нашли задушенного мальчика. Он лег спать, как и все другие ребята, в палате на двадцать два человека. Но утром не проснулся, не побежал на зарядку, как все, а остался лежать в своей кровати в углу, тихенький и дохленький.

Вызвали милицию. Милиция начала спрашивать:

— Кто заходил в палату?

— Кто залезал ночью в окно?

— С кем был в ссоре задушенный мальчик?

Оказалось, что в палату никто не заходил, дверь была заперта на ключ. В окно никто не залезал, так как оно было на втором этаже. И задушенный мальчик ни с кем никогда не ссорился, а был тихий и бесполезный, и еще он был какой-то запуганный.

Все люди на территории, и взрослые и дети, ходили грустные и подавленные. Начальник лагеря говорил следователю зеленгородской милиции капитану Матвеенко испуганным голосом:

— Вы можете надо мной смеяться, но я уверен, что это Красная Рука.

— Кто, кто? — спрашивал хитроглазый и толстый капитан.— Какая еще красная рука?

— А такая, которая прилетает по ночам.

— Никогда не слышал. Глупости это.

— Никакие не глупости. Я двадцать лет работаю начальником лагеря. И в «Артеке» был, и в «Орленке», и еще кое-где. И много раз слышал, что ночью в окно стучится Красная Рука, потом залетает в палату и кого-нибудь душит. А еще есть Черная Простыня. Она набрасывается на ребенка, закутывает и не дает дышать, пока он не умрет. И этого не знаете?

— Не знаю,— ответил Матвеенко.

— А еще есть Зеленые Пальцы. Они защекочивают до смерти...

— Знаете что,— перебил его усатый капитан,— я уже не в том возрасте, чтобы сказки слушать... Да и некогда мне. Но вот у меня сейчас студент один есть на практике. Он юрист, будущий следователь — Виктор Рахманин. Я его к вам подошлю, вы ему все и расскажите. Договорились?

И он пошел дальше заниматься делом: снимать пыль с подоконников, спрашивать свидетелей, осматривать задушенного мальчика.

Практикант Рахманин явился на следующий день.

— Товарищ начальник, я вас очень внимательно слушаю.

Рахманин был высок ростом, плечист, как шкаф, и очень легок в движениях.

Директор походил по своему летнему кабинету и спросил:

— А вы смеяться надо мной не будете?

— Ни за что. Ни при каких обстоятельствах.

— Тогда слушайте. Это случается почти каждое лето то в одном, то в другом лагере. Вдруг мальчик пропадет, вдруг найдут девочку без дыхания. Ищут, ищут, кто это сделал, и не находят. А ребята потом рассказывают, что над лагерем летала Черная Простыня, что она пыталась пролезть в одну палату, потом в другую, но ее спугнули. Или говорят, что видели Красную Руку, летавшую за окном, она страшная и светится.

Когда начальник говорил «Черная Простыня» или «Красная Рука», он произносил эти слова с почтением, как если бы говорил «Верная рука — друг индейцев» или, например, «Соколиный глаз».

— Интересно,— сказал Рахманин.

— А знаете ли вы историю про Красное Пече-

нье? Или про Красное Копыто? Или про Гроб на Колесиках и Хозяина Кладбища?

— Никогда не слышал эти прелестные истории.

— Не очень-то они прелестные,— грустно отметил начальник.— И как мне кажется, все они из одного чемодана.

— Расскажите хотя бы одну,— попросил Рахманин.

— Пожалуйста. Какую?

— Про Гроб на Колесиках.

— Хорошо, слушайте. Жила-была девочка у мамы. Однажды она осталась одна. И вдруг по радио передают: «Девочка, девочка, Гроб на Колесиках выехал с кладбища, твою улицу ищет. Прячься». Девочка испугалась, не знает, что делать. Мечется по квартире, хочет маме по телефону позвонить. А в телефон говорят: «Девочка, девочка, Гроб на Колесиках нашел твою улицу, он твой дом ищет». Девочка пугается страшно, все замки запирает, но из дома не убегает. Дрожит. Радио снова передает: «Девочка, девочка, Гроб на Колесиках твой дом нашел. В квартиру едет...» И так далее. Короче, когда мама домой приходит, она находит девочку неживой. Только во рту одно колесико какое-то... Как вам это нравится?

— Мне это совсем не нравится,— сказал Витя Рахманин.

— А вы верите в то, что я рассказываю?

— Конечно,— ответил Рахманин.— Есть такое правило: во время следствия верить всему, что говорят, а потом надо проверять факты. Только вы об этих историях больше никому ни слова, чтобы нам с вами однажды не проснуться с колесиками во рту.

— Или с рукой на шее,— шепотом добавил начальник.

— Послушайте,— спросил Рахманин,— но если Красная Рука светится, ее же люди должны замечать. Сколько людей ночью по лагерю бродит: и сторожа, и вожатые, и ребята, которым в туалет приспичило. Вон и собаки есть у вас в лагере.

— Я и сам об этом думал,— сказал начальник.— Может быть, эта рука не всегда светится, а только тогда, когда на дело выходит. То есть уже у самого окна.

— А она при этом не раскаляется?

— Не знаю. Кажется, нет. По крайней мере ожогов на шее у жертвы обычно не бывает.

— Ладно,— сказал следователь-практикант Рахманин.— Я должен сперва все обдумать и составить план. Завтра я к вам обязательно зайду. Мы с вами нанесем на карту все такие случаи и узнаем, где эти силы гнездятся. И у меня наверняка возникнут новые вопросы.

Новые вопросы не возникли. Когда Виктор Рахманин пришел в пионерский лагерь на следующий день, ему сказали, что начальник утром не проснулся. Он был задушен Красной Рукой.

Дети и родители покидали лагерь.

Первые шаги Рахманина

Рахманин пулей полетел в зеленгородскую милицию к капитану Матвеенко. С порога он спросил:

— Что мне теперь делать? Какие будут указания?

— Такие же. Заниматься этим делом.

Капитан уже все знал.

— Красной Рукой, товарищ капитан?

— И Черной Простыней, и другими.

— Товарищ Анатолий Петрович, но ведь это же бред!

— Для обычного сотрудника милиции это бред,— согласился хитроглазый капитан,— а для студента-практиканта это замечательная возможность проверить сумасбродную идею, фантастическую версию. Так что действуйте, проверяйте.

«Один уже допроверялся! — хмуро подумал Рахманин.— Получил Гроб на Колесиках!»

Он на секунду представил себя самого всего в цветах рядом с начальником лагеря. Но спорить и отказываться не стал. Он вышел на залитый солнцем двор зеленгородской милиции и, меряя его длинными сильными ногами, рассуждал:

«Капитан говорит, что это будет проверка версии, а версии-то у меня и нет. Сначала надо ее составить. Итак, чья это рука?.. Чьи это пальцы?.. И кому принадлежит эта чертова простыня?»

Он шагал, шагал и шагал. После того как он прошагал по двору по крайней мере от Зеленгорода до Наро-Фоминска, у него возникло несколько версий. Точнее говоря, три.

ВЕРСИЯ ПЕРВАЯ. Красная Рука, Черная Простыня и Зеленые Пальцы — это пришельцы из космоса. Может быть, роботы, может быть, инопланетные существа. Они убивают детей либо из научных целей, либо из военных, либо из энергетических.

ВЕРСИЯ ВТОРАЯ. Эти существа — представители дьявольских сил. Так сказать, руки Дьявола, Фантомаса. Они убивают детей из соображений религиозных. Допустим, будущих праведников, будущих крупных деятелей церкви, которые могут нанести большой урон дьявольщине, человеческим порокам.

ВЕРСИЯ ТРЕТЬЯ. Это какое-то случайное порождение, случайные сгустки материи, живущие сами по себе. Каприз природы, наделенный случайным разумом и случайными задачами.

«Так или иначе перво-наперво надо собрать статистику. Со статистики начинается любая научная работа, любая научная статья, любая маломальски серьезная диссертация».

На этом поход Зеленгород — Наро-Фоминск — Зеленгород по двору зеленгородской милиции был закончен.

Сбор сведений

— Внимание! Внимание! В эфире «Пионерская зорька»! Продолжаем нашу передачу. Переходим к вашим письмам, ребята. Ребята из города Юрьева-Польского прислали нам такое письмо:

«Дорогая редакция! В день сбора металлолома наши мальчики собрали огромное количество этого металла, чрезвычайно нужного стране. И весь этот чрезвычайно нужный металл уже два месяца ржавеет на площадке перед школой. Уже два младшеклассника подвернули на нем ноги, и туда постоянно закатываются шарики от пинг-понга. Просим нам помочь». Так вот, наш корреспондент побывал в Юрьеве-Польском и сам увидел эту картину. Представители Вторчермета города объяснили, что металл в основном состоит из крупногабаритных труб увеличенной длины — 20 метров. Что Вторчермет не имеет транспортных средств, позволяющих отвезти эти ценные изделия на переплавку. Спрашивается, откуда же в городе появились эти трубы? А вот откуда. В Юрьев-Польский проводили природный газ, и труб завезли намного больше, чем полагалось. Недобросовестные строители разбросали лишние трубы и обрезки по всему городу. Наш корреспондент позвонил в соседний го-

род Симу (кстати, в этом городе находится могила великого русского полководца Багратиона), и председатель горсовета товарищ Куксов сказал, что немедленно заберет все до одной трубы, так как они совершенно необходимы для газификации Симы. А взамен пришлет ребятам из Юрьева-Польского компьютер «Роботрон», изготовленный в Германской Демократической Республике. Переходим к следующему письму. Нам пишут мальчики и девочки из средней школы села Лыченцы Переславского района. «Мы еще в пятом классе завели на пришкольном участке корову. А сейчас мы заканчиваем школу и хотели передать корову ребятам из девятого класса. Они говорят: «Не надо нам вашей коровы». Как нам быть?» Отвечаем. Дорогие ребята, когда вы заводили корову, вы были совсем маленькими. И вам было интересно самим выращивать такое ответственное животное. У ребят из девятого класса, наверное, сложились свои, другие интересы. Попробуйте предложить вашу корову младшеклассникам. Нам кажется, они с удовольствием за нее возьмутся. А если они откажутся, передайте, пожалуйста, вашу корову Кирекшанскому детскому дому. Мы уже говорили по телефону с директором этого дома Александром Павловичем Молоко, он говорит: «Давайте». Так что давайте, ребята... И последнее, третье письмо. Пишет нам Рахман Викторов. Его письмо оказалось настолько неожиданным для нас, что мы долго не решались передать его в эфир. «Дорогая редакция! В нашем пионерском лагере было страшное событие — на нас напала Красная Рука. Она задушила одного мальчика. А на другой день она задушила начальника лагеря, и ее не поймали и не наказали. А в соседний лагерь прилетала Черная Простыня и задушила там другого мальчика до смерти. Скажите, а к вам прилетала Красная Рука? И если она задушила кого-нибудь, дайте его адрес. Давайте делиться опытом». Дорогие ребята, что можно ответить Рахману Викторову? Прилетал ли к вам кто-нибудь? Напишите нам, а мы передадим письма этому любознательному мальчику, пусть он успокоится.

Но успокоиться «любознательному мальчику» не пришлось. Письма, которые передали Виктору Рахманину из редакции, отнюдь не напоминали успокоительные таблетки.

Письма, пришедшие в «Пионерскую зорьку»

«Дорогая «Пионерская зорька»! Ты спрашиваешь, прилетал ли кто к нам в лагерь и душил ли кого-нибудь? Я должен тебя огорчить — к нам в лагерь никто не прилетал и никого не душил. К нам только приезжал писатель Ляпин, и нам сказали: «Кто будет себя плохо вести, останется на встречу с писателем. Твой постоянный друг — Андрей Качев. Немного о себе. Я учусь в седьмом классе. До свидания».

«Дорогая редакция, ты спрашиваешь: была ли у нас Красная Рука. Да, была и не одна. Мы были в пионерском лагере под Вышним Волочком около кладбища. Мы ночью спали, а один мальчик как закричит. И мы увидели, что над ним летала Красная Рука. Она светилась. Мы все тоже закричали. Рука подлетела к форточке и убежала. С ней был маленький ручонок. На другой день мы позвали спать в палату вожатого, и Рука больше не прилетала. Твой постоянный слушатель Саша Шпеер. Город Торжок.

А еще над нашим городом видели летающий Желтый Глаз».

«Здравствуй, «Пионерская зорька»! Я живу хорошо. Ты спрашиваешь, не прилетала ли к нам Красная Рука. Я про нее ничего не знаю. Лучше я тебе расскажу про Красное Пятно. У нас в городе одна семья получила новую квартиру. А там было красное пятно на стене. Его не успели замазать. И вот утром девочка видит, что мама ее умерла. А пятно стало еще ярче. На другой день ночью девочка спит и чувствует, что ей очень страшно. И вдруг она видит, что из красного пятна высовывается рука и тянется к ней. Девочка испугалась, написала записку и умерла. Потом пришла милиция и ничего не нашла. Один милиционер выстрелил в красное пятно, и оно пропало. А потом милиционер пришел домой и видит, что у него над кроватью на стене появилось красное пятно. Он ночью спит и чувствует, что кто-то хочет его задушить. Он стал стрелять. Прибежали соседи. Видят, милиционер лежит задушенный и никакого пятна нет».

Практикант Рахманин подумал в этом месте: «Ничего себе, вот и милиционер доигрался. Кстати, а нам на практике положено выдавать пистолеты? Мы ведь тоже милиция».

Он стал читать дальше:

«Так что, дорогая редакция, присылай к нам корреспондента. У нас весь город об этом знает. Вы все запишете на магнитофон, и это будет интересно всем ребятам. Я — Леша Яковлев из г. Покровска».

Следующее письмо было про Красное Печенье.

«Дорогая «Пионерская зорька», мы хотим рассказать тебе про Красное Печенье. Нам очень страшно про это рассказывать, но сейчас день, и мы в это не очень-то верим.

У одних девочек была мама, а папы не было. И к маме часто приходили гости. Они с мамой веселились всю ночь и уходили. А дети ничего этого не помнили, потому что им вечером мама давала Красное Печенье, и они все забывали. И еще у них было пианино красное.

Однажды они играли на пианино, нажали кнопочку, пианино отъехало и открылся ход. Дети туда спустились, там был подвал со светом, и там сидели дядьки без голов, и Красное Печенье делали из их мозгов. И тогда все забывалось. Дети позвали милицию, и она всех арестовала.

Дорогая «Пионерская зорька», расскажите об этом по радио, чтобы ребята не боялись. Мы не знаем, в каком городе это было. Пожалуйста, не называйте наши фамилии по радио: Муравьев Алик, Сердюкова Оля, Маслова Валя и Глазырина Катя».

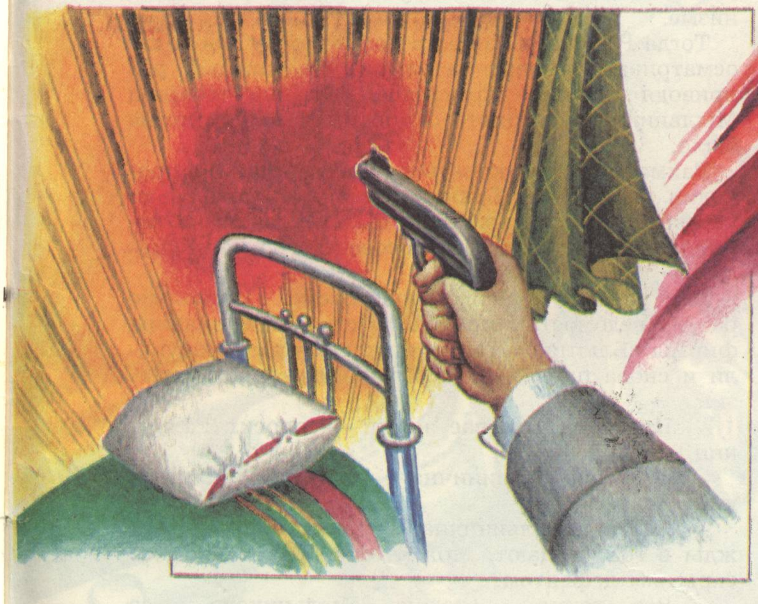
Было и такое письмо:

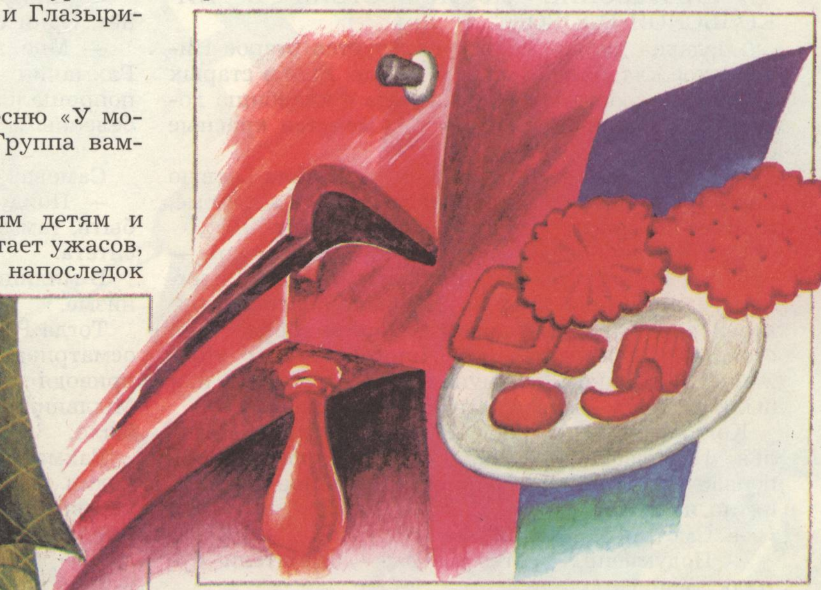
«Дорогая редакция!

Исполни для нас нашу любимую песню «У московских студентов горячая кровь». Группа вампиров».

И такое:

«Зачем вы морочите голову нашим детям и только пугаете их. В наш век и так хватает ужасов, всяких нитратов и радиаций. А напоследок

я скажу, только не для детей, а передайте это ученым. Что у нас в городе очень часто видели голову Зеленого Козла. Она заглядывала в окна. Она размером с корыто. Но некоторые утверждают, что это не голова Зеленого Козла, а летающий Зеленый Череп. Если ученые заинтересуются, я укажу людей, которые точно это видение видели.

Уполномоченный райкома на пенсии Куценков Андрей Андреевич. Город Лихославль».

В последнем письме рассказывалась история о Стеклянной Кукле, которая водила девочку — свою хозяйку в подземный город и грозилась девочку убить. Но письмо было написано таким дурным и кривым почерком, что, кроме отдельных слов и полупредложений, выудить оттуда ничего было нельзя. «Продавцы сказ..., что это образец... Девоч... несколько дней просила... Куклу... принесли... Она вышла из шкафа... Большая... (Целых три корявых и непонятных строки.) Запасные части из де... (То ли запасные части из дерева, то ли из детей?) Девочка испугалась... умерла к...ла не разбилась... Исчезла». По штампу Рахманин понял, что письмо из Калининской области.

Со всеми этими письмами Рахманин пришел к капитану Матвеенко.

— Вот посмотрите. Кажется, все проясняется.

Капитан прочитал письма, что-то в них подчеркивая карандашом, и сказал:

— Боюсь, наоборот, кажется, все затуманивается. Что бы ты хотел бы предпринять?

— Командируйте меня в Покровск.

— А что мне написать в командировке? — спросил Матвеенко.— «Командируется для задержания Красной Руки»?

— А почему бы и нет?

— Потому что меня и так за ненормального держат,— сказал капитан.— Меня только высокий процент раскрываемости и спасает. Не хватало мне теперь дело против Красной Руки возбудить... По подозрению в убийстве. Ладно. Мы по-другому сделаем. Там комиссионный магазин есть. Вот мы и пошлем тебя посмотреть, не проходил ли по их бумагам серебряный самовар из имения Апраксиных. Мы его уже полгода разыскиваем. Понял?

— Уразумел.

— Вот и поезжай.

«Покровская правда»

В Покровске Рахманин первым делом зашел в местную газету.

— Кто у вас тут заведует отделом происшествий?

— Никто.

— А молодежным отделом?

— У нас такого отдела нет.

— А с кем можно поговорить из начальства?

— С ответственным секретарем, с Катериной

Ивановной. Вы ее знаете? — сказала рыжая девочка-машинистка.— Ее фамилия Варич.

Катерина Ивановна очень обрадовалась москвичу и сразу сказала:

— Зовите меня просто Катя! — Хотя ей было заметно ближе к пятидесяти, чем к тридцати.

Рахманин показал ей письмо в «Пионерскую зорьку» и спросил:

— Что вы об этом скажете?

— Да... у нас весь город об этом говорит. Мы даже заметку об этой истории приготовили.

— Напечатали?

— Нет,— ответила Катя Варич,— секретарь райкома запретил, Иванцов.

— Почему?

— Он сказал: «У нас с картошкой в этом году скандал, нам только еще Красного Пятна не хватало».

— А что, большой скандал с картошкой?

— Обыкновенный. Никакой картошки.

— Можно заметку прочитать?

— Если я найду. Только особенно об этом не распространяйтесь.

Она порылась в ящиках стола и протянула Рахманину гранки. Рахманин с интересом начал читать.

«ТРАГИЧЕСКИЕ ПРОИСШЕСТВИЯ В НИКОЛЬСКОЙ СЛОБОДЕ.

Издавна дурной славой пользуется старое Никольское кладбище в нашем городе. Еще в старых летописях сообщалось, что иногда с кладбища доносятся страшные крики, и там мечутся красные огни.

Недавно семья Крючковых получила новую квартиру в Никольской слободе. В старом доме, в доме, перенесшем капитальный ремонт.

Семья Крючковых состояла из мужа и жены — рабочих Большехима. Причем муж был начальником участка микропленки. Это была обычная трудовая семья, каких тысячи в нашем городе. Они стояли в очереди на жилье много лет, а до этого жили в обычном коммунальном бараке. У них были девочка Люся и сын Вася десяти лет.

Когда семья переехала в новое жилище, Наталья Николаевна — жена семьи Крючковых — первая обратила внимание на большое красное пятно на стене.

— Смотри! — сказал она мужу.

— Подумаешь,— ответил он,— строители бутылку вина пролили.

Но однажды утром через несколько дней Николая Николаевича нашли на кровати убитым. Он был мертв и чрезвычайно бледен. А пятно на стене стало еще ярче.

Многие утверждали, что он пил каждый день неизвестно что, и это свело его в могилу. Но чего не скажут злые языки про человека, который работает на большом химическом предприятии и имеет доступ к спирту.

Девочка Люся рассказывала, что видела, как ночью из красного пятна высунулась рука и долго думала, кого бы задушить. Потом напала на главу семьи.

Через некоторое время та же судьба постигла мать двух сирот. Сын Вася говорил соседям:

— Мама и папа часто пили по вечерам и шатались. Однажды ночью из красного пятна высунулась красная рука и стала трясти маму. Наутро она умерла. Я очень боюсь красного пятна.

Пятно, по утверждению соседей, с этого дня стало еще ярче.

Через некоторое время это пятно перекочевало в квартиру следственного работника Василенко, который проводил осмотр квартиры Крючковых. А еще через некоторое время он тоже трагически погиб в своей постели. После его гибели пятно исчезло. Соседи утверждали, что видели красную руку, вылетавшую из его окна.

Хотелось бы, чтобы представители науки и милиции занялись этими чрезвычайными происшествиями, которые буквально потрясли наш город.

Дети помещены в Кирекшанский детский дом».

— А что еще об этом говорят? — спросил Рахманин Катю Варич.

— Что это Пятно не оставляет в живых никого, кто его видел. Что оно выпивает всю кровь. Что там, где бывает Пятно, всегда видят Зеленого Человека.

— Какого еще Зеленого Человека?

— Такого, как тень. В общем, всякую чертовщину говорят.

— А где это ваше Никольское кладбище?

— Прямо против Большехима. Его собираются сносить.

— А где у вас городская милиция?

— От нас через два дома налево.

— Спасибо,— сказал Рахманин.— И последний вопрос: где здесь комиссионный магазин?

— Он чуть дальше милиции. Только там ничего нет. Одни старые самовары.

— Мне как раз самовары и нужны,— сказал Рахманин, уложил гранки в записную книжку, попрощался и вышел на узкую, сверкающую побеленными домами главную улицу.

Самовар волновал его только для проформы.

— Пойду в милицию,— решил он.— Может быть, там кто-нибудь есть из Московского университета.

В милиции не было ни души — как при коммунизме.

Тогда Рахманин зашел в комиссионку. Он долго осматривал самовар за самоваром, каждый раз приводя в ужас директрису магазина товарищ Мыльникову. Искомого самовара даже близко не было.

Рахманин начал копаться в документах: не проходил ли где серебряный самовар Фаберже из усадьбы Апраксиных. Дело было затяжное и неприятное. Он сидел и добросовестно изучал бумаги.

Его удивило одно обстоятельство. Несколько раз по ведомостям проходило старинное пианино фирмы «Блютнер». Почти каждый год его покупали и снова продавали через комиссионный магазин.

— Простите, как вас зовут? — спросил Рахманин.

— Светлана Ильинична,— ответила Мыльникова.

— Светлана Ильинична, а что это пианино дважды в год продают? Может, оно бракованное, со скрытым дефектом?

— Вот точно,— сказала Мыльникова,— со скрытым дефектом. В какой дом ни попадет, одни неприятности приносит.

— А где оно сейчас? Не в магазине случайно? Можно на него взглянуть?

— Славу богу, сгорело... вместе с Дворцом культуры.

— А какие же неприятности оно приносило?

— Да какие хочешь! Купил его председатель горсовета Дикой, через месяц у него сына за торговлю иконами посадили.

Рахманин только подивился связи между этими совершенно отличными событиями.

— А потом и его самого сняли,— продолжала Светлана Ильинична.— Купила его Перевертова из Потребкооперации, так на нее письмо пришло из Владимира, что она половину товаров на рынке налево продает. Посадили. Как вам это нравится?

— Мне это никак не нравится,— ответил Рахманин, чтобы поддержать разговор, хотя в глубине души он явно одобрял действия пианино. Чем больше жуликов будет посажено, тем лучше. «Этому бы пианино,— подумал он,— впору погоны приделать и звание давать. Например, пианин-лейтенант».

Но, оказывается, пианино доставляло неприятности не только социально недостойным людям, но и честным.

— Начальник милиции его купил — Селезнев,— продолжала Мыльникова.— Так он в аварию попал. А уж такой был человек хороший.

— Не думаю,— возразил Рахманин.— Откуда у хорошего человека деньги на старинное пианино? У честного человека и оклад честный — небольшой.

— Да к тому времени это пианино копейки стоило! Его никто брать не хотел! Оно у нас в магазине в последний раз трижды уценялось. А наша сторожиха тетя Поля без пол-литра на ночь ни за что оставаться не хотела при этом пианино, пока мы его не продали.

— Это-то почему?

— Потому что на нем по ночам Белые Перчатки музыку играли.

— Какие Белые Перчатки? — удивился Рахманин.— Откуда они взялись?

— Поди узнай,— сказала Мыльникова.— То ли в окно прилетали, то ли внутрях прятались. Только играли старинную музыку, в основном траурную... Какую-то черную музыку.

— Странно,— произнес Рахманин.

— Конечно, странно,— согласилась Мыльникова. Ей безусловно нравилось, что милиционер-практикант отошел от самоварно-торговой темы на суеверно-бытовую.

— Уж после Селезнева-то это пианино вообще отказались покупать. Вот его по безналичному расчету и продали во Дворец культуры.

Рахманин подивился такому странному обстоятельству: продаже товаров по безналичному расчету через комиссионный магазин. Но вникать не стал, не за этим приехал. Если уж это социально-разоблачительное пианино не стало карать Мыльникову, зачем Рахманину вмешиваться в ее безналично-комиссионные дела.

Он поблагодарил директрису и пошел в милицию отмечать командировку.

В милиции уже гудел народ. Дежурный лейтенант Малинниченко отметил ему прибытие и спросил:

— Надолго?

— Не знаю. Как получится. Скажите, а есть тут у вас кто из Московского университета.

— Я из Московского университета.

— Как тебя зовут?

— Валерий.

— А меня Виктор. Слушай, что ты об этом думаешь? — Он протянул Малинниченко гранки и письмо в «Пионерскую зорьку».

Малинниченко обстоятельно, как все милицейские, стал читать. Прочитал, еще раз пробежал глазами и сказал:

— По-моему, ерунда. Я в детстве много слышал таких баек. Красная Рука, Черная Простыня... Сейчас еще Летающий Шприц появился... наркоманов убивает. Люди по своей темноте верят во что угодно.

— А ты по своей темноте ни во что не веришь! — раздался вдруг еще один голос. Оказалось, что в дежурке был еще один милиционер. Он был толст, но не противной такой толстотой, а младенческой, пухловатой. И еще он был черняв и ироничен.

— Я тоже из Московского университета. Дайте мне почитать, что вы ему давали.

Он внимательно прочитал заметку и письмо и сказал:

— А я в это верю. Смотрите,— он показал на карту города, висевшую над головой дежурного,— вот имение Осиповых около Никольского кладбища. Отсюда вся нечисть и идет. И, между прочим, фамилия Ваньки Каина была Иван Осипов Каин.

— А кто это такой? — спросил Малинниченко.

— Мне кажется, ты не Московский университет кончал, а Тмутараканский. Как же можно Ваньки Каина не знать? — улыбнулся толстяк.

— А ты знаешь? — спросил Малинниченко у Рахманина.

— Знаю. Был такой вор и убийца при Екатерине Второй. Потом он в полиции служил. Так сказать, создатель отечественной мафии.

— Все верно. И если это имение поставляло таких страшных людей, как он, какие сегодня оно будет поставлять привидения!

— Вы утверждаете, что это привидения? — спросил Рахманин толстого лейтенанта.

— Я ничего не утверждаю,— ответил тот.— Я только знаю, что все это не пустые разговоры. И ни в одном городе это не встречается в таких количествах, как у нас. Кроме, пожалуй, Торжка.

Рахманин подумал, что этот парень мог бы здорово помочь, если бы его удалось в это дело вовлечь. Но еще он подумал, что чем меньше людей знает о его расследовании, тем лучше. Он пожал руки милиционерам и отправился в гостиницу.

Покровские страсти

Как это ни странно, в покровской гостинице «Покровск» было сколько хочешь свободных мест.

Рахманин так и не знал — оставаться ли ему

здесь или ехать в родной Зеленгород к капитану Матвеенко. Ему уже было о чем рассказать, но все это пока умозрительный рассказ, а действий нет никаких.

Поэтому он взял самое дешевое место в гостинице и отправился исследовать Никольское кладбище. Благо, был день, было солнечно и нестрашно.

В маленьких городах все рядом, и непонятно, почему местные жители так любят пользоваться автобусами. В любое время дня они идут набитые, как дураки, под самую крышу.

До кладбища всего две остановки. Расположено оно было в удивительно красивом месте и оставалось в прекрасном, почти музейном состоянии, в полной сохранности.

Рахманин сначала оглядел пейзаж, спокойный, как седуксен. Непробиваемо спокойный с просторами, далями и рекой. Потом он стал осматривать памятники. Осмотрел склеп Осиповых, напоминающий детскую пирамидку. Массивные черные с золотым письмом надгробия рода Семеновых. Памятник доктору Мокротоварову с двумя медными собаками.

«Удивительно, как это пионеры не сдали их на металлолом,— подумал Рахманин.— Что-то неправильно в местной пионерской организации. Может быть, она с религиозным уклоном?»

Ничего тревожного. Мир и покой. Один только памятник выбивался из общего настроения своим официозом. Это был памятник генералу от инфантерии (действительному тайному советнику) Краснорукову. Плоский широкий камень темно-красного цвета напоминал стол для заседаний.

«Вот он — Хозяин Кладбища»,— подумал Рахманин. Но решил, что искать что-либо жуткое на кладбище в середине солнечного дня бессмысленно.

И тут ему пришло в голову, что можно просто позвонить по телефону капитану Матвеенко. Пусть хитроглазый милицейский интриган — полубюрократ, полумодернист подскажет ему, как быть.

Матвеенко внимательно выслушал практиканта, но ничего не прояснил. Только спросил:

— А те двое детей, Вася и Люся — где они?

— В детском доме в Кирекше.

— Вот и поезжай туда. Можешь?

— Могу. Только у меня денег нет.

— Как-нибудь выкрутись, раз уж взялся,— посоветовал Матвеенко.— Займи у кого-нибудь, а то практику не зачту. Надо версию доводить.

— Как бы она нас не довела,— пробурчал Рахманин, но согласился.— Ладно, попробую.

Он отправился в родную комиссионку.

Светлана Ильинична как увидела его, даже спала со своего огромного лица. Видно, были все-таки в ее магазине нарушения, несмотря на это образцово-показательное пианино.

Виктор протянул ей электробритву «Харьков».

— Это можно продать в вашем магазине?

Светлана Ильинична долго вертела бритву в руках, потом ответила:

— Можно, с трудом.

— А можно сегодня? У меня командировочные кончились.

— Мы деньги через три дня выдаем.

Она мялась, вертела, нюхала бритву, потом сказала:

— Ладно. Я ее сама для мужа куплю. У него еще хуже. Приходите завтра.

Завтра так завтра. Рахманин больше не стал настаивать. Слава богу, что хоть так-то обошлось. Интересно, сколько за нее дадут?

Он сходил в кино «Верная рука — друг индей-

цев», поужинал в гостиничном буфете и пошел в номер спать. Слава богу, к нему никого не подселили, и он благополучно смотрел в одиночестве телевизор до посинения.

Чем-то ему его номер не нравился. Особенно розовое пятно на противоположной стене. То ли строительный брак, то ли ремонтники бутылку вина пролили.

Утром он получил деньги в комиссионке и потопал на автовокзал. До Кирекши шли автобусы и были билеты. Но вместе с одним студентом они решили добираться на попутках.

Им повезло. Они километров пятьдесят тряслись на трубах по великолепнейшей, в смысле природы, дороге.

Студент чуть не выпал на двух страшенных ухабах (один еще не кончился, а другой уже начался), но Рахманин в последний момент ухватил его за руку и втащил обратно.

Детский дом. Вечер

Вот и Кирекша. Полчаса езды на автобусе, и Рахманин уже стоит у старой березовой аллеи, ведущей в барскую усадьбу.

Вокруг тишина и покой, будто он приехал не в детский дом, а в музей-усадьбу знаменитого писателя разночинца Писемского-Наливайко.

Директор дома по имени Александр Павлович Молоко долго не мог понять, зачем Рахманин приехал. А Рахманин толком и не знал, что говорить.

— Я на милицейской практике. Вот у меня командировка в Покровск. Мы ищем самовар.

— Очень приятно. Только наши дети самоваров не прячут.

— Мы не только самовар ищем. Нас интересуют хищения спирта на Большехиме.

— И спирт наши дети не прячут.

— Это прекрасно. Только у вас есть дети Крючковы Вася и Люся. Я хотел бы с ними поговорить. Их родители погибли от Большехимского спирта.

— Вы уверены, что от Большехимского спирта? — как-то странно, со значением, спросил директор.

— А вы нет? — так же со значением ответил Рахманин.

— Я не думал об этом. У меня своих забот хватает.

Он разрешил Рахманину побеседовать с детьми, только очень осторожно, чтобы зря не тревожить их. И еще он предложил Рахманину выступить перед ребятами. Рассказать им о положении в милиции, о новых способах раскрытия преступлений. Чтобы ребят не привлекала плохая дорожка, а привлекала хорошая.

— Где ваши ребята сейчас? — спросил Рахманин.— Почему такая тишина?

— Наши ребята в поле. Деньги зарабатывают. У них нянь нет.

Пока ребята зарабатывали, Рахманин решил осмотреть усадьбу. Место было просто блеск! Умели раньше выбирать места для детских домов. Невысокие кирпичные стены, за ними залив. Хочешь, лови рыбу. Дальше на полные глаза водный простор.

Само здание двухэтажное, с большими главными окнами и очень маленькими остальными. На втором этаже спальни...

И, конечно, в полукилометре от дома остатки старой церкви и заросшее кустами дворянское кладбище. Уже вечерело, и у Рахманина не было особого желания его исследовать. Он почему-то твердо знал, что среди прочих могил ему встретится могила какого-нибудь Краснорукова-родственника. Но делать было совершенно нечего, Рахманин со слабнущими лучами солнца пошел к зеленому острову — кладбищу.

Это было не такое кладбище, про которое сказано у Пушкина:

Но как же любо мне
Осеннею порой, в вечерней тишине,
В деревне посещать кладбище родовое,
Где дремлют мертвые в торжественном покое,
Где неукрашенным могилам есть простор...

Но тоже хорошее, если можно так сказать про кладбище. Старинные гранитные надгробия были целы. Золото на них не поблекло, и легко можно было прочесть:

«Надворный советник Прохоров Андрей Андреевич.

Житие его было 1801—1887 г.
Примите его с миром!»

И так далее. Было несколько современных могил за бедными металлическими загородочками, но в основном на кладбище могилы были старинные. А вот, что и требовалось доказать:

«Статский советник, губернский предводитель дворянства, Николай Прохорович Красноруков».

«Старый знакомый»,— подумал Рахманин, хотя никогда с Николаем Прохоровичем знаком не был.

Могильная плита этого Красноруков тоже напоминала стол для заседаний, только поменьше. Начинал намечаться вечер, и Рахманин забеспокоился. «Хватит с меня этих похоронных знакомств. Пошли к живым людям».

Живые люди как раз пришли с полевых работ и с любопытством поглядывали на Рахманина. А Рахманин рассматривал их, пытаясь узнать детей Крючковых. Все ребята были бедно одеты и кое-как подстрижены. Сразу было видно, что они небалованны. Но лица у всех без исключения были приятными, глаза живыми.

Их накормили ужином в столовой и объявили, что будет встреча с работником милиции в клубе. Ребята очень обрадовались. Видно, их не очень баловали встречами с интересными людьми.

Рахманин долго рассказывал детям об успехах московской милиции, о разных раскрытиях и поимках. И у всех, в том числе и у него самого, сложилась глубокая уверенность в том, что с наведением порядка у нас в стране полный порядок.

— Есть ли у вас вопросы? — спросил Рахманин в конце выступления.

Ребята долго молчали. Вдруг один мальчик, черный, стриженый, примерно четвертого класса, спросил:

— А знает ли московская милиция про Зеленые Глаза?

— Чего? — оторопел Рахманин.

— Про Зеленые Глаза?

— Да,— сказал другой мальчик.— И про Зеленый Пистолет.

Рахманин честно признался, что московская милиция ничего про Зеленые Глаза не знает.

— Расскажите мне, и я обрадую московскую милицию.

— А вы не боитесь? — спросил четвероклассник.

— Пока нет,— ответил Рахманин.

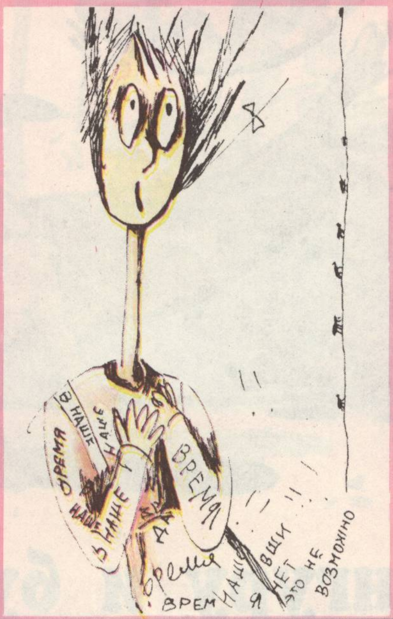
Мальчик стал рассказывать.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

ПРАВДА ЛИ, ЧТО...

«...из пионерских лагерей ребята привозят вшей? Мне девчонки говорили, а я не верю. Чтобы в наше время — такое?!»

Ира Любимова,
г. Каменск-Шахтинский

— К сожалению, такие случаи действительно есть,— ответила нам **главный педиатр Управления лечебно-профилактической помощи матерям и детям Главного управления здравоохранения Мосгорисполкома Вера Григорьевна Пищулина.**— Причем в некоторых городах это заболевание (оно называется педикулез) приняло массовый характер. Особенно быстро распространяется оно в школах, детских садах, пионерских лагерях.

Причины? Самая главная — элементарное несоблюдение правил гигиены. Посмотрите на переменке в школе: пошла по рукам расческа, девчонки меняются заколками, примеривают чужие шапочки... А в пионерском лагере: вы кидаетесь подушками, хватаете чужие полотенца... Почему до сих пор не стало для вас правилом — заколки, расчески, полотенца никому не давать и у других их не брать? Ведь не придет же вам в голову меняться зубными щетками?

Пугаться педикулеза не надо. Но если вы заметили, что заболели,— надо сразу идти к врачу. Врач определит вам лекарство, и, если аккуратно придерживаться советов врача, вылечиться очень просто.

Фотография А. КРУПНИКОВА

НАРОДНЫМ ДЕПУТАТАМ 2000 ГОДА

В стране 83 миллиона детей, почти треть всего населения. И ежегодно шесть тысяч детей умирают от раковых заболеваний.

Каждый десятый школьник страдает аллергическими заболеваниями, и каждый десятый — гипертоник.

Каждый школьник за год болеет острыми респираторными заболеваниями (ОРЗ) в среднем 2 раза.

В 68 городах нашей страны уровень загрязненности воздуха во много раз превышает предельно допустимую норму.

20% всего населения нашей страны живет в зонах экологического бедствия. 35—40% — в экологически неблагополучных условиях.

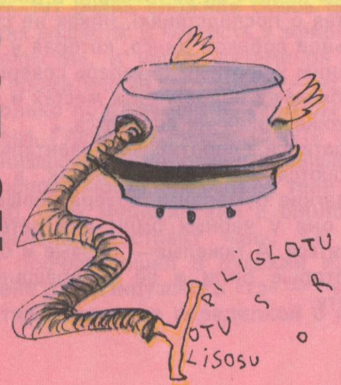
Выбросы вредных веществ в воздух составляют сегодня 1000 млн. тонн ежегодно.

Рисунки Д. ГОНЧАРОВОЙ

ПОДАРОК ПОЛИГЛОТУ

AU ZOO

Guy, en visite au zoo avec sa mère, a réussi à passer sa main à travers une cage et à tirer la queue du lion. Soudain, sa maman s'affole :

— Guy, mon chéri, fais attention : voilà un gardien!

* * *

„Welche Maske soll ich zum Kostümfest aufsetzen?"

„Was heißt hier Maske? Wasch dich mal gründlich, dann erkennt dich bestimmt niemand."

* * *

— Gimmie,— said his mother, — there were too pieces of cake on the plate this morning and now there is only one. How is that?

— I don't know, — answered Gimmie.— It must have been so dark I didn't see the other piece.

Выпуск подготовила Т. ВОЛОШИНА.

Про кенгуру и бумеранг

Когда первые англичане двести с лишком лет назад высадились на побережье только что открытой «Тэрра Аустралис Инкогнита» («Земли Южной Неизвестной») и только-только начали знакомиться с ней, их сразу же поразили невиданные ими дотоле звери размером с добрую собаку, с маленькой головкой, на длиннющих задних лапах, «поджавшие передние ручки»,— как нежно записал помощник капитана, ученый человек. Гигантскими скачками за считанный миг исчезли они в густых зарослях. Никак не могли взять пришельцы в толк, кто же это перед ними: зайцы — не зайцы, волки — не волки, козлы — не козлы...

И когда вдруг выросла перед матросами как из-под земли целая куча совершенно голых, черных, как сажа (но не похожих на негров), бородатых и волосатых людей, то, постояв перед ними некоторое время в совершенном недоумении, англичане, опомнившись, спросили, тыча пальцами в проносившихся мимо прыгуний:

— What is it?

Спросили, конечно, по-английски: языка аборигенов они не знали, считали, что и так понятно, о чем речь. Но черным бородатым как раз это-то и было непонятно. И один из них ответил:

— Я тебя не понимаю!

А звучало сказанное им так:

— Кхэ нго рху.

И повторил еще раз, громче: «КХЭ НГО РХУ!» — чтобы дошло как следует. Моряки зашумели, все вразнобой пытались повторить эти слова. А помощник капитана, ученый человек, так и записал: «КЭНГОРУ».

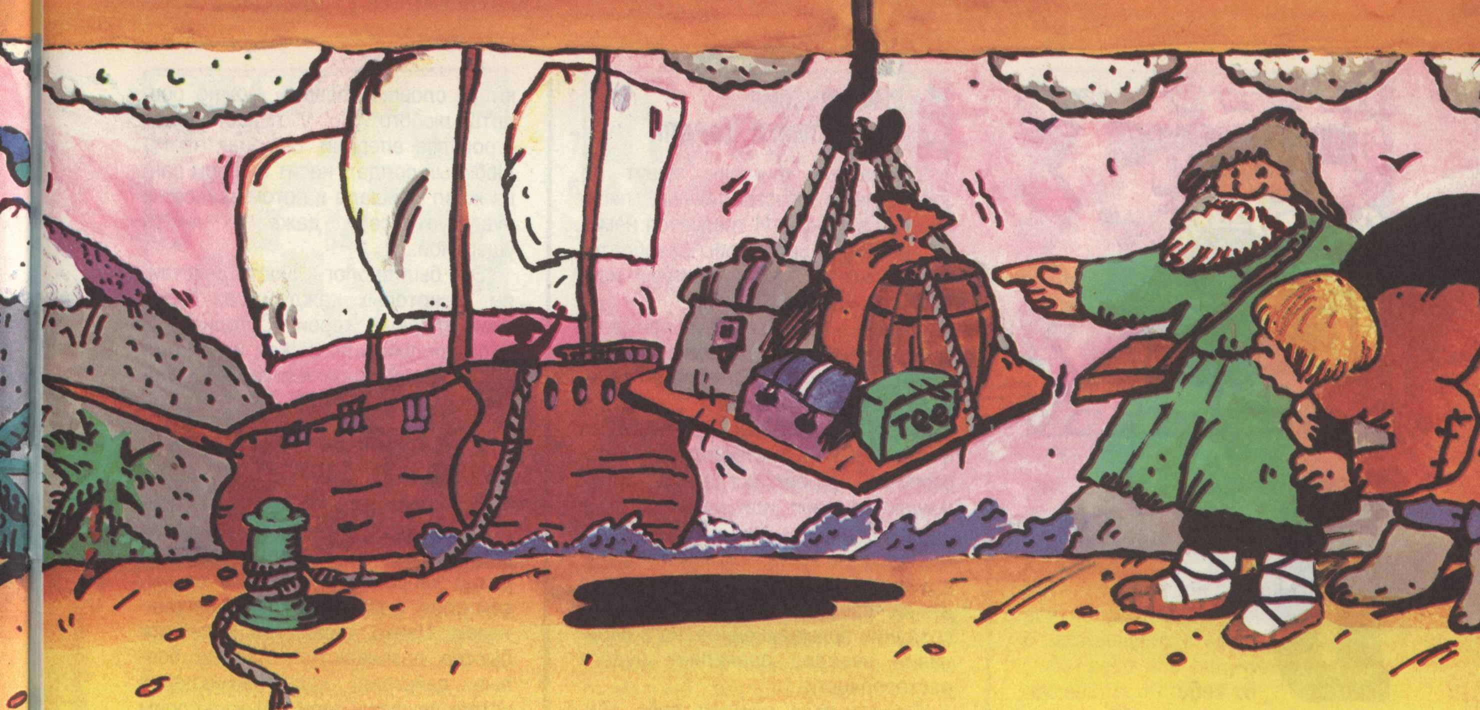
Надоела эта суета черным аборигенам. И когда сбоку показались очередные прыгуньи, из-за которых весь этот сыр-бор разгорелся, выскочил еще один здоровяк, бросился вперед, и с диким криком: «Бгу мге рханг» метнул над головами большую плоскую и довольно толстую доску, похожую на согнутую руку. Та быстро, какими-то рывками пролетела по воздуху и вдруг рухнула на голову одной из длинноногих. Прыгунья упала...

— Бгу мге рханг! — закричали и продолжали кричать все черные. Выражал их крик удивление и возмущение неученостью приплывших сюда путешественников и означал примерно следующее: «Много еще учить вас надо всему!» Неученые же побежали к поверженному зверю, и плоская отполированная согнутая доска с искривленными лопастями переходила из рук в руки. Опять почему-то было много восторгов и еще больше шума. А помощник капитана, ученый человек, записал: «БУМ ЭРАНГ — летающая и убивающая кривая дубинка».

Прошли с той первой встречи годы и века. И волосатых чернокожих осталось в Австралии уже мало. Остатки их загнали в полупустыни, где, влача жалкое существование, они постепенно вымирают. Из более чем 600 имевшихся у них раньше языков 580 уже исчезли. Но и по аналогиям с некоторыми из оставшихся установить значение впервые услышанных европейцами слов можно.

А длинноногим попрыгуньям везде плохо сейчас. И в тесных зоопарках Европы и Америки, где, несмотря на все желание их устроителей, особенно не распрыгаешься. И на родине. Государство ежегодно продает до миллиона лицензий на отстрел беззащитных и безобидных «Я тебя не понимаю». И дело не только во вкусном мясе и отличном, ценящемся модницами всего света легком мехе кенгуру. Представьте: «обнаружили», что кенгуру якобы отнимают траву у многомиллионного стада австралийских мериносов. Вот и гремят, в дополнение к «законным» еще полстолько, а может и столько же ночных браконьерских выстрелов из легких спортивных винтовок на засвеченных фарами тропах. За что же бьют кенгуру владельцы огромных латифундий или городские бездельники? Вот уж действительно — «я тебя не понимаю». Нашли на ком отыгрываться! С кроликами, поедающими четверть австралийской травы, они никак не справятся. С кактусами, разросшимися на лугах и полянах (какой-то любитель привез их из Мексики и посадил перед домом, не думая о последствиях), никак не справятся. И с замечательной собакой динго, которая у черных была полудомашним животным, а теперь совершенно самостоятельна, обитает в недоступных местах и охотится на баранов,— тоже никак не справятся.

Бумеранг же превратился в спортивный инвентарь, им занимаются и увлекаются во многих странах, в том числе у нас. Но это легкие бумеранги, возвращающиеся к ногам кидающих; они у черных были для детей — поиграть, потренироваться. А тяжелые — боевые и охотничьи бумеранги, которые били и не возвращались, похоже, канули в Лету.

«Я не чаю выпить чаю...»

Так говоришь ты, надеясь быстро снять усталость или, например, продрогнув после лыжной прогулки,— и скорее ставишь на плиту чайник... Очень хочется мне рассказать о чае все, что я знаю.

Чай — всего лишь низкорослое деревце-кустарник, только с древней историей. Китайский и ассамский, цейлонский, краснодарский, грузинский, азербайджанский... Большая она — чайная родня. Но само слово «чай» означает всего лишь три крайних листочка на ветке и почку, только это! После сбора с ним еще долго надо повозиться: терпеливо, искусно сушить или вялить. Затем — ферментация, составление смеси чая, фасовка. В результате чай опять-таки оказывается разный: «байховый» (рассыпчатый), плиточный, прессованный. И еще чай бывает: «черный» — («бай-хуа»), «желтый» («сары-су»), «зеленый», («кок-су»), «красный» («колонг»). И все это чай!

Ну-ка, заварим его в фарфоровом чайничке, и, выдержав, разольем по чашкам. С чем и как его пить? В Китае, например, пьют безо всего, а в Англии, Дании, Аргентине — кто с молоком, кто — со сливками, кто — без этого, но всегда — или с сахаром, или с конфетами. У нас в городах во времена Островского пили с сахаром «вприкуску», притом из блюдца, а во многих деревнях и по сию пору пьют «вприкуску». Изящный французский метод — чаепитие с конфетами,— фактически то же питье «вприкуску». В России еще часто кладут в чашку чая ломтик лимона, в Англии же — никогда, и такой чай называют «русским»...

В чем состоит привлекательность чая? Оказывается, тут очень сложная смесь целого букета полезнейших веществ. В нем есть и эфирные масла, и дубильные вещества, и набор витаминов (больше всего — «С»), и ароматичные фитонциды — истребители бактерий. Но только поэтому чай не стал бы все же таким популярным. Главное в чае — то, что он содержит бодрящий, снимающий усталость и повышающий внимание и работоспособность элемент — теин (разновидность кофеина). Этот медицинский и биологический термин, означающий «экстракт чая», т.е. сущность чая, давно и прочно вошел в русский язык. Происходит слово теин от французского «тэ» — «чай», что, как и немецкое «тээ», является переделкой с китайского.

По-английски это же слово произносится примерно как «т'ии».

Ну, а самое обычное, самое привычное слово — «чай», оно откуда пришло и что означало? Почему оно явно иного корня? История этого слова в России, как и самого чая, началась, видимо, в Архангельске, через который еще до постройки Петербурга и шла наша торговля с Европой, главным образом с англичанами. При разгрузке прибывших издалека парусных судов, когда приходила очередь браться и за небольшие ящики,— и купцы, и грузчики, и наши матросы, естественно, спрашивали — что это в ящиках и откуда. Ответ «англян» для русских был, как им казалось, прост и ясен.

— Т'ии,— отвечали «англяне».— Чай-на!

И хоть здорово корежили русский язык «англяне», но чего уж тут было не понять: «Тыы, чай, на!» (т.е. «Ну, ты, это — чай, бери!»).

И уж потом у нас узнали как следует — и что это за груз, и как готовить его. Но слово «чай» так и прилипло, так и пошло гулять. А ведь англичане совсем не то говорили, что было понято. Они говорили о Китае.

Слово «Китай» взято было европейцами с китайского языка: «Хань». И пишется это искореженное «Хань» на всех языках примерно одинаково, звучит же поразному, в зависимости от правила чтения латинских букв в каждом языке: по-немецки звучит «Хина», пофранцузски «Шин» (отсюда «креп де шин» — шелк Китая, «фай де шин» и другие слова), по-английски же — «Чайна». И ответ англичан триста лет назад в Архангельске был действительно исчерпывающе прост: «Чай из Китая!».

М. КРУПНОВ-ДЕНИСОВ.

Рисунки А. СИМОНОВОЙ

Шахматный клуб «Новые Васюки 64»

Вот тебе подарок! — сказал дедушка Остап Бендер, подавая внуку Осе Б. толстую клеенчатую тетрадь.— Благодаря этим записям я стал играть, как бог.

— Откуда она у тебя? — полюбопытствовал Ося, листая потрепанные страницы.— Это же не твой почерк.

— Как-нибудь расскажу историю этой тетради. А сейчас — бери, бери. Не пожалеешь.

Ося Б. открыл первую страницу и прочитал:

Приключения шахматного короля

Шахматные фигурки живут по собственным, составленным лишь для них законам. И требуется немало времени и сил, чтобы разобраться в свойствах каждой фигуры, изучить ее «характер».

Король наделен самыми примечательными качествами, он не очень силен, однако чрезвычайно ценен, ведь с его гибелью игра закончена.

Ферзь, фигура сильнейшая и дальнобойная, стремится к простору и не любит, когда под ногами мешаются свои или чужие легкие фигуры и пешки.

Ладья не горит желанием сразу, в дебюте, врываться в игру, ей тоже нужна свобода маневра. Ладья — создание прямолинейное, но в окончании нередко проявляет чудеса расторопности.

Слон иногда считает себя обиженным, обделенным, ведь он передвигается не по всей доске, а только по половине ее, по клеткам своего цвета. Но, находясь даже в стороне от опасного участка борьбы, он «стреляет» и далеко, и метко, особенно тогда, когда находится рядом со своим коллегой.

Иное дело конь: он изворотлив, хитер, в отличие от своего живого тезки не так быстр и легконог. Раздолье прельщает его далеко не всегда, чаще он предпочитает не прямой путь, а хитроумные лабиринты.

И, наконец, пешка — самое слабое и на первый взгляд самое скромное создание на шахматной доске. Ее даже фигурой не называют, и словом «пешка» можно обидеть любого. Но у пешки перед игрой все впереди, она, как честолюбивый солдат, носит в своем ранце жезл маршала и потому вовсе не чувствует себя даже в чем-то ущербной.

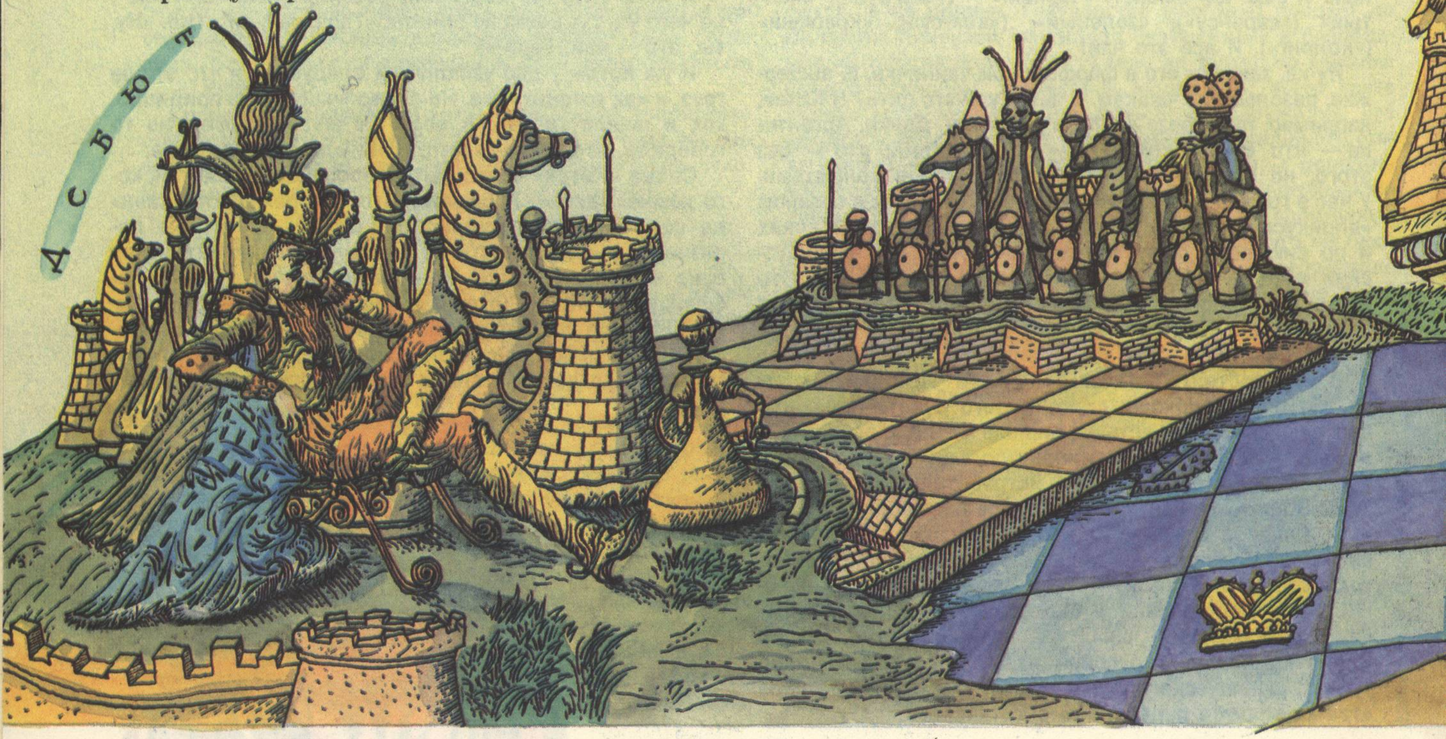
Это был пролог к шести действиям, в которых каждый раз будет свой главный герой. Сегодня эта роль предоставлена, как и положено, самой важной фигуре — **королю.**

В дебюте, или если монарх забудет...

Предводитель шахматного войска любит компанию — в окружении подчиненных он чувствует себя гораздо увереннее, нежели в открытом поле, с глазу на глаз с неприятелем. Центр доски, где в дебюте быстро развиваются главные боевые действия, куда немедленно устремляются и свои, и чужие слоны и кони, является малоподходящим пристанищем для всякого короля. И если монарх забудет об этом, если вдруг он окажется в центре доски и событий, то самые серьезные неприятности ему может преподнести даже пешка.

Это хорошо понимают все современные шахматисты. Впрочем, не было это новостью и «давным-давно». Вот партия, сыгранная в начале XVII века сильнейшим итальянским игроком Джоакино Греко. Оттуда, кстати, к нам пришел и дебют этого поединка — итальянская партия.

1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Cc4 Cc5 4. c3 Фe7 (активнее 4...Kf6) 5. d4 Cb6 6. 0—0 d6 7.Cg5 f6 (и сейчас 7... Kf6

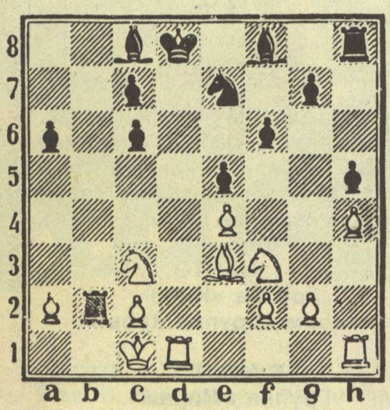

Диаграмма 1

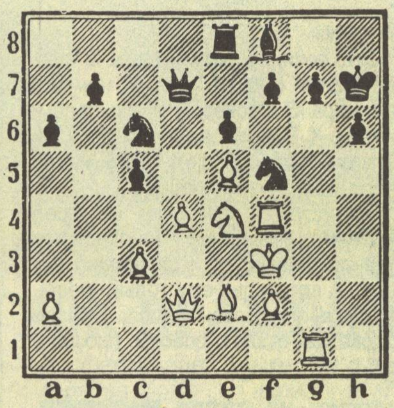

Диаграмма 2

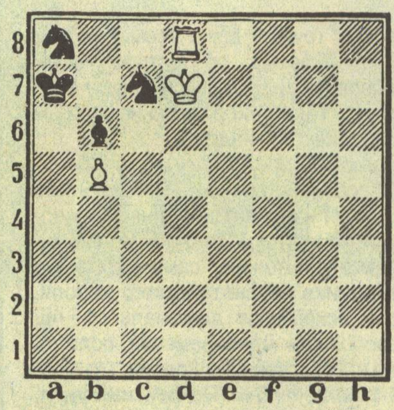

Диаграмма 3

естественнее и лучше) 8. Сh4 g5 (рискованное продолжение, позволяющее белым жертвой коня начать сильнейшую атаку) 9. К:g5 fg 10. Фh5+.

Любопытно, что точно такая же позиция встретилась через 140 лет, в 1759 году в партии знаменитого французского философа и энциклопедиста. Жан-Жак Руссо играл белыми, его противником был принц Конде. Черные сыграли 10...Крf8, после чего начались чрезвычайно интересные осложнения, в которых философ вышел победителем: 11. С:g5 Фg7 12. f4 ed 13. f5! dc+ (снова надежное 13...Кf6) 14. Крh1 cb 15. С:g8 bаФ 16.f6!! Вероятно, принц все-таки неплохо играл в шахматы, так как в этой позиции, несмотря на громадный материальный перевес (ферзь + ладья), он вполне своевременно сдался.

Попробуйте самостоятельно и внимательно разобрать финал этой красивейшей партии, в которой все неприятности черных начались с застрявшего в центре короля...

У Греко все получилось гораздо проще: 10...Крd7 11. С:g5 Фg7 (приходится повторяться, но и сейчас следовало ввести в игру королевского коня — 11... Кf6) 12. Се6+! Кр:е6 13. Фе8 + Кgе7 14. d5×.

Пикантный финал! И вот для того, чтобы их было поменьше, для короля придумали рокировку, с помощью которой он быстро эвакуируется на какой-нибудь фланг, организуя по дороге взаимодействие ладьи с другими фигурами.

А может ли рокировка быть не только защитой, но и нападением? Да, встречаются такие случаи, правда, все-таки довольно редко. Но именно поэтому они особенно поучительны, даже забавны.

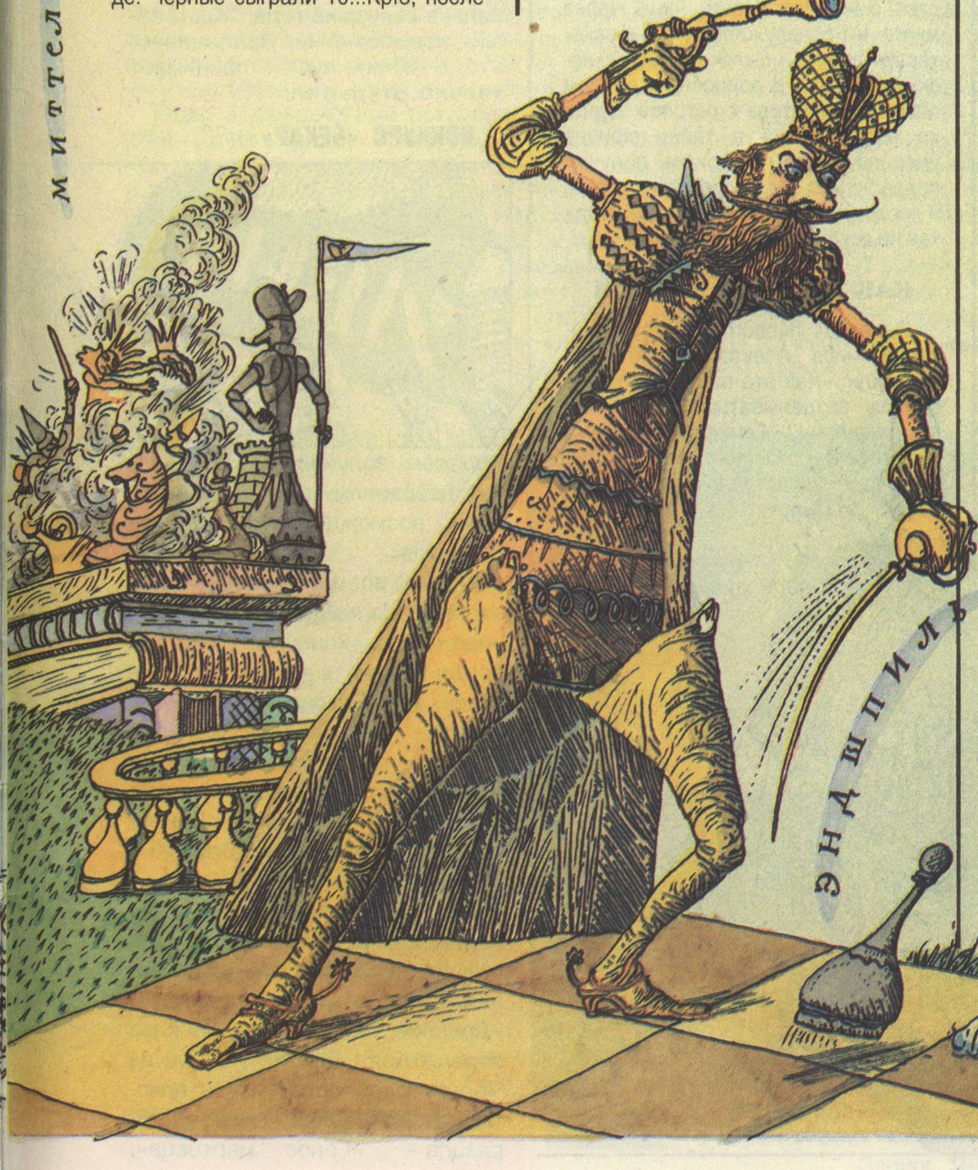
1. е4 е5 2. Кf3 Кс6 3. Сb5 а6 4. Са4 d6 5. С:с6 + bс 6. d4 f6 7. Кс3 Лb8 8. Фd3 Ке7 9. h4 h5 10. Се3 Л:b2 11. dе dе? (решающая ошибка — черные забыли о длинной рокировке противника) 12. Ф:d8+ Кр:d8 13. 0—0—0+.

Диаграмма 1

Редчайший случай — в дебюте король участвует в двойном ударе! Черные сдались, поскольку они теряют ладью.

В СЕРЕДИНЕ ИГРЫ, ИЛИ НЕ СТОИТ ВЫСОВЫВАТЬ НОСА ИЗ ЗАМКА...

Эта стадия шахматной партии для королей ничем не отличается от дебюта. Ему не стоит высовывать носа из своего замка — пусть пока сражаются другие фигуры. Лишь

иногда, точнее, даже весьма редко, король, забыв об осторожности, добровольно врывается в гущу сражения. Такие «королевские» удары запоминаются надолго.

Диаграмма 2

Гроссмейстер Н. Россолимо (1944 г.) начинает комбинацию жертвой качества — 1. Л:f5! Белые не только уничтожают самого главного защитника неприятельского короля, но и вскрывают диагональ c1—h6, освобождая одновременно поле f4 для... собственного короля.

1...ef 2. Ф:h6+!! Эффектный удар, после которого черный король обязан «прогуляться» впереди своего войска, потому что спрятаться в тылу — 2...gh 3.Kf6+Kph8 4. Лg8х — ему не удается.

2...Kp:h6 3. Лh1+Kpg6 4. Kpf4!! Белый король сам идет в бой! Он берет под контроль поле g5 и в то же время открывает диагональ d1—h5 для своего слона. Сейчас грозит 5. Ch5+Kph7 6. C:f7x.

Черные находят пока защиту — 4...Ле6, с тем чтобы в этом варианте сыграть 6...Лh6. Однако расчет белых был точен до самого конца.

5. Лh8!, и черные сдались — от мата (6. Ch5x) спасения нет.

Оба короля были впереди своих сил, но когда двое делают одно и то же, не всегда получается одно и то же...

В ЭНДШПИЛЕ, ИЛИ СУДЬБУ СРАЖЕНИЯ РЕШАЕТ КОРОЛЬ...

Когда непосредственных опасностей становится уже не так много, король сам устремляется в игру и становится «начальником» не только номинально. Забыв о своей ценности, он вспоминает о своей силе. Можно было бы привести сотни окончаний, где судьбу сражения решает король. Ограничимся сейчас лишь одним.

Диаграмма 3

Эта позиция встретилась в легкой партии (1913 г.) между чемпионом мира Э. Ласкером и его преемником. Х. Р. Капабланка, игравший белыми, быстро нашел чрезвычайно элегантный путь к победе.

Попробуйте разгадать замысел знаменитого кубинца. Понятно, что главная роль отводится белому королю. А вот ладья ему только мешает. Впрочем, остановимся... Иначе подсказка станет совсем прозрачной...

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

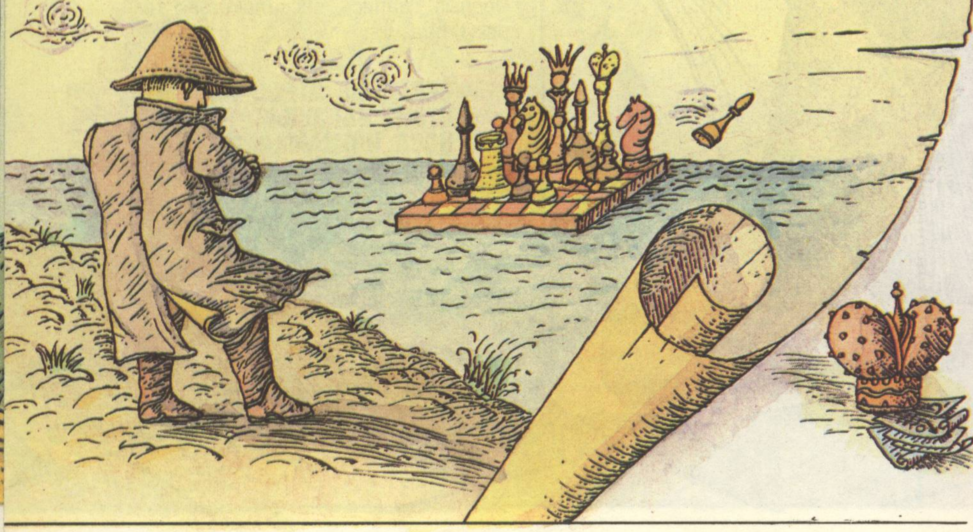
НЕРАЗГАДАННЫЙ ЭТЮД

На Аустерлицкой выставке 1933 года наряду с другими экспонатами, связанными с жизнью Наполеона, демонстрировался комплект шахматных фигур из слоновой кости. Он был прислан опальному императору его соратниками на остров Святой Елены и достался потом в наследство сыну Наполеона. Лишь через много лет обнаружилось, что в некоторые фигуры были вложены лоскутки шелка с подробным планом побега императора с острова. Однако посвященный в тайну офицер умер по дороге. Наполеон получил подарок от постороннего лица, и остроумный шахматный «этюд» так и остался неразгаданным.

КАК ГОВОРИЛ АЛЕХИН

Однажды первого русского чемпиона мира Александра Алехина спросили: «Как это вам удается так быстро разделываться со своими противниками?» Гениальный шахматист ответил: «Очень просто — я на каждом ходу заставляю их мыслить самостоятельно».

Продолжение тетради с загадочной судьбой в № 6.

КЛИП – КЛУБ

ХИТ-ПАРАД ЖУРНАЛА «ПИОНЕР»

Мы разобрали ваши письма за последние месяцы и сегодня можем объявить, какие группы и какие песни оказались самыми популярными. Итак

1 МЕСТО.
Группа «Кино».
Альбом «Группа крови».

2 МЕСТО.
Группа «Мираж».
Песня «Музыка нас связала».

3 МЕСТО.
Группа
«Наутилус Помпилиус».
Песня «Я хочу быть с тобой».

ВНИМАНИЕ!

Мы объявляем новый хит-парад. Его итоги будут опубликованы в середине года. Ждем ваших предложений. Напоминаем, что «Клип-клуб» принимает **только открытки!**

КОНКУРС «БЕКАР»

Раздел получил массу писем с названиями рок-групп, которые, возможно, когда-нибудь появятся.

Наше время, конечно же, отражается на полете фантазии участников конкурса. Немало предложений таких: «Перестройка», «Гласность», «Кооператор», «Спонсор», «Взгляд» и т. д.

Напоминает о себе и недавно показанный телесериал. Группу предлагают назвать «Спрут-3», «Комиссар»...

Некоторые решили взять нас количеством. С. Аскиз (так он подписался) прислал 42 названия. Самое остроумное из них — «Древние люди». Но С. Аскиза перещеголял Даниил Иванов из Челябинской области. Он прислал 188 названий!!! Один из образцов — «Голос мертвеца».

РОК-ПРАЗДНИК

Писать о московском музыкальном фестивале мира, прошедшем летом прошлого года на Большой спортивной арене Лужников, непросто. И вот почему: 1) у нас никогда не проводился такой представительный фестиваль с участием суперзвезд, 2) впервые рок-концерт длился около десяти часов «нон-стоп» (без перерыва), 3) никогда прежде на рок-концерт в СССР не собиралось 70 тысяч поклонников «шумного жанра»...

«Виновники» этого события — Стас Намин и Док Макги. Фестиваль готовили два года. Ведь такое количество аппаратуры не то что перевезти, установить-то целая проблема! А если учесть, какого ранга группы собрались на этот форум, то и эти два года — срок незначительный (как правило, гастрольный график именитого ансамбля расписан на несколько лет вперед). А сколько времени и усилий потребовалось на утверждение и одобрение этого проекта!

Итак, в двухдневном рок-марафоне приняли участие — с их стороны: «Скид Роу» — довольно бойкая молодая группа из Нью-Джерси, выпустившая успешную дебютную пластинку; германские «Скорпионз», широко известные в СССР; английский «дедушка» хэви-металл Оззи Озборн (в жизни он пока что отец троих детей) и американские «звезды» — «Мотли Крю», «Синдерелла» и «Бон Джови».

Нас представляли: «Бригада С» (это выступление прозвучало лебединой песней, так как вскоре пути Игоря Сукачева и «Бригады» разошлись); «Нюанс», чьим творчеством всерьез заинтересовался Питер Габриэл, и «Парк Горького» — на сегодняшний день самая популярная советская группа в ...Америке.

Все команды выступали, как говорится, кто во что горазд. Были, конечно, неизбежные накладки и проблемы — а как же без них? Например, не ладилась в первый день аппаратура у Оззи Озборна, а пожарные расстраивались, что вопреки инструкциям и указаниям тысячи бенгальских огней, спичек и зажигалок вспыхнули во время исполнения баллад «Скорпионз».

Слушатели пребывали в несколько фантастическом состоянии. То и дело раздавались возгласы: «Смотри, живой Оззи!», или: «Бон Джови, Бон Джови появился!» Музыканты же неоднократно признавались на пресс-конференциях, что испытывали неповторимое чувство общения с публикой, не избалованной хорошим рок-н-роллом.

Клаус Майне — вокалист «Скорпионз», очень общительный и доброжелательный человек, искренне радовавшийся каждой секунде незабываемого фестиваля, перед отлетом из Москвы сказал: «Этот уик-энд меня необычайно вдохновил и взволновал. Мы горды тем, что участвовали в историческом событии. Я уверен, что значение этого фестиваля мы осознáем только через некоторое время, а вдохновение, заряд положительных эмоций и энергия, полученные в Москве, бесспорно, отразятся в нашей музыке».

А. КАСПАРОВ

Фотографии Е. МАТВЕЕВА.

Еще одно название — «Не в бровь, а в глаз». Это верно. Именно так и бьет список Даниила.

Среди довольно неожиданных названий «Рок-шутка» и «Госстрах» (прислали Ракитина Лариса из Красноярска и Габдуллина Гульнара из Татарии).

И самое остроумное по своей простоте предложение: «Я бы хотела назвать рок-группу «Лена», так как меня саму зовут Лена».

Поздравляем Лену Гаранину из Куйбышева с победой в конкурсе и высылаем ей фотографию рок-группы «Мастер» с подписями участников ансамбля.

Собрал Домовенок всех своих друзей:

— Отстаем от жизни, братцы,— горько произнес он.— Давно меня эта мысль мучает... Посмотрите вокруг: кооперативное движение ширится, экстрасенсы по Центральному телевидению выступают, маленькие дети — и те уже на компьютерах в электронные игры играют! А мы все по старинке советы даем да шуточки шутим...

Деловой Матроскин ему резонно возразил:

— Без шуток и советов еще ни один человек на свете не прожил! Я лично своим занятием доволен, и ребята, по-моему, тоже не жалуются.

Колобок заметил:

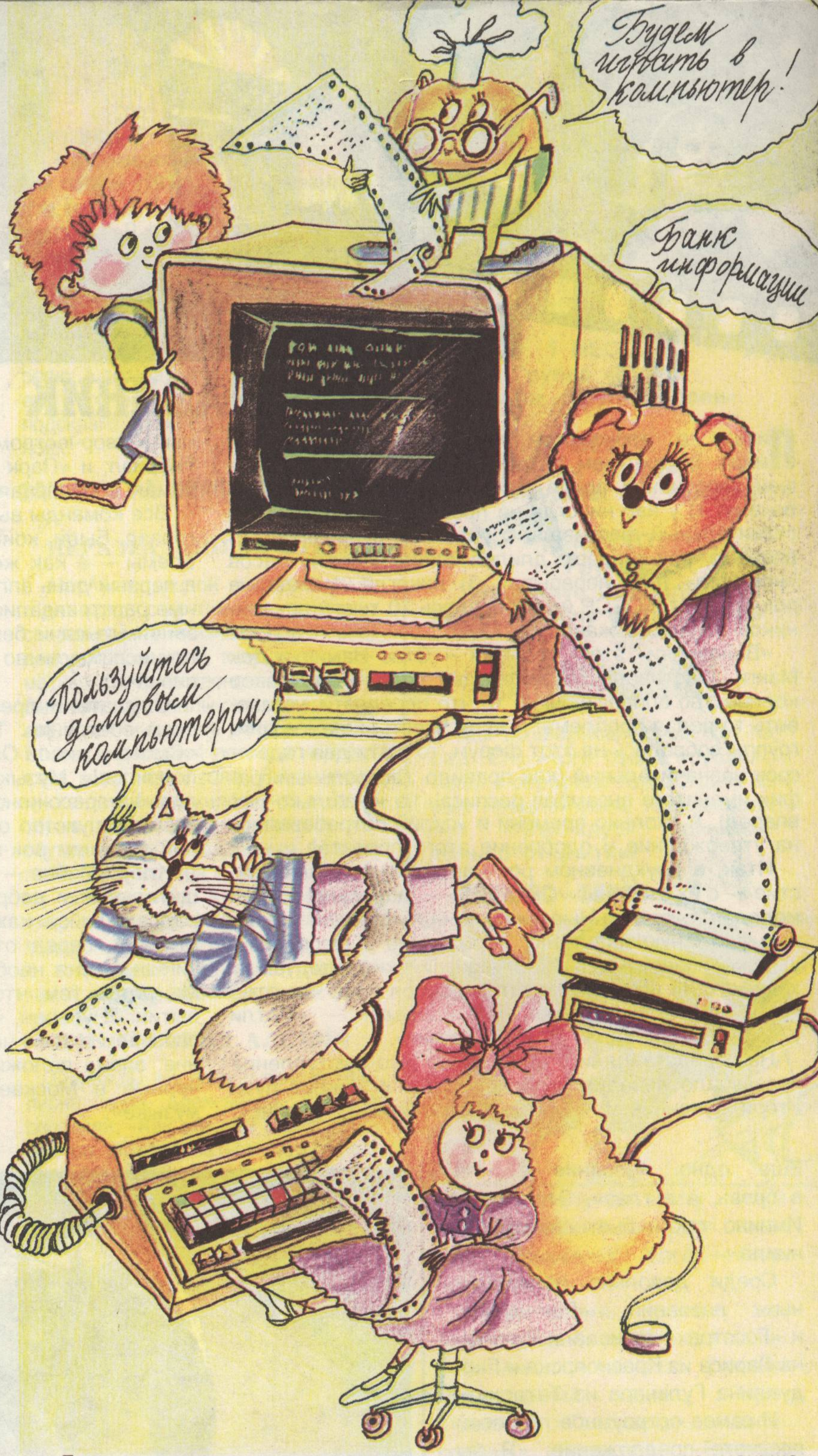
— Наоборот, свои рецепты присылают и пишут, как они блюда по моим рецептам готовили.

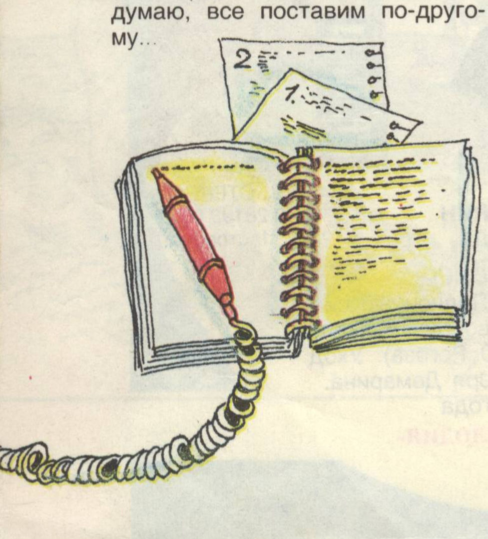
— А я девочек в платьях и шапках по моим выкройкам встречала,— сказала Белоснежка.

Папа Карло расстроился:

— Я-то думал с мальчишками своими секретами поделиться...

— Да с чего вы решили, что мы больше не будем ничего мальчикам и девочкам полезного рассказывать?! — чуть не закричал Домовенок.— Я только думаю, все поставим по-другому...

Будем играть в компьютер, как будто мы все вместе с нашими ценными сведениями и есть банк информации. А ребятам надо будет только нужные кнопки нажимать, и все у них на экране — то есть журнальной странице — и появится.

Винни-Пух уточнил:

— Ты предлагаешь, чтобы мы, как в кино говорят, за кадром оставались?

— Точно,— подтвердил Домовенок.— Мы свою работу продолжим, а ребята станут получать гораздо больше информации за счет того, что меньше сведений с нашей домовой кухни до них будет доходить. А назовем мы, пожалуй, наше домашнее предприятие ДОМОВЫЙ КОМПЬЮТЕР. Поскольку персональным каждого мы обеспечить не можем, приглашаем всех пользоваться нашим ДОМОВЫМ КОМПЬЮТЕРОМ.

А по ответам вы всегда поймете, кто из нас их дает!

Когда варящееся блюдо сбежит из кастрюли, сразу посыпьте пригоревшие места на плите

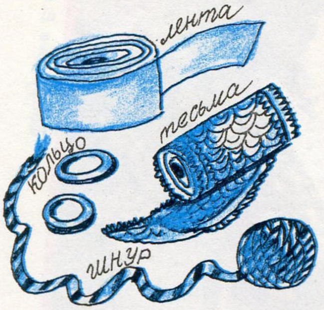
солью. Соль «съест» неприятный запах.

Когда жарите что-нибудь на растительном масле, оно обычно брызгает во все стороны, и приходится увертываться от жарких брызг. Но если перед жаркой посыпать дно сковородки солью, масло шипеть и брызгать не будет.

Помните: если керамическая плитка на кухне или в ванной плохо отмывается, добавьте к чистящему средству несколько капель нашатыря. Потом можно натереть плитку до блеска сухой тряпкой.

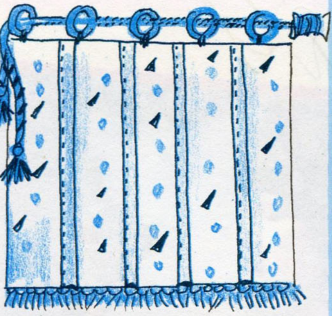
А если никак не уничтожаются разводы от цветочных горшков на подоконниках, выкрашенных масляной краской, раздобудьте несколько капелек спирта и протрите «неподдающиеся» места. Все как рукой снимет! Если же цветы у вас стоят на полках из мореного дерева — протрите полки смесью соли и растительного масла. Полированную мебель почистите растительным же маслом, но смешанным с пеплом от сигарет. Все белесые подтеки исчезнут.

Кстати, для чистки можно использовать и лимонные корки, если вы не делаете из них цукаты или не украшаете торт. Лимонные корки отлично действуют на краны из нержавеющей

стали — те начинают блестеть вовсю. Надо протереть корками кран, а затем помыть его водой с мылом.

От того, какие занавески в комнате, зависят и весь вид помещения, и настроение того, кто в эту комнату входит. Проще простого повесить тюль на окно и этим ограничиться. Но такой же тюль может висеть в квартире у соседа, друга и даже родственников из другого города! А вот несколько вариантов создания собственных оригинальных занавесей, причем не слишком сложных в исполнении и не

требующих дорогостоящих материалов.

Шторы из соломенной рогожки придают комнате свежий дачный, но вместе с тем и изысканный вид. Годится тонкая циновка — одноцветная и пестрая. К верхнему и нижнему краю прикрепите тоненькими короткими гвоздиками деревянные планки. К планкам приклейте или тоже прибейте полоски ткани, подходящей по цвету. Тканевые полоски нужны, чтобы соломка не отставала. Шнур средней толщины пропускается через катушку, а катушка прикрепляется к верхней планке.

Красивы будут и шторы с тесьмой или лентами. Подберите тонкую ткань и подходящую по цвету шелковую ленту или тесьму. Пристрочите декоративную тесьму с обеих сторон ткани и посередине. Затем с одной стороны через равные промежутки пришейте колечки и продерните через них шнур для подтягивания шторы. Шнур прикрепляется также через катушку на верхней планке.

Можно сделать и тканевые шторы со складками. Складки закладываются на ткани через равные промежутки, застрачиваются, и в них продергиваются тонкие деревянные планки. Удобны складки шириной 1,5—2 см.

Оригинальны занавески, закрывающие окно наполовину. Кроить материал надо с учетом того, что нижняя часть шторы должна свободно падать. В трех-четырех местах пришейте кулиски для резинок разной длины. Для нижней кулиски резинка значительно короче, чем для верхней. Длина резинки увеличивается снизу вверх. Концы резинок продерните в кольца, прикрепленные у краев кулисок. По бокам по всей длине шторы пристрочите тесьму для кулисок и пропустите через нее шнур. Шнур наматывается на катушку, прикрепленную к верхней части шторы.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ

ЧИТАЙ В МАРТЕ: продолжение страшной повести для бесстрашных школьников Эдуарда Успенского; рассказы Даниила Хармса; очередные выпуски рубрик «Переходный возраст» и «Формула бега».

Сдано в набор 04.12.89.
Подписано к печати 19.12.89. А 00431.
Формат 60×84⅛. Бумага офсетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44.
Усл. кр.-отт. 31,16. Учетно-изд. л. 9,00.
Тираж 1 820 000 экз. Заказ № 1683.
Цена 30 коп.

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 212-14-17.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

30 коп.

Индекс 70694

«Синдерелла»

О рок-празднике читай на с. 63.

Фотографии Е. МАТВЕЕВА.

«Скорпионз»

ISSN 0130—8009. Пионер. 1990. № 2. 1—64.